БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

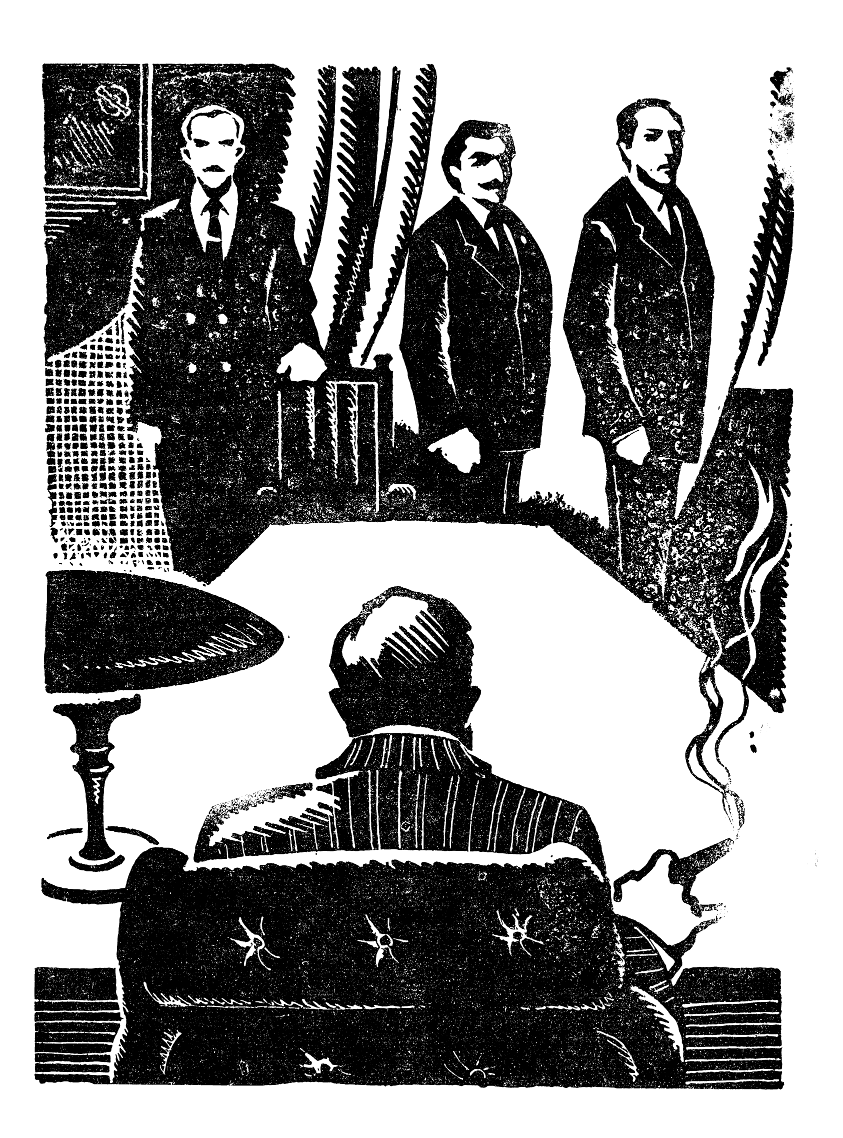
ПАВЕЛ БАГРЯК

СИНИЕ ЛЮДИ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ПАВЕЛ БАГРЯК

СИНИЕ ЛЮДИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1986

84Р7
Б 14

Художник
ВЛАДИМИР ОВЧИНИНСКИЙ

Багряк П.

Б 14 Синие люди : Фантастический детектив.— М.: Мол. гвардия, 1986.— 248 с., ил.— (Б-ка сов. фантастики).

75 к. 100 000 экз.

Повесть «Синие люди» одновременно научная фантастика и социальный детектив. Исчез, похищен ребенок — преступление, увы, не столь редкое в некоторых странах Запада. Расследуя преступление, герои романа обнаруживают, что за ним стоит военно-промышленный комплекс, который ради своих целей ставит чудовищные опыты над людьми...

Б $\frac{4702010200-079}{078(02)-86}$ 168—86

ББК 84Р7
Р2

ОТ АВТОРА

Предположим, человек наступил вам на ногу, а затем извинился. Хорошо ли, что он извинился? Нет спора.

Но лучше, чтобы он не наступал вам на ногу.

Я не знаю, много ли на белом свете извиняющихся людей, но могу с уверенностью сказать, что число наступающих на ноги от этого не становится меньше.

Когда я добросовестно описал то, что произошло на острове Ньюкомб, комиссар Гард прочитал рукопись и молча положил ее на край стола. Пытаясь скрыть свое волнение, я непринужденно спросил:

— Ну, Дэвид, как?

— Страшно,— ответил комиссар.

— Но это же правда!

— Никто не говорит, что вымысел,— спокойно заметил Гард.— Только кому нужна правда?

И все же я предлагаю вам эту повесть.

Простите меня, дорогой читатель, за то, что я наступаю вам на ногу!

Глава 1

«МОЯ ПРЕКРАСНАЯ УТ...»

21 мая, в десять тридцать утра, в 3-м полицейском участке был записан на магнитофонную ленту допрос гувернантки Бригитт Ворбус, пятидесяти шести лет, католички, незамужней. Допрос вел инспектор Джин Моргинс.

Джин Моргинс. Не волнуйтесь. И все по порядку.

Бригитт Ворбус. Бедная девочка! Вы найдете преступников? Скажите, инспектор, вы отыщете мою прекрасную Ут?

Джин Моргинс. Это зависит от вас, мадемуазель. Итак?..

Бригитт Ворбус. В десять утра мы, как обычно, вышли с Ут на прогулку. Знаете, в нашем парке есть милая аллейка, там гуляет племянник хозяина Набель с сукой Блюмой, которая недавно сжевала портьеру, а этот плешивый Набель показал на меня, хотя я...

Джин Моргинс. Не отвлекайтесь, пожалуйста.

Бригитт Ворбус. Извините. Мы опоздали немного, потому что Ут задержалась с завтраком и не видела, как она лакала молоко.

Джин Моргинс. Кто она?

Бригитт Ворбус. Блюма! Я обещала показать Ут, как Блюма пьет молоко с примесями, которые Ут всегда отвергает...

Джин Моргинс. Не понимаю. Какие примеси?

Бригитт Ворбус. Ложка рыбьего жира, пять граммов витамина Б-прим, семнадцать унций...

Джин Моргинс. О боже! При чем тут рыбий жир?

Бригитт Ворбус. Вы же сами просили перечислить!

Джин Моргинс. Говорите только о деле.

Бригитт Ворбус. Она намочила штанишки...

Джин Моргинс. Ваша сука ходит в штанишках?

Бригитт Ворбус. Ах, господин инспектор, какой вы непонятливый! Штанишки намочила Ут, с ней это часто бывает. И я побежала в детскую, чтобы принести смену белья. Девочка осталась у большой клумбы... Когда я вернулась, Ут спряталась. Нет, она у меня небалованный ребенок, но любит пошутить. Знаете, спрячется, а я делаю вид, что ищу ее и не вижу, и она смеется.

Джин Моргинс. Не волнуйтесь. Что было дальше?

Бригитт Ворбус. Я не знала, инспектор, что так случится. Боже мой! (Плачет.) Я так ее берегла! Два года она ни разу не болела, беленькая такая, пухленькая...

Джин Моргинс. Итак, она спряталась...

Бригитт Ворбус. И тут он показался на аллее.

Джин Моргинс. Кто?

Бригитт Ворбус. Мужчина. В светлой шляпе. Он быстро прошел, словно бежал куда-то... А моя бедная Ут...

Джин Моргинс. Успокойтесь. Выпейте воды. Что было дальше?

Бригитт Ворбус. Не помню... Ничего не помню! Я хотела высморкаться и вдруг... упала... Когда очнулась, никого вокруг не было. Я закричала, тут все сбежались, а плешивый Набель с Блюмой...

Джин Моргинс. Благодарю вас. Все. Вы свободны.

Акт медицинской экспертизы, подписанный доктором Керхоптом, постоянным экспертом 3-го полицейского участка, гласил:

«Платок светло-серого цвета, найденный на земле в 20 метрах от большой клумбы, пропитан фтолметилсупергипритом, вызывающим кратковременный паралич дыхательных путей и затем обморочное состояние. Срок действия препарата — пятнадцать минут. Шоковое состояние у обследуемой Бригитт Ворбус наступило мгновенно...»

В час дня дежурный 3-го полицейского участка, услышав звонок, поднял телефонную трубку.

— Говорит Вильям Доббс. Комиссара Вутса!

— Он уехал обедать, господин сенатор,— сказал дежурный, невольно приподнимаясь со стула.— Комиссар Вутс перед отъездом приказал немедленно вас информировать, если будут новости, но пока, к сожалению...

— Так, так,— прервал дежурного сенатор Доббс, обнаруживая металлические нотки в голосе.— Когда вернется Вутс, передайте ему, что я желаю комиссару приятного аппетита.

Инспектор полиции Джин Моргинс со своими помощниками и тремя лучшими в управлении собаками-ищейками еще раз внимательно обследовал парк сенатора Доббса.

След преступников собакам взять не удалось, так как они постоянно сбивались на следы, оставленные по всему парку сукой Блюмой. Зато в металлической ограде были обнаружены две подпиленные решетки, образующие щель, через которую можно было легко проникнуть в парк сенатора Доббса и столь же беспрепятственно из него удалиться.

Моргинс немедленно допросил прислугу. Выяснилось, что решетки подпилил дворник Коллумбс три года назад, когда был влюблен в Мэри Гордон, служанку сенатора Крафта-младшего, жившего с Доббсом по соседству.

Мэри на допросе разрыдалась и поклялась, что дворник Коллумбс бросил ее еще полгода назад и теперь любит кассиршу Люси из кабаре «Одно приятное мгновенье».

От дворника ничего не удалось добиться, он твердил, что во всем виновата Мэри, что с Люси у него «просто так», а что решетку он может починить хоть сегодня.

Дневная газета «Мир пять минут назад» опубликовала на первой полосе фотографию Ут Доббс. «Каждый, кто увидит девочку, должен немедленно позвонить в полицию, в редакцию или непосредственно Вильяму Доббсу».

В пять часов дня комиссар полиции Вутс дал интервью журналистам.

— Я уверен,— сказал Вутс,— что действует хорошо организованная шайка рэкетиров. Это не первое похищение ребенка в нашей стране, но, к сожалению, полиция пока бессильна. Однако я полагаю, в ближайшие дни мы закончим расследование или по крайней мере прольем свет на истину.

Сенатор Вильям Доббс смотрел пресс-конференцию по телевидению на своей вилле. Не дожидаясь конца передачи, он чертыхнулся, надел смокинг и вызвал шофера.

Рядом с женой сенатора, еще ни разу не вышедшей из спальни, постоянно дежурили профессора медицины.

Инспектор Джин Моргинс арестовал Бригитт Ворбус, дворника Коллумбса, Мэри Гордон и кассиршу из кабаре Люси. Получив разрешение комиссара Вутса, он явился в особняк сенатора, чтобы посадить под домашний арест его племянника Набеля. Узнав об этом, сенатор возмутился, позвонил Вутсу, и Набелю была предоставлена полная свобода. Тогда Джин Моргинс организовал за ним негласную слежку.

Студия «Эх!» начала съемки полнометражного фильма о похищении Ут Доббс. В роли главного рэкетира, сообщили выпущенные через сорок минут рекламные афиши, снимается известный киноактер, любимец публики Юм-Рожери.

Сенатор Вильям Доббс был по его просьбе принят президентом. Собственно говоря, от президента бы не убавилось, если бы он сам приехал к Доббсу, отдавая дань его богатству и его значению для страны, но Доббс, бывший в свое время президентом, решил на этот раз соблюсти декорум, отвечающий серьезности момента. Аудиенция началась в 19 часов 06 минут и закончилась в 19 часов 09 минут.

В 19 часов 10 минут Служба безопасности государства засекла телефонный разговор президента с министром внутренних дел Воннелом.

Президент. Дорогой министр, та великая миссия, которая возложена на мои бренные плечи народом и правительством, не позволяет мне отрешиться от всего земного...

Воннел. Мир так несовершенен, господин президент!

Президент. И не всегда справедлив! Меня только что покинул несчастный отец...

Воннел. Сенатор Доббс, господин президент?

Президент. Увы, все силы свои он отдает служению государству и народу, но какие-то люди, лишенные благородства души, совершают еще один страшный грех...

Воннел. Карающая рука правосудия настигнет их!

Президент. Я верю в это! И всю ночь буду молиться за маленькую Ут Доббс!

Воннел. С вашего позволения, господин президент, я сам возглавлю розыск преступников, они немедленно будут найдены...

Президент. И наказаны!

Один экземпляр беседы, как обычно, был тут же открыто передан Тайному совету, держащему под контролем действия и разговоры всех государственных людей, в том числе самого президента.

Другой экземпляр, как обычно, был отправлен в ведомство генерала Дорона, держащего под контролем деятельность Тайного совета.

Секретарь Вильяма Доббса в течение получаса нанял всех частных детективов города сроком на две недели. За поимку преступников был официально назначен гонорар в размере 100 тысяч кларков.

На 23.30 генерал Дорон созвал экстренное заседание.

— Приглашать по инструкции ноль-один или ноль-два? — спросил Дитрих.

— Ноль-один,— коротко ответил Дорон, и секретарь понял, что произошло чрезвычайное событие.

Шеф вызывал только ближайших помощников.

Табачная фирма «Антиникот» выпустила первую партию сигарет «Похищенная Ут» с фотографией Ут Доббс на пачке.

— В этот тяжелый для страны час,— заявил корреспонденту телевидения владелец фирмы Фердинанд Тубик,— мы тоже не можем оставаться равнодушными. Мы намерены продавать сигареты «Похищенная Ут» до тех пор, пока девочка не будет найдена. Курящий наши сигареты легко сможет опознать несчастного ребенка, взглянув на пачку, и шансы получить вознаграждение в 100 тысяч кларков у него будут больше, нежели у тех, кто курит сигареты фирмы «Макес и К°».

Министр внутренних дел Воннел издал секретный приказ, копию которого немедленно направил Тайному совету:

«Властью, доверенной мне президентом, приказываю:

1. Всех сотрудников уголовной, политической, интернациональной и особой полиции привлечь к розыску преступников, похитивших Ут Доббс.

2. Учредить Временный комитет в составе Пуна, Дэвича, Сургия, а также моих четырех заместителей по розыску Ут Доббс и преступников, ее похитивших.

3. Председателем Временного комитета назначаю себя.

4. Приказ вступает в силу немедленно».

Тайный совет путем опроса своих постоянных членов молчаливо санкционировал приказ министра Воннела, хотя и принял против него некоторые меры предосторожности, поскольку министр приобретал чуть большую силу и власть, нежели до издания приказа.

На всякий случай за Воннелом было организовано тайное наблюдение.

После трехчасового перекрестного допроса в камере городской тюрьмы в 23 часа 18 минут дворник Коллумбс сделал попытку к самоубийству, признав себя виновным в том, что проделал в ограде дырку, подпилив решетки.

Комиссар Вутс немедленно обнадежил Вильяма Доббса сообщением о том, что нити, ведущие к преступникам, уже в руках полиции.

Кроме того, комиссар Вутс официально уведомил сенатора, что тайным наблюдением, организованным инспектором Джином Моргинсом, установлено: племянник сенатора Крит Набель для неизвестных целей лично отрезает полуметровые куски от бархатных портьер, хотя эти его действия и не находятся в прямой связи с похищением Ут Доббс.

Наблюдение за Набелем продолжается.

— Дитрих, вы можете остаться,— сказал генерал Дорон, взглянув на часы, показывающие ровно 23.30.

Секретарь, идущий мягкой кошачьей походкой к выходу из кабинета, застыл как изваяние.

Просьбы генерала всегда звучали для него приказом.

Глава 2

СЛУГИ ОТЕЧЕСТВА

— Господа! — Дорон встал, и это обстоятельство заставило подчиненных быстро переглянуться: столь официальное начало не предвещало ничего хорошего.— Некоторое время назад Воннел позвонил мне и попросил,— я подчеркиваю: попросил! — помочь ему в деле Ут Доббс. Вы прекрасно понимаете, что я не обязан выполнять каждую просьбу министра, но в данной ситуации... Короче, я требую от вас исчерпывающих объяснений. Что скажете вы, Холл?

— Я узнал о похищении Ут Доббс из утренних газет.

— Та-а-ак. Вы, Рейдинг?

— Я впервые услышал имя девочки из телевизионной передачи.

— Так.— Дорон сел и на секунду задумался.— Пре-

красно. Ситуация несколько меняется. Стало быть, нам необходимо принять экстренные меры для розысков ребенка. Наш Комитет не может оставаться в стороне, господа, ведь мы тоже солдаты своей родины!

При этих словах все трое поднялись и, словно при исполнении государственного гимна, молча постояли несколько секунд.

— Прошу садиться,— сказал Дорон. И когда все разместились на своих местах, строго и без пафоса спросил: — Вы уверены, господа, что риск полностью исключен?

— Да, шеф,— твердо ответил Холл.

— Безусловно,— добавил Рейдинг.

— Отлично, Холл, вы можете переключить своих людей на поиск?

— Это в какой-то степени отвлечет их от прямых обязанностей.

— Мы имеем дело со случаем,— строго произнес Дорон,— когда Комитет способен пойти на издержки.

— Могу, шеф.

— Шансы на успех?

— Трудно сказать.— Холл замялся.— Очевидно, действует какая-то неучтенная шайка рэкетиров. Нащупать их будет нелегко.

— Три дня,— сказал Дорон,— и сто пятьдесят тысяч кларков. Сто из них мы компенсируем из гонорара сенатора Доббса. Рейдинг, а вы используйте в этом деле всю нашу технику.

— Операцию «Квартет» приостановить, шеф?

— М-да...— сказал Дорон, выразив сомнение.

— И «Адсорбент» профессора Чойза? Если, шеф, Институт перспективных проблем будет работать по утвержденному графику...

— Чойза отставить! — решительно прервал Рейдинга генерал.— «Квартет» продолжать! График работы ИПП срочно пересмотреть и увязать с новыми условиями. Операцию «Космос» перевести на режим абсолютной секрет-

ности. Вам ясно, господа? Если наши люди найдут девочку... Вы понимаете, что это для нас значит?

— Да, генерал! — чуть ли не в один голос ответили присутствующие.

— Благодарю вас и жду сообщений.

Рейдинг и Холл, по-военному повернувшись, пошли к выходу. Дитрих остался в кабинете. Когда дверь за участниками совещания закрылась, секретарь осторожно сказал:

— Простите, генерал...

— Что, Дитрих?

— Я хотел напомнить вам о комиссаре Гарде.

Генерал вскинул голову:

— Пожалуй, ты прав. Спасибо, Дитрих.

Через час комиссар полиции Гард входил в кабинет генерала Дорона.

Каждый раз, получив приглашение явиться, Гард испытывал не то чтобы страх — напугать комиссара уже ничего не могло,— а какое-то мерзкое чувство, вызывающее сосание под ложечкой и легкий приступ тошноты. Гард знал: спокойное течение его жизни теперь непременно нарушится, если можно называть «покоем» деятельность полицейского сыщика, всегда сопряженную с риском и смертельной опасностью. Но так же, как тигролову должно быть противно охотиться на жаб, так и Гарду было неприятно любое предложение Дорона. «За деньгами дело не станет, комиссар!» — обязательно скажет в конце разговора генерал. И, как всегда, давая согласие, Гард будет думать не столько о своих доходах, сколько о неприятностях, возможных в случае отказа.

Деятельность Комитета, возглавляемого Дороном, была окутана сплошной неизвестностью. Даже Тайный совет, не говоря уже о Службе безопасности, не располагал об этой деятельности полными сведениями. Втяги-

вая кого-либо из посторонних людей в орбиту своих забот, генерал был вынужден хоть на мгновение приподнимать покрывало над Страшной Тайной своего Комитета — одно это обстоятельство делало отказ невозможным. Дорон в одинаковой степени готов был и приблизить к себе человека, и безжалостно убрать его.

Собственно, до сих пор все предложения генерала, адресованные Гарду, не выходили за пределы профессиональных забот комиссара. Кого-то найти, кого-то догнать, кого-то выследить и всего лишь доложить об этом Дорону. Но истинной цели поисков, погонь и выслеживаний Гард никогда не знал, что казалось ему особенно противным. В нем постоянно сохранялось ощущение, что делает он дело нечистое, нечестное. Единственное, что в какой-то степени успокаивало Гарда, так это то, что Комитет Дорона был все же государственной, а не частной организацией, хотя генерал не забывал подчеркивать, что его предложения комиссару носят «личный» характер.

— Прос-с-сшу! — свистящим шепотом произнес Дитрих, кошачьим движением скользнув вперед и открывая перед Гардом дверь в кабинет.

Дорон еще издали кивнул комиссару на кресло, едва заметно улыбнувшись одними уголками губ. Гард тут же отметил про себя, что так умеют улыбаться только собаки, оставляя злыми глаза. Руки генерал никогда никому не подавал, словно боялся получить экзему.

— Давно не виделись,— произнес Дорон, пододвигая Гарду коробку сигар.

— Давно,— коротко сказал Гард, вынимая свою сигарету.

Собственно, не виделись они с того момента, когда комиссар занимался делом профессора Миллера и сталкивался с Институтом перспективных проблем, входящим в систему генерала Дорона. Но вспоминать об этом Гард не имел желания, тем более что в этом кабинете с особой осторожностью относились к людям, обладаю-

щим хорошей памятью. Сюда надо было приходить «пустым», а уходить отсюда так, как будто встречи и не было.

— Если не возражаете,— сказал Дорон,— я приступлю к делу.

Гард кивнул.

— У сенатора Доббса пропал ребенок.

Гард вновь кивнул.

— Воннел просил меня участвовать в поиске. Но вы понимаете, комиссар, мои олухи... И вы знаете, кроме того, как я отношусь к вашему таланту.

Гард сохранил на лице каменное выражение.

— Подумайте, комиссар, в какой мере вы могли бы помочь мне. Разумеется, это моя личная просьба, а за деньгами дело не станет.

И все, и разговор можно было считать оконченным: это в одинаковой степени понимали и Гард и Дорон, как и то, что все дальнейшее будет всего лишь сиропом, способным подсластить пилюлю. Уж коли невозможно отказаться от предложения Дорона, Гард позаботится хотя бы о сохранении внешнего достоинства — того, что называется «хорошей миной при плохой игре». Между тем умный и хитрый Дорон всегда позволял посторонним людям входить в кабинет и выходить из него с высоко поднятой головой, полагая это своеобразной компенсацией за потерянную совесть.

— Итак, подумайте, комиссар. Дело чрезвычайно для меня важное. Сроки сжатые.

Гард стал «думать». В конце концов, думал он, розыск Ут Доббс — дело благородное. От того, что полицейским управлением оно поручено не комиссару Гарду, а комиссару Вутсу, благородства не убывает. Вутс будет искать ребенка официально. Гард — частным образом. Важен результат. Что касается Дорона и его забот в этой истории, то пусть его тайны остаются с ним. Доббс — сенатор и миллионер, Дорон тоже: кто знает, какими взаимными обязательствами связаны эти люди?

Главное, найти ребенка и обезвредить шайку рэкетиров...

— Хорошо, генерал,— произнес Гард, и Дорон облегченно вздохнул, как будто комиссар мог сказать что-то иное.— Я приму участие в розыске.

— Деньги, люди, машины, необходимая аппаратура будут предоставлены вам по первому требованию,— сказал Дорон.

— Вы же знаете, генерал,— заметил Гард,— что первый этап моей работы кабинетный. Аналитический.

Дорон улыбнулся кончиками губ:

— Я плачу, дорогой Гард, за результат.

— Отлично.

— Благодарю вас.

Гард встал и, высоко подняв голову, направился к выходу. Дитрих невидимым движением распахнул перед ним дверь.

— Прос-с-сшу! — произнес он свистящим шепотом.

Глава 3

ПЕРФОКАРТА

— Комиссар, к вам Честер,— сказал Таратура, но Честер уже входил в кабинет Гарда.

— Давно ты сделал Таратуру вышибалой?— произнес он вместо приветствия.— Или берешь пример с Вутса?

Гард улыбнулся, с трудом скрывая смущение:

— Понимаешь, Фред, я очень занят.

— Я тоже. Однако приехал. Читал?

— Что ты имеешь в виду?

— Он еще спрашивает! — воскликнул Честер.— Ты слышишь, Таратура, твой шеф читает только те статьи, в которых он сравнивается с Шерлоком Холмсом или Альфредом дав-Купером! Можно подумать, что я каж-

дый день печатаюсь в «Ньюкомбе» и что моя судьба ему безразлична!

Спокойно дождавшись, пока иссякнет фонтан Честера, Таратура сказал:

— Не слишком ли ты краток?

И тут только Фред увидел на краю стола свежий номер «Ньюкомба», открытый на той самой шестнадцатой странице, где под крупно набранным заголовком «Позор нации» красовалась его статья.

— Извинись,— сказал Таратура, хотя и он и Гард отлично знали, что Честер извинится лишь в том случае, если посадит вместо себя на электрический стул ближайшего друга.

— То-то же! — удовлетворенно произнес Честер, беря из гардовской пачки сигарету.— Крепко я их? А? Что скажете?

Гард промолчал. С одной стороны, Фред правильно ставил вопрос: рэкетирство превратилось в национальное бедствие. Однако в истории, связанной с исчезновением Ут Доббс, дело было не только в рэкетирах — Гард уже убедился в этом, сделав несложный анализ данных, полученных в полицейском управлении. Впрочем, к Честеру это не имело отношения, он не обязан был знать то, что знал комиссар полиции.

— Молчите,— мрачно констатировал Фред.— Бог с вами. Я, собственно, к тебе по делу, Дэвид. Как тебе известно, розыск Ут Доббс поручен дубине Вутсу. Я уж не говорю о том, что он провалит следствие, но почему он не допускает журналистов к материалам поиска? Позвони ему и попроси в личном порядке оказать мне услугу...

— Исключено,— твердо сказал Гард.

— Ура! — воскликнул Честер.— Таратура, посмотри на этого человека! Это мой бывший друг Дэвид Гард, комиссар полиции, который ни разу в жизни не выпил со мной ни одной рюмки стерфорда и не был ранен пулей, предназначенной мне! А моя жена Линда...

Таратура решительным жестом остановил репортера.

— Ты нам мешаешь, Фред,— сказал он сухо.

— Черт возьми, чем же вы заняты важным, если все утро только и делали, что наслаждались моей статьей!

Гард поднял на Честера спокойные глаза:

— Мы расследуем исчезновение Ут Доббс.

Честер встал и снова сел.

— Вы? Тоже?! Вот это да! Теперь я никуда не уйду, пока вы не прекратите валять дурака. Выкладывайте карты. Если ваша работа связана с тайной, я готов соответствовать.

И он клятвенно поднял вверх указательный и безымянный палец правой руки, что уже много лет служило у них присягой молчанию.

— Хорошо,— сказал Гард, и Таратура плотнее прикрыл дверь.— Мы работаем по поручению... Дорона.

— Та-а-ак,— протянул Фред, не скрывая своей озабоченности.— Положение меняется... В этом деле у Дорона есть свой интерес?

Гард пожал плечами.

— Стало быть, есть, но суть в другом, старина. Мы кое-что посмотрели с Таратурой... Прелюбопытная картина! Читай.

И Гард протянул Честеру лист бумаги. Рукой Гарда там было написано: «5016 — количество детей, украденных рэкетирами за последние три года. 4867 — количество детей, возвращенных за выкуп или найденных полицией. 149 бесследно исчезнувших, хотя и за этих детей выкупы были внесены».

— В чем же дело? — спросил Честер.

— Мы уже думали,— ответил Гард.— Скорее всего в стране действует одна группа преступников, нарушающая негласный закон рэкетирства о возврате детей, за которых родителями внесены деньги. Впрочем...— Гард помолчал.— Впрочем, не будем торопиться с выводами.

— А что же будем делать? — сказал Фред.

Комиссар изучающе посмотрел на него:

— Ты-то при чем, старина? «Будем»! Ты будешь писать свои статьи, а мы с Таратурой «будем».

— Ага,— спокойно констатировал Честер.— В таком случае я выдам сейчас гениальную рабочую гипотезу, и если вы ее примете, попробуйте исключить меня из вашей кампании. Идет?

— Интересно! — сказал Таратура.

Фред вдохновенно поднял глаза к потолку и, словно поэт, импровизирующий стихотворение, начал:

— Необходимо немедленно... разыскать родителей ста сорока девяти бесследно пропавших детей! Допросить их! И выяснить, один ли почерк у преступников в ста сорока девяти случаях! Если один... Тогда ты прав: шайка рэкетиров, придумавшая нового бога. А если нет... значит, под маркой рэкетира действует какой-нибудь маньяк, сбежавший из сумасшедшего дома, который убивает детей и варит из них суп, а на выкуп покупает кастрюли!

Тут уж ни Гард, ни Таратура не смогли удержаться от хохота.

— Слушай, кровожадный тип,— сказал, отсмеявшись, комиссар.— Совещание великих криминалистов объявляю закрытым. Мы и так уже потеряли бесплодно...

— Как бесплодно?!

— ...целый час, а время для нас дороже денег. Скажи лучше, Фреди, какие у тебя заботы на ближайшие три-четыре дня?

— Хватит с меня того, что я ежедневно отчитываюсь перед Линдой,— мрачно ответил Честер.

— Я не шучу,— серьезно сказал Гард.— Если ты действительно хочешь нам помочь, возьми из этого списка пятьдесят адресов и срочно отправляйся работать.

Честер внимательно просмотрел список, переданный ему Таратурой, и обратил свой взгляд, полный уважения, на комиссара.

— С тобой противно иметь дело,— сказал он Гарду.— Я в великих муках рожаю гениальную гипотезу,

а у тебя, оказывается, уже отпечатанный на машинке список! Не человек, а голая кибернетика! Может, еще дашь вопросник, тиснутый типографским способом?

— Дам,— спокойно сказал Гард,— хотя и не типографским. Ведь каждый из нас возьмет по пятьдесят адресов. Нам необходимо задавать идентичные вопросы, чтобы иметь ответы, поддающиеся систематизации. Сними копию с экземпляра Таратуры.

Через пятнадцать минут они вышли из кабинета, сели в разные машины и растворились в потоке транспорта, несущегося по улицам города неизвестно куда.

Честер, правда, успел позвонить Линде.

— Дорогая,— сказал он елейным голосом,— твой любимый супруг впрягся в новую телегу и отправился на поиски миллионного клада, из которого он выделит тебе крупную долю, достаточную для того, чтобы купить прелестные босоножки. Не волнуйся, дорогая, и поцелуй Майкла.

Затем Честер спешно повесил трубку, чтобы не слышать любезного ответа супруги.

22 мая в 11 утра сенатор Вильям Доббс обнаружил на сиденье своей машины записку следующего содержания:

«Отключите полицию. Доставьте пятьсот тысяч кларков в шестой от угла автомат на улице Арендайк 23 мая к двенадцати часам дня. Ваша дочь будет передана в двенадцать тридцать вашей жене на углу Спитройса и Сендидайк. В случае нарушения условий или слежки за нами полиции Ут будет уничтожена. Благожелатель».

Через полчаса Центральная картотека полицейского управления дала справку о том, что почерк писавшего записку по уголовному, политическому и превентивному каталогу не значится. Еще через пятнадцать минут экспертиза установила, что чернила соответствуют марке «Роджерс», изготовляемой фирмой «Роджерс и внук»,

наиболее популярной у покупателей. Что касается бумаги, то она была типа ПТА-75, производства фирмы «Понти-Тэри-Айк», и употреблялась большинством гимназий и университетов страны. Кусок был вырван из тетради.

Районы города, прилегающие к названным в записке улицам, были немедленно взяты под усиленный надзор переодетой полиции.

Вечером 22 мая, когда Гард вернулся к себе в кабинет, ему позвонил Дитрих и передал точное содержание записки, полученной сенатором Доббсом.

Гард с нетерпением ожидал своих помощников.

Первым приехал Честер, чрезвычайно возбужденный сведениями, полученными от пятидесяти несчастных родителей. Потом появился Таратура. Узнав от Гарда о записке и мерах, принятых полицией, Таратура сказал:

— Дураки. На улице Арендайк никогда не было и нет автоматов...

Поздно вечером Гард позвонил по внутреннему телефону Карлу Кервальду, руководителю кибернетической лаборатории:

— Карл, мне срочно нужна ваша помощь!

Кервальд спустился лифтом на пятый этаж со своего одиннадцатого, почти бегом миновал два коридора и, несколько запыхавшись, возник на пороге гардовского кабинета.

— Что случилось, Гард?

Они знали друг друга уже лет десять.

— Пустяк,— сказал Гард,— но даже он должен оставаться между нами.

— Фу, черт! — с облегчением выдохнул Кервальд.—

У вас был такой голос, что я решил спасать вас от смерти.

— Почти так, Карл,— сказал комиссар.— Только не меня. Детей.

Коротко объяснив ситуацию, Гард изложил просьбу: как можно быстрее обработать с помощью компьютера данные, полученные в течение минувшего дня им самим и его помощниками. Какие данные? Пожалуйста: возраст детей, наиболее посещаемые ими места, материальное положение родителей, время кражи, способ кражи, место кражи, размер выкупа — всего около тридцати вопросов.

— Через полчаса вам будет не поздно? — спросил Кервальд.— Тогда я пошел.

Часы показывали пятнадцать минут первого.

В половине первого ночи сенатору Доббсу была доставлена телеграмма, состоящая из одного слова: «Шутка».

Джин Моргинс на всякий случай арестовал почтальона и немедленно сообщил текст телеграммы комиссару Вутсу.

Элементарным исследованием было установлено, что телеграмму приняло агентство СПИП (Срочно Передаем и Принимаем), а специальный наряд полиции, перевернув свежий архив СПИПа, нашел оригинал. Он был написан тем же почерком, что и записка «Благожелатель».

Вутс после некоторых колебаний все же принял решение позвонить Воннелу. Министр тут же поднял на ноги членов Комитета по розыску. На экстренном совещании, состоявшемся в два ночи и длившемся ровно сорок семь минут, было принято решение: 1. Считать записку «Благожелателя» шуткой и не реагировать на нее. 2. Наблюдение за племянником сенатора Набелем прекратить, о чем доложить сенатору Доббсу для его

душевного успокоения. 3. Взять под неусыпный контроль все телеграфные и почтовые агентства страны.

В 2 часа 50 минут Воннел поручил своему помощнику передать телефонограмму секретарю Дорона, который, в свою очередь, выполняя ранее отданное приказание генерала, тут же продублировал сообщение Вутса комиссару Гарду.

— Я же говорил,— спокойно заметил Таратура, когда вся троица познакомилась с событиями последних трех часов.

Без четверти два ночи Карл Кервальд положил перед Гардом данные — вытяжку из перфокарт.

Оказалось, что возраст бесследно исчезнувших ста сорока девяти детей колеблется от трех до шести лет. Материальное положение родителей самое разное: вероятно, это обстоятельство не было решающим для кражи. Размер выкупа был произвольным, причем вовсе не соответствующим реальным возможностям семей. Следовательно, выкуп тоже не был главной целью рэкетиров, но что тогда было их целью? Способ кражи оказался настолько разнообразным, что ни о какой специфике и особом почерке преступников говорить не приходилось. Очевидно, рэкетиры исходили из конкретной обстановки, а потому пользовались разными методами. Так же обстояло дело со временем кражи — все 24 часа в сутки. А крали детей — боже, откуда только их не крали! С улицы, из квартир, из туалетов и даже прямо из рук родителей, предварительно оглушив несчастных тяжелыми предметами.

Увы, все эти сведения не давали никакого ключа к поиску, хотя любимый учитель Гарда, известный сыщик Альфред дав-Купер, частенько повторял: «Отсутствие ключа уже есть ключ!»

Зато неожиданно выяснилось одно обстоятельство, на которое ни Честер, ни Таратура, ни даже Гард не

рассчитывали: словно сговорившись, родители в один голос заявили о том, что за сутки, за неделю или за две до исчезновения детей они побывали с ними либо в модной игротеке «Крути, малыш!», либо стригли ребятишек в парикмахерской «Пуся и К°». Точнее говоря, из ста сорока девяти ребят сто семь были в игротеке и все сто сорок девять — в парикмахерской.

— Потрясающе! — воскликнул Честер, ударив по плечу Таратуру.— Теперь преступники в наших руках!

— Умерь свои восторги,— заметил комиссар.— Ты удивляешься так, как будто узнал, что все дети выступали в варьете «Огнеметы любви» или у всех у них поголовно бабушки живут в Тегеране. Было бы странным, если бы они никогда не бывали в игротеке... Скажи мне, пожалуйста, как часто вы с Линдой стрижете Майкла?

— Скажи спасибо,— ответил Фред,— что Линда моет его хотя бы раз в неделю.

Таратура, как всегда, громко расхохотался.

— А если серьезно? — спросил Гард.— Разве детей стригут чаще, чем раз в два месяца? Следовательно, мы можем расценивать сто сорок девять стрижек, сделанных в пределах двух недель до похищения, не как случайность.— Гард задумался.— Впрочем, такое яркое совпадение говорит о весьма примитивном уровне рэкетиров, что, кажется, на них не похоже...— Гард опять помолчал. Таратура с Честером не мешали ему думать. Наконец он произнес: — Н-да, после такого улова, который нам дали перфокарты, настоящий рыбак дожидается ночи, чтобы вернуться домой незамеченным. Но не будем расстраиваться! Подумаем о дополнительных вопросах, которые нам следует поставить. А вам, Таратура, одно срочное задание: немедленно проверить медицинские данные каждого пропавшего ребенка. Вес, рост, группа крови, какими переболели болезнями...

— Зачем, шеф?

— Не знаю. Не могу еще объяснить. Просто чувствую.

— Но, шеф...

— Без «но», дорогой мой. Эти данные должны где-то быть. В семьях, в родильных домах, под землей, наконец, черт возьми!

Фред Честер, ощущая себя полным болваном, восхищенно смотрел на Гарда.

Глава 4

«ПУСЯ И К°»

Фирма «Пуся и К°» была такой же достопримечательностью Ньюкомба, как фонтан «Раненый кашалот», как стовосьмидесятидвухэтажное здание Слайд-Билдинг, где помещалась штаб-квартира крупнейшей в мире корпорации по производству фототоваров, как киноактер Юм-Рожери (его вилла была, правда, милях в сорока от города Нью, столицы Ньюкомба) и как двадцатидвухметровая шкура анаконды из музея естественной истории (хотя злые языки утверждали, что это две шкуры плюс художественная штопка).

Известность и слава фирмы зиждились отнюдь не на баснословных прибылях, не на сногсшибательном деловом размахе и не на применении ультрасупермодерновой техники. Нет, в городе ее любили какой-то особенной, трогательной любовью, неизвестной, наверное, ни одной фирме в мире. Ее любили, как любят старые открытки, детские книжки и рождественскую елку — все то милое прошлое, ушедшее и невозвратимое.

Парикмахерская фирма «Пуся и К°» делала куклы.

Но не торопитесь разочаровываться! Это не были говорящие, напичканные электроникой куклы-роботы, соображающие и разговаривающие лучше, чем дети. Это не были чудесные большеголовые куклы из особой эластичной синтетики, которые не горели, не тонули, не пачкались и не рвались, бессмертные очарования, перехо-

дящие из поколения в поколение, но страшные своим бессмертием.

Это были старые, как мир, совсем обыкновенные тряпичные куклы с глазами-бусинками, совсем, казалось, обыкновенные и все-таки знаменитые на весь город, даже на весь Ньюкомб.

Родились они лет шестьдесят назад, когда эмигрант Карел Пуся открыл на окраине Нью маленькую цирюльню, в которой стриг своих пациентов под неусыпным оком супруги Жаклин. Француженка отличалась удивительной практичностью, благодаря которой заведение Пуси быстро приобрело популярность. Уже тогда одной из главных приманок посетителей были тряпичные куколки, которые вручались клиенту, чтобы он приходил второй раз.

Это было необычно, мило, свежо и как-то по-домашнему непринужденно. В парикмахерскую потянулись папаши с детьми, затем дети с папашами, а потом и без них. Каждый ребенок торопился получить свой маленький приз, и именно в это время Жаклин сделала второй решительный шаг, отразившийся на популярности Карела Пуси: она придумала клеить для кукол примитивные парички из волос клиентов.

Прихоти людские — это мир, полный загадок. Никто не мог толком объяснить ни себе, ни другим, почему так хотелось иметь куклу с собственными волосами. Но все хотели ее иметь, и это было главным.

На похоронах Карела Пуси творилось, говорят, что-то невообразимое: бывшие дети рыдали, как дети настоящие, и казалось, что люди хоронят молодость. Но то, что молодость вечна, подтверждали два стройных молодых человека, которые первыми шли за гробом, ведя под руки старую Жаклин. Это были Иржи и Серж Пуся, которые не только унаследовали дело родителей (их бедная мать вскоре отправилась за своим мужем), но и обновили его одной оригинальной идеей.

К тому времени парикмахерская уже окончательно

превратилась в детский салон, а центр города поглотил окраину, как это часто бывает с бурно растущими столицами государств.

Итак, Серж Пуся стриг, а Иржи Пуся в это время делал куклу — точную копию клиента с его собственными волосами. Родители могли внести ничтожную плату, своеобразный залог, зато через десять-двенадцать лет — в день совершеннолетия — бывший клиент, который был «оригиналом», мог выкупить у братьев Пуся свое собственное изображение.

Иржи Пуся, занимающийся куклами, специально окончил школу прикладного искусства (у него с детства был талант к лепке и рисованию, что, собственно, и послужило толчком к идее) и даже стажировался год у художников фирмы Уолта Лиснея. А Серж, его старший брат, заправлял в парикмахерской, вел картотеку и учет клиентов.

Со временем братья наладили поточное производство, организовали склад по консервации кукол, и дело, успех которого поначалу вызывал большие сомнения, стало с каждым годом приносить все больше и больше прибылей.

Фирму «Пуся и К°» можно было бы считать вполне преуспевающей, если бы не быстрое течение времени, подтачивающее ее основу. Дело в том, что, целиком отдавшись чужим детям, братья как-то позабыли о собственных, не обзавелись женами и теперь остались без наследников. Впрочем, деньги всегда находят людей, которые даже без родственных связей готовы их заполучить. Но вот талант и вкус к работе... Иными словами, со смертью Иржи и Сержа Пуси — не дай, конечно, бог, пусть проживут они еще сто лет, а потом еще двести! — кончалось и их премилое дело.

Вот так же вымирает некогда могущественное племя, если в нем остаются одни старики, истратившие всю молодость для достижения могущества.

У старых братьев был только один родственник, и тот

очень дальний, троюродный племянник по материнской линии. Его звали Туром Сайрусом, и он владел игротекой «Крути, малыш!». Кстати сказать, Сайрус уже несколько лет приобретал у старых братьев куклы, не востребованные оригиналами, и поддерживал таким образом деловой контакт со своими дальними родственниками. Почувствовав, что их сегодняшнее творчество они уже вряд ли сами реализуют, Иржи и Серж Пуся предложили Туру Сайрусу, человеку еще молодому и энергичному, купить у них и покупать впредь, пока они будут работать, куклы. Разумеется, за четверть цены. Тур немедленно согласился, и два с половиной года назад фирма «Пуся и К°» пережила грустную, но неизбежную реконструкцию.

Несколько циничный и тем самым вполне современный, Тур Сайрус, пополнив свой собственный склад кукол и гордясь им, сравнивал его с винным погребом. «Мои куколки,— говорил он друзьям,— как хороший коньяк, из года в год становятся дороже».

Истинный житель своего города, Дэвид Гард отлично знал историю фирмы, не говоря уже о том, что и у него дома над кроватью висела маленькая кукла с черными как смоль волосами — былой красотой нынешнего комиссара полиции.

На куклу как раз и смотрел Гард, думая о быстротечности нашей жизни, когда раздался звонок в передней.

Честер привез с собой ветчину и банку сливок. Они наспех перекусили, и Гард сказал:

— Пора. Будешь стоять через улицу напротив, у витрины, где крокодил жует пирожное. Только не вздумай заходить в салон и будь предельно внимательным. А я...

— Ты уверен,— перебил Фред,— что они тебя не знают?

— С того момента, когда я последний раз был у них,

прошло лет тридцать пять...— Гард невольно бросил взгляд на куклу, и Фред поймал его, мысленно посочувствовав другу.— В том-то и дело, старина, что их знает весь город, а они — никого.

— Но явиться в салон без ребенка...

— Пустяки,— сказал Гард.— Я представлюсь налоговым инспектором, документы у меня в порядке.

— Все равно липа,— сказал Честер.— Ведь нам важно увидеть их работу в чистом виде, как это было с родителями ста сорока девяти детей, а не с налоговыми инспекторами.

Гард засмеялся:

— Ну где я возьму ребенка? Для того чтобы сегодня идти с ним в парикмахерскую, я должен был подумать об этом минимум четыре года назад!

— Возьми Майкла,— предложил Честер.

— А что? Это мысль. Только избавь меня от объяснений с Линдой.

— Она и знать ничего не будет,— пообещал Честер.— Я просто поймаю во дворе Майкла, проведу с ним небольшую разъяснительную работу, и он потом такое наворотит матери, что даже я поверю.

— Знаешь, Фред,— сказал комиссар, сделав два шага назад и оглядев Честера с ног до головы, словно прицениваясь,— а ты и впрямь молодец. Ей-богу, тебя можно брать к нам в стажеры. Бездна логики, проницательность, собачий нюх...

— И тупость ума, столь свойственная представителям твоей профессии,— в тон Гарду добавил Честер.

Через полтора часа Гард шагал по улице города, держа за руку пятилетнего Майкла Честера. Кто с кем должен идти в ногу, Гард не знал и потому старался приноровиться к мелким шажкам ребенка. Майкл искоса наблюдал за усилиями комиссара, а потом, не выдержав, заметил:

— Дядя Дэвид, ты выглядишь довольно глупо. У взрослых шаг должен быть длинным.

Гард покраснел и, чтобы скрыть свое смущение, наставительно произнес:

— Ведь мы договорились: никакой я тебе не дядя, а самый настоящий...

— Знаю,— сказал Майкл,— я должен звать тебя папой. И еще не трогать коробочку, которую ты положил мне в карман.

— За все за это я куплю тебе заводной танк и трех солдатиков.

— Но не по двадцать пять лемм за каждого, а которые по пятьдесят! — добавил Майкл.

Они двинулись дальше, а по другой стороне улицы независимой походкой двигался Фред Честер.

В зале ожидания никого не было, но в кресле за стеклянной перегородкой, делавшей парикмахерский салон похожим на аквариум, сидела заплаканная четырехлетняя красавица. Старый Серж Пуся подвивал ей локоны и что-то говорил, говорил, говорил, отчего девочка наконец стала улыбаться. Затем, раскланявшись с ней, как со взрослой дамой, и проводив до двери, Серж Пуся подошел к ожидающим.

— Прошу простить меня,— сказал он, обращаясь непосредственно к Майклу,— я, кажется, заставил вас подождать. Отличный волос, молодой человек! Я рекомендовал бы вам бенди, если, конечно, ваш папа не будет возражать.

— Не будет,— сказал Майкл.

— Тогда прошу!

И он увел Майкла в аквариум.

Гард вытащил очки, в оправе которых находился приемник, сунул в ухо крохотную запонку динамика и развернул газету. В кармане штанишек Майкла лежала маленькая, но чрезвычайно хитрая коробочка, которая не только записывала все слова, произносимые в радиусе пяти метров, но и транслировала их прямо в ухо

комиссару полиции. Сначала Гард услышал какое-то звяканье — через стекло ему было видно, как Серж Пуся усаживал Майкла в роскошное подвижное кресло, оборудованное большим количеством никелированных рычажков, кнопок и рубильников. Затем...

— Ну, вот и отлично,— сказал старик.— Бенди — это, по совести говоря, мода будущего, но кто сказал, что нужно ходить в сегодняшних модах?

Майклу шутка понравилась, и он непринужденно засмеялся.

— Простите, я совершенно забыл, как вас зовут?

— Майкл,— сказав Майкл.— Меня зовут Майкл Честер, а там, в зеркале, сидит мой папа.

«Молодец»,— отметил про себя Гард.

— Ба! — воскликнул Пуся.— А не тот ли вы Майкл Честер, который любит яблочный пудинг и прекрасно играет в индейцев?

— Хм,— подозрительно хмыкнул Майкл.— А откуда вы знаете?

— Я все знаю, молодой человек, даже то, что ваш папа...

И Гард и сын Честера внутренне сжались при этих словах, но Пуся неожиданно отвлекся, беря в руки электрическую машинку и включая ее в сеть. Работа началась, и Гард видел через стекло, что Серж Пуся орудовал инструментом просто с феерической ловкостью, напоминающей ловкость артистов цирка. Когда первый этап стрижки завершился, Майкл, к великому огорчению Гарда, спросил:

— Так что же мой папа?

— А, вы про это? — сказал Пуся, и Майкл согласно кивнул головой.— Я хотел сказать, что ваш папа, наверное, закажет мне маленького игрушечного мальчишку, очень на вас похожего, да еще с вашими прекрасными волосами в придачу! Как вы думаете?

Майкл искренне поделился сомнениями с Пусей:

— Трудно сказать. Ведь он обещал мне солдатиков и заводной танк...

— Отличная штука — заводной танк! — кивнул Серж Пуся.— Очень нужная в доме вещь. Заводной танк! Я вам просто завидую. Но ведь кукла, о которой я говорю, вполне сгодилась бы вам, даже если вы станете танкистом. А? Что скажете по этому поводу?

— Пожалуй,— согласился Майкл.

— Я думаю, надо поговорить с папой об этом, и вы меня поддержите...

«Ах, хитрая бестия! — подумал Гард, не испытывая, однако, никаких неприятных чувств к старику.— Сделка-то начинается уже в кресле, когда папа, сидя в зале ожидания, и не ведает о том, что на его карман готовится маленькое покушение! Наверное, звуконепроницаемое стекло поставлено с этой же целью. Сейчас он явится сюда с мальчишкой, заведет разговор о кукле, и бедный родитель поднимет лапки кверху».

Случилось именно так, как предполагал Гард. Куклу пришлось заказать, тем более что заказ этот был на руку комиссару полиции. Когда Гард оплатил заказ — всего полтора кларка, не бог весть какие деньги,— Пуся сфотографировал Майкла в фас и профиль, любезным образом раскланялся с ним, а заодно и с Гардом и проводил их до двери. В зале ожидания уже вертелся очередной клиент, молодая родительница которого плотоядно смотрела через окно на витрину, где крокодил жевал пирожное.

Некоторое время спустя, после того как Честер отвел Майкла домой, вручив ему танк и пятидесятилеммовых солдатиков, они вместе с Гардом еще раз внимательно прослушали запись беседы Пуси с ребенком. Ничего подозрительного в разговоре не было, как и при наблюдении с той точки, где находился Честер.

— Чепуха! — сказал Фред, с явным разочарованием в голосе.

— А ты что же, думал, что мы с Майклом в одно мгновение разоблачим рэкетиров и тут же их арестуем? — сказал Гард.— И репортер Фред Честер получит преимущественное право брать интервью у собственного сына?

— Но ведь старика совершенно не интересовал мальчишка! Ни откуда он, ни богатые или бедные у него родители, ни где они живут...

— Стоп, стоп, не надо торопиться,— прервал Гард.— Во-первых, в ста сорока девяти случаях материальное положение родителей тоже никого не интересовало. Что касается адреса, то Пуся взял его у меня, сказав, что должен прислать напоминание. Вот видишь...

— Что «видишь»? Ничего я не вижу. У Пуси перебывало много тысяч детей, в его хранилищах сотни тысяч кукол, и только потому, что исчезнувшие дети когда-то обстригли у него свои макушки, он должен их воровать? Он гангстер? Чепуха!

— Брось кипятиться,— примирительно сказал Гард.— Я вовсе и не думаю тебя в чем-либо убеждать, потому что и сам не уверен. Хотя это правильно, что мы пошли в парикмахерскую. В конце концов мы теперь знаем, что адреса и фотографии похищенных детей наверняка были у Сержа Пуси и, вероятно, в игротеке у Тура Сайруса. Значит, нам еще следует добраться и до него.

Оба замолчали, погрузившись в размышления.

— А знаешь,— сказал после паузы Честер,— это уже кое-что.

— Нет,— сказал Гард,— это меньше.— Так часто бывало, что, споря, они менялись позициями, подставляя друг другу и свои слабости, и свои козыри.— Это было бы «кое-что», если бы у Пуси не существовали адреса и фамилии многих тысяч ребят, которых никто не похищал и которые преспокойно живут со своими мамами и папами.

— Все правильно,— сказал Честер.— Но есть еще какой-то признак, какая-то упущенная нами деталь, сы-

гравшая, быть может, роковую роль в судьбе похищенных.

Гард при этих словах взглянул на часы — они сидели в его кабинете — и тихо произнес:

— Надо дождаться Таратуру.

— Ты думаешь, вес детей или их кровь?! — сказал Честер.

— Не знаю. Ничего пока не знаю.

— Какой ужас! — прошептал Фред, ярко представив себе судьбу исчезнувших ребятишек, если недостающей деталью, о которой он говорил с Гардом, была их кровь.

Заканчивался второй день поиска, но не было даже намека на результат. Через те же каналы, что и прежде, Гарду стало известно, что президент звонил министру Воннелу, Воннел — Вутсу, а Вутс пообещал Моргинсу снять с него голову, если по прошествии еще одних суток не появится «хотя бы надежда», как выразился президент.

Весь город уже знал не только о случившемся, но и о мерах, принятых полицией. Невозможно было появиться на почте или на телеграфе без того, чтобы тебя не обыскали, не сняли отпечатков пальцев и не проверили твой почерк. Аэропорты, железнодорожные станции и автострады были намертво перекрыты: поиск Ут Доббс велся по принципу наивысшей интенсивности. Проверялся багаж, выворачивались наизнанку автомашины, просматривались бандероли, вспарывались перины, только что купленные в магазине, но еще не доставленные домой,— через такое густое сито, казалось, иголка не проскочит, не то что человек.

Всеобщая подозрительность охватила город до такой степени, что родители боялись появляться на людях со своими детьми, чтобы окружающие не подумали, будто они нарочно демонстрируют покой и благополучие, кото-

рых на самом деле нет, поскольку их совесть чем-то замарана.

В городской тюрьме все еще пребывала в истерическом состоянии гувернантка Доббсов Бригитт Ворбус. Ее многократно допрашивал лично комиссар Вутс, добиваясь точного описания человека, похитившего бедную девочку.

— Он был в шляпе? — спрашивал комиссар.

— В канотье! — уже истерически кричала гувернантка.

— Какого цвета были его носки?

— Рыжего!

— Какой был у него голос?

— Женский!

— Вы что, с ума сошли? — спрашивал Вутс.— Быть может, вы еще скажете, что он был не один, а их было двое? Или четверо?

— Одиннадцать! — кричала Бригитт Ворбус.— Как в команде регбистов! А двенадцатый, запасной, сидел на дереве! Что вы от меня хотите? Я не помню, как он выглядел и сколько их было! Ут пора кормить, вы понимаете? Пора кормить! Ищите мою девочку и не терзайте меня!

— Вы уверены,— перебил ее Вутс,— что преступник был в канотье?

— О боже! — только и могла выкрикнуть гувернантка.

В конце концов, окончательно разозлившись, она дала описание человека, укравшего Ут Доббс, составленное из суммированного внешнего вида племянника сенатора Набеля и его суки Блюмы: лысый череп, зеленые глаза, длинные зубы, короткие ноги, плачущий голос и отвислый зад.

Самым удивительным было то, что как в воду она смотрела.

К вечеру Таратура принес Гарду справку, прочитав которую комиссар понял, что конец веревочки, образо-

вавшей сложный и запутанный клубок, он все же ухватил. Оказалось, что у всех ста сорока девяти детей — семидесяти пяти девочек и семидесяти четырех мальчиков,— согласно данным картотек, хранящихся в детских консультациях, была одна группа крови: первая. И одинаковый резус-фактор: отрицательный! Все прочие медицинские данные не поддавались систематизации ввиду полного разнобоя.

Это и был, очевидно, тот самый недостающий роковой признак.

— Завтра же утром вы отправитесь к Пусе,— сказал Гард инспектору Таратуре.— Возьмите документы налогового работника и проверьте доходы фирмы. Действуйте спокойно, вежливо, но предельно внимательно. Заодно прихватите у него десятка полтора фамилий клиентов — на выбор, из реестровой книги — и проверьте, есть ли среди побывавших в парикмахерской и не пропавших,— не пропавших! — такие, у которых первая группа крови и отрицательный резус-фактор. Поняли меня?

Таратура кивнул головой.

— Я буду ждать телефонного звонка. Здесь. Прямо с утра.

— Договорились, шеф,— сказал Таратура.

Рано утром следующего дня маленькая Ут Доббс осторожно вошла в спальню своих родителей. Потрясенный миллионер не поверил своим глазам, а жена его тут же упала в обморок.

Прибывший на место комиссар Вутс мягко допросил ребенка в присутствии сенатора Доббса и инспектора полиции Моргинса:

— Где ты была?

— У дяди Набеля.

— Что ты там делала?

— Играла с Блюмой.

— А что ты ела?
— Все.
— Кто же тебя кормил?
— Дядя Набель.
— Он не выпускал тебя из комнаты?
— Я сама не хотела.
— Почему?
— Мне надоела Бригиттка.
— Где же ты спала?
— В кресле.
— А чем укрывалась?
— Портьерой.
— Ты сама придумала спрятаться?
— А кто же еще?

Дальнейший допрос девочки был бессмысленным. Срочно вызванный Набель промычал что-то плачущим голосом, потом нежно погладил Ут по головке, а затем показал кулак той стороне здания, где находилась комната гувернантки Бригитт Ворбус. Неожиданно для Вутса и Моргинса он оказался от рождения глухонемым.

Как выяснилось при дополнительной проверке, серый платок, пропитанный фтолметилсупергипритом, из-за которого свалилась с ног гувернантка Ворбус, принадлежал ей самой. Прибирая спальню хозяев, она, по своему обыкновению, хотела воспользоваться чужими дорогими духами, но перепутала флаконы. Зачем, в свою очередь, понадобился фтолметилсупергиприт сенатору Доббсу и его супруге, выяснять никто не решился.

Тут же был дан отбой по всем официальным и неофициальным каналам.

Гард еще находился дома, когда ему позвонил Дитрих. Коротко сообщив суть происшедшего, он предупредил Гарда, что сейчас с ним будет говорить генерал Дорон.

— Комиссар? — услышал Гард через секунду.— Дело кончилось фарсом, но я рад такому исходу. Двадцать процентов вашего гонорара будут перечислены вам немедленно. Благодарю за усердие.

И трубка, не дожидаясь гардовского ответа, возвестила об окончании разговора короткими гудками.

«Для кого дело кончилось,— подумал про себя Гард,— а для кого только начинается».

По дороге в управление Гард купил «Мир пять минут назад», утренний выпуск, и на первой же полосе прочитал сообщение о том, что никакого рэкетирства в стране нет. «Слухи о нем,— читал Гард,— имевшие целью посеять панику и неразбериху, пущены представителями оппозиционной партии, которая уже начала подготовку к очередным выборам в сенат».

Удивительно просто решались проблемы в Ньюкомбе!

Таратура позвонил Гарду около десяти утра. Уж лучше бы он не звонил! Да, ему удалось установить несколько адресов детей, имеющих первую группу крови и отрицательный резус, которые побывали в парикмахерской, но до сих пор преспокойно жили в своих домах.

Логическая схема, нарисованная Гардом, давала трещину. Получалось, что все похищенные сто сорок девять детей побывали в парикмахерском салоне «Пуся и К°», но в нем побывали и тысячи непохищенных! Все сто сорок девять имели первую группу крови и отрицательный резус-фактор, но были дети с такой же кровью, благополучно оставшиеся целыми! Значит, думал Гард, есть еще какой-то дополнительный признак, наличие или отсутствие которого предопределяло хищение. Какой?

Кроме того, Гард никак не мог взять в толк, при чем тут парикмахерская. Ведь там не делают анализа крови. Правда, адреса, фотографии... Но комиссар что-то не слышал, чтобы по фотографии можно было определить резус.

Гард долго сидел в кабинете, потом встал, походил,

снова сел и вдруг ринулся к телефону, вспомнив что-то чрезвычайно важное.

— Фред? — сказал он.— Как хорошо, что я застал тебя дома! Слушай, дружище...

— Я уже все знаю,— сказал Честер.

— Ты ничего не знаешь,— перебил Гард.— Сейчас я звоню по другому поводу. Скажи мне, у тебя есть медицинская карточка Майкла? Будь другом, взгляни, какая у него группа крови и резус-фактор... Ну, я потом объясню... Жду.

Пауза. Гард неподвижно, как изваяние, сидел в своем кресле. В пепельнице дымилась сигарета, к самому потолку отправляя синие остатки того, что было ее смыслом.

— Первая! — услышал Гард голос Честера.— Резус отрицательный. А что случилось?

— Слушай, Фреди, там нет поблизости Линды? Хорошо. Так вот, напряги свое внимание... Я не паникер, ты знаешь, но не исключено, что, может быть, мы поставили мальчика под удар. Не перебивай, я знаю, что говорю... Во всяком случае, очень прошу тебя: не отпускай его никуда одного. Присмотри за ним. Кстати, где он сейчас? Дома? Ну и хорошо. Так ты понял меня? Ты хорошо меня понял?

Гард повесил трубку. Потом вдруг громко сказал в пустоту:

— И зачем я взял его в парикмахерскую!

Глава 5

МАЙКЛ

В свои пять лет Майкл был таким сообразительным ребенком, каким его папа, дай бог, будет лишь в пятьдесят, если, конечно, будет. Когда Линда устраивала Фреду то, что он называл «симфоническим концертом»,

Майкл не вмешивался ровно до той поры, пока это было терпимо. В критический момент он неизменно входил в комнату и с невинным видом говорил нечто такое, от чего родители мгновенно забывали друг о друге и начинали заниматься ребенком. Например: «Мама, это хорошо, что у меня появилась сыпь?» — «Что?! — воскликнула Линда.— Сыпь?! Где?» Через минуту голый Майкл уже крутился перед родителями, как новый товар в витрине универсального магазина «Клопкин и Штусс», разочарованно приговаривая: «Неужели мне показалось?» Вновь обретшая счастье и покой Линда шептала Фреду, блестя повлажневшими глазами: «Нам нужно беречь сына, а не сводить мелкие счеты. Ты даешь обещание?» И Честер давал, хотя никогда не мог догадаться, в чем заключается его вина перед супругой и откуда берутся эти мелкие счеты.

Что же касается наблюдательности Майкла, то ей мог позавидовать великий Альфред дав-Купер. Пройдя единожды мимо дворца президента, он мог потом целый час рассказывать отцу об увиденном и достопримечательностях, о которых не подозревали даже самые лучшие гиды страны. Именно от Майкла, к примеру, Фред узнал, что на подоконнике двенадцатого окна четырнадцатого этажа, если считать от площади Возмущения, стоит капитально вмонтированная подзорная труба, через которую, как уже догадался Фред, господин президент мог наблюдать окна заведения мадам Борвари.

При всем при этом Майкл был настоящим ребенком, физические возможности которого не имели, кажется, предела. Если он начинал бегать вокруг клумбы в парке Сента-Клосс (где они, кстати, с отцом сейчас гуляли), с него могли делать чертежи неудачливые изобретатели вечного двигателя. Если он, обидевшись, объявлял голодовку, он мог оставаться без еды, наверное, целый год, вызывая у матери истинные страдания. Но если Майкл садился за книжку с картинками, изображающи-

ми войну, даже настоящая война не могла вернуть его к реальности.

Майкл первым заметил трех незнакомых «дядей», не спускавших с него напряженных взоров...

— Папа,— сказал Майкл,— ты не знаешь, что им надо!

О, Фред отлично знал! Резко обернувшись, он встретил недвусмысленный взгляд двухметрового гиганта, который был у них, вероятно, за главного. И тогда, ни слова не говоря Майклу, быстро свернул на центральную аллею. Крепко держа сына за руку, Честер подошел к ближайшей телефонной будке.

— Дэвид? — сказал он, когда услышал характерное «да-да» на том конце провода.— Я должен сообщить тебе нечто важное. За нами с Майклом ходят подозрительные типы. Выезжай сам или присылай Таратуру, а мы послужим приманкой.

— Где вы находитесь? — спросил Гард.

— В парке Сента-Клосс, в районе Круглых прудов.

— Не клади трубку, я кое-что выясню.

Пока Гард что-то выяснял, Честер видел через стекло, как троица, не дойдя до телефонной будки метров двадцати, нахально остановилась. «Вот кретины! — невольно подумал Честер.— Даже странно, почему полиция до сих пор не может покончить с рэкетирами, работающими так грубо».

— Алло! — послышался наконец голос Гарда.— Фред, посмотри на этих типов и скажи мне, есть ли среди них детина двухметрового роста?

— Есть,— несколько недоумевая, ответил Честер.

— А не торчит ли у него в петлице пиджака красная гвоздичка?

— Гвоздичка это или нет,— ответил Честер,— но что-то красное торчит....

— Тогда не волнуйся. Это мои болваны. Я сейчас позвоню Хьюсу и попрошу почистить им мозги. К сожа-

лению, дорогой мой Фред, детектив с таким ростом умным быть не может.

Выйдя из будки, Честер нарочно прошел с сыном совсем близко от громил, смерив их презрительным взглядом. Впрочем, на лицах полицейских ничего не отразилось.

Подходило время, когда в парк должна была явиться Линда и сменить мужа. Троица тупо сопроводила Честера с Майклом до небольшого детского ресторанчика «Когда я ем» и терпеливо наблюдала, как они без особого энтузиазма расправлялись со вторым завтраком. Когда пришла Линда, Фред решил не предупреждать ее о грозящей Майклу опасности: во-первых, жена умрет от одного разговора о рэкетирах, а, во-вторых, в присутствии детективов ничего случиться не может. Единственное, что сделал Фред, так это отвел в сторону сына и на всякий случай сказал ему:

— Майкл, дай мне слово, что ты будешь в оба глаза смотреть за мамой и не отходить от нее ни на шаг.

— Почему? — полюбопытствовал Майкл, не умевший быть слепым орудием даже в руках собственного отца.

Фред помялся, а потом таинственно произнес:

— Видишь? — И кивнул в сторону трех громил.

Майкл тоже посмотрел на «дядей», что-то переварил в своем детском мозгу и хитро улыбнулся. Честер не мог поручиться за то, что его сын не подумал о напрасных опасениях отца, поскольку мама совсем недавно в присутствии Майкла выразилась в том духе, что мужчины с неинтеллектуальными рожами не в ее вкусе. Впрочем, Майкл мог решить, что его папа слишком хитрая бестия, если придумал сыну поручение, которым всего-навсего облегчал матери надзор за ребенком. Так или иначе, но после некоторой паузы Майкл сказал:

— Езжай спокойно.

И тут же, без всякого перехода, бросился с пронзи-

тельным воинственным кличем «Фи-и-кса!» навстречу Робби Найту, показавшемуся со своей мамой в конце аллеи.

И никакое мрачное предчувствие не шевельнулось в этот момент в душе Фреда Честера.

Было очень жаркое лето. От мягкого, расплавленного асфальта поднимались густые, тяжелые пары воздуха, заполняя дома и выкуривая из них все живое. Бессильной оказалась даже новейшая модель кондиционирующей установки под веселым названием «Перед смертью не надышишься». Жители, не занятые работой, но и не уехавшие на море, выходили утром на улицу с единственной, казалось бы, целью: найти кусочек спасительной тени. Расположившись в низких плетеных креслах под тентами, вытянув ноги и ослабив поясные ремни, мужчины тянули холодное пиво, ощущая разваренность мозга и леность мысли. Женщины предпочитали укрываться от жары в парках и скверах, наслаждаясь относительной холодностью желтого и мелкого, как пудра, искусственного песка. И только дети чувствовали себя в родной стихии: они бегали, прыгали, кричали и радовались, с недоумением поглядывая на взрослых, напоминающих рыб, выброшенных из воды.

Марион Найт и Линда Честер попытались было поговорить о новой моде на вечерние туалеты, но разговор не получался, и они умолкли, сонно рассматривая окружающее. Иногда в поле их зрения попадали играющие Майкл и Роби, и все на свете, кроме двигающихся детей, казалось им остановившимся, замершим, приторможенным и уснувшим.

Вероятно, именно поэтому бурные события, разыгравшиеся в течение каких-то пяти-шести минут, произвели на них впечатление долгого, мучительного и кошмарного сна.

Сначала Линда услышала визг ребенка — резкий и протестующий. Затем ее взгляд вырвал из заторможенного окружающего мира странно подвижную картину:

двое мужчин тащат в кусты ребенка, держа его за руки и за ноги, но ребенок, визжа, яростно сопротивляется, и потому мужчины, подчиняясь сгибающимся и разгибающимся движениям ног ребенка, то сходятся, то расходятся и между тем все же неумолимо удаляются в сторону густых зарослей парка. И тут более интуицией, чем слухом или зрением, Линда поняла: Майкл! Никакого чувства страха! Лишь удивление: да что они, с ума сошли — выдумывать такие идиотские игры! И вот уже Линда ощутила себя стоящей на ногах, уже бегущей, хватающей за руки незнакомых мужчин и вот уже что-то кричащей. Всепоглощающий страх обуял ее, когда она увидела вместо обычных человеческих физиономий тупые, одетые на лица маски, не способные ни выслушать, ни понять, ни пожалеть, ни даже испугаться. Мужчины с настойчивостью механизмов продолжали делать свое дело, и Линда поняла: бандиты! И вновь, но уже во сто крат увеличенное, возникло у нее желание действовать: кусать, бить, царапать и рвать, но обязательно спасти сына! — желание, делающее всех матерей во всей живой природе безумно храбрыми, сильными, готовыми на самопожертвование.

Когда Майкл оказался в ее руках, а двое бандитов — связанными и лежащими на траве, Линда не сразу поняла, что этот результат не ее рук дело. Секундой позже она увидела, что рядом стоят полицейские с резиновыми дубинками в руках. Они тяжело дышали, как после хорошей физической работы. Чуть в стороне в истерике билась Марион Найт, прижимая к себе перепуганного Робика, а еще один полицейский, возрастом немного постарше остальных, успокаивал ее и гладил мальчишку по головке.

Садясь с Майклом в микроавтобус, тоже как во сне появившийся на аллее парка, Линда махнула Марион рукой и, пока туда же втаскивали двух бандитов, сказала:

— Позвони Фреду! О, боже мой!

Через пятнадцать минут в кабинете Гарда раздался телефонный звонок. Это был Честер.

— Спасибо, старина! — заорал он.— Мне Марион все рассказала!

— На здоровье,— ответил Гард.— Только объясни, пожалуйста, кто такая Марион.

— Подруга Линды, ведь все случилось на ее глазах. Она говорит, что те двое имели жалкий вид. Хорошо, что они не вывернули Майклу руки и ноги...

— Стоп, стоп,— прервал Гард.— Начни все сначала.

— Я говорю: не вывернули ноги! — сказал Фред, полагая, что комиссар плохо слышит.— Линда у тебя?

— А разве она должна быть у меня? Что случилось?

Фред на мгновение умолк, соображая, почему комиссар задал такой нелепый вопрос.

— Разве ты не знаешь? Двадцать минут назад двое бандитов напали на Майкла. Ты слышишь меня?

— Да-да, слышу.

— Все это произошло на глазах Линды и Марион Найт, ее приятельницы, жены Фредерика Найта, владельца кабаре «Одно прекрасное мгновенье...».

— Не отвлекайся.

— Хорошо. Но твои люди вовремя оказались на месте.

— Прекрасно,— сказал Гард.— И что же?

— И отбили Майкла. Бандиты пойманы, Гард! Ты слышишь меня? Все они поехали в управление, так, во всяком случае, поняла Марион. А там езды всего пять минут.

— Где все это случилось?

— В парке Сента-Клосс, район Круглых прудов.

— Минуту.

Свободной рукой Гард нажал кнопку звонка и бросил вошедшему дежурному:

— Хьюса! Срочно ко мне! — И уже в трубку: — Фред, подожди секунду, я сейчас выясню, где Линда с Майклом.

Вошел инспектор Хьюс, и Гард, прикрыв трубку ладонью, сказал:

— Докладывайте, Хьюс.

— Что именно, шеф?

— Разве вам нечего доложить? Вы посылали наряд, где же он?

— Не понял вас, шеф.

— Семнадцатый объект! — слегка повысив голос, произнес Гард.— У вас девичья память, инспектор. Вроде бы не по возрасту.

— Семнадцатый...— Хьюс задумался.— А! Семнадцатый! Майкл Честер! Так вы же сами просили меня, чтобы я прочистил мозги Шамбуру и его мальчикам. Я снял их с объекта...

— Отлично. Кто вместо них?

— Пока никого. Заступит вторая смена, и я поставлю Мердока. Я полагал, что маленький перерыв...

— Как никого?! — взревел Гард, но тут же взял себя в руки: — Честер! Будь у телефона!

Комиссар резко поднялся с кресла и подошел к столику, на котором стоял селектор. Нажав кнопку «Внимание!», он произнес в микрофон:

— Говорит комиссар Гард! Всем дежурным управления срочно проверить по участкам и доложить мне по форме сто одиннадцать, какая из наших групп принимала участие в спасении от бандитского налета ребенка по имени Майкл Честер в парке Сента-Клосс приблизительно полчаса назад!

Прошли томительные две минуты, прежде чем включился первый дежурный, а за ним остальные, строго соблюдая очередность, соответствующую номерам полицейских участков. Увы, никаких рапортов ни от кого не поступало: собственно, на другой ответ Гард не рассчитывал. Повернувшись к Хьюсу, он сказал:

— Простите, но вы болван!

— Я просил бы, шеф...

Но Гард уже поднял телефонную трубку:

— Фреди! Сколько было «моих» людей и как они были одеты?

— Марион сказала, что пятеро,— ответил Честер.— Пятеро полицейских. А что?

— На чем они выехали в управление?

— Не знаю. А где же Линда с Майклом, Гард?

— Скажи мне, Фреди, где находится твоя Марион?

— Ты как-то нехорошо говоришь, Дэвид. Что-нибудь случилось?

— Дай мне срочно адрес или телефон Марион! — заорал в трубку Гард.— Мне дорога каждая секунда, а ты лезешь с дурацкими вопросами! Может, еще ничего не случилось, я буду сейчас выяснять, но многое в этой истории мне не нравится! Диктуй адрес!

Одновременно с этими словами Гард вновь вызвал дежурного и, когда тот появился в дверях, коротко бросил:

— Таратуру! Из-под земли! — Затем Хьюсу: — Я, конечно, погорячился, инспектор, но счеты со мной вы сведете когда-нибудь позже. Сейчас надо работать. Срочно берите людей и обследуйте парк Сента-Клосс, район Круглых прудов... Одну минуту, Фред! Ты нашел наконец адрес? Да, я готов записывать. Улица Глоссера, 16, Марион Найт. Прекрасно. Телефона нет? Это хуже. Откуда ты говоришь?

— Что-нибудь случилось, Дэвид?

— Я спрашиваю, откуда ты говоришь?! — теряя терпение, прорычал Гард.

— Из редакции. Но перестань кричать на меня, я ни в чем не виноват!

— Прости меня, Фреди,— сказал Гард, вновь беря себя в руки.— Или сиди на месте, или приезжай сюда. Мне некогда. Все!

И Гард, бросив на рычаг трубку, повернулся к Хьюсу:

— Имейте в виду, инспектор: под видом полицейских действует банда рэкетиров, но, кажется, они даже не рэкетиры. Будьте внимательны и осторожны! Из пар-

ка отправляйтесь с группой к Туру Сайрусу в игротеку. Не показывайтесь ему на глаза, ведите наблюдение и ждите моих указаний. Поддерживайте со мной постоянную радиосвязь. Действуйте!

Открылась дверь, стремительно вошел Таратура.

— Я все понял, Гард,— сказал он.— Я слышал селектор. Упустили?

— Боюсь, что да... Вам два задания. Вот адрес, поезжайте и допросите Марион Найт. На ее глазах все и случилось. Результат доложить мне по телефону. Второе, прямо оттуда отправляйтесь в парикмахерскую, я подошлю вам группу Мердока. Будете держать братьев на мушке.

Очередные десять минут Гард простоял у открытого окна, стараясь привести в порядок слегка расшалившиеся нервы. Затем позвонил комиссару Вутсу.

— Приветствую вас, коллега,— произнес Гард голосом, в котором было больше актерских, чем человеческих интонаций.— Я еще не успел вас поздравить с благополучным завершением дела Ут Доббс, так что примите...

И Гард несколько минут говорил слова, от которых у него самого появился противный металлический привкус во рту. Гард явно убивал время, но убивал не без пользы: с Вутсом надо было дружить, он мог еще пригодиться.

Наконец объявился Таратура. По сравнению с тем, что сказал Гарду Честер, ему удалось узнать только две новые подробности. Во-первых, «полицейские», как успела заметить Марион, были «одеты с иголочки, только что от портного». Во-вторых, они сели в микроавтобус, имеющий вдоль кузова яркую желтую полосу.

С такими полосами, как отлично знали Гард с Таратурой, ходили все оперативные машины полицейского управления.

Закончив телефонный разговор с Таратурой, Гард вновь подошел к селектору:

— Внимание, говорит комиссар Гард! — сказал он, нажав на этот раз кнопку «Тревога».— Час назад неизвестными людьми в количестве пяти человек, одетыми в новую полицейскую форму, и двумя — в гражданскую, были похищены в преступных целях пятилетний Майкл Честер и его мать Линда Честер двадцати восьми лет. Неизвестные воспользовались микроавтобусом марки ПУМА, имеющим желтую полосу вдоль кузова. Номер машины установить не удалось, маршрут движения тоже.— Гард сделал паузу.— Объявляю состояние «Тревога». Выставить заградительные посты по всем дорогам, ведущим из города! Немедленно проверить наличность всех микроавтобусов управления марки ПУМА и взять на учет их дальнейшее передвижение! Поднять в воздух вертолетный отряд Стива Андерса! Докладывать лично мне все сводки по городу о любых происшествиях через каждые двадцать минут! Подготовить оперативную группу! Все!

Затылком Гард чувствовал, как открылась дверь, в кабинет вошел человек и остановился за его спиной. Щелкнув выключателем селектора, не оборачиваясь, Гард медленно произнес:

— Так-то, старина. Они оказались умнее нас. Но ты уже слышал: я перешел в атаку. Теперь надо ждать. Будешь пить кофе?

— Сигарету,— сказал Фред Честер, тяжело опускаясь в кресло.

Ожидание — это всегда трата нервных клеток, которые, как известно, не восстанавливаются. Покойный Альфред дав-Купер говорил, что детектив может отлично драться, быстро бегать, великолепно разбираться в следах, быть внимательным и осторожным, и между тем его можно считать настоящим детективом лишь в том случае, если он умеет ждать. «Погоня и поиск,— говорил учитель Гарда,— это уже крайнее дело. Надо наладить следствие так, чтобы преступник сам пришел, запутавшись в хорошо расставленных сетях. Не бегайте

напрасно за преступником, а ждите, когда он сам принесет себя в ваш участок!»

Черт его знает, то ли детективы во времена Альфреда дав-Купера были другими, то ли преступники, но за последние десять-пятнадцать лет Гард что-то не слышал, чтобы они являлись «готовенькими». Впрочем, Ут Доббс сама себя нашла... Ну, так она не была преступницей.

А ждать действительно было трудно: великого напряжения стоило удержать себя в кабинете, у телефона и селектора, и не сорваться с места, не кинуться в самую гущу событий.

Собственно, каких же событий?

Да никаких!

Хьюс, пересмотрев весь парк Сента-Клосс, нашел одну пуговицу от штанишек Майкла — разве это событие? Затем он расположился в парке напротив игротеки Тура Сайруса и регулярно сообщал, что все спокойно и тихо. Такие же сведения поступили от Таратуры, наблюдающего за братьями Пуся. В первой городской сводке, переданной комиссару Гарду, говорилось об одном утопленнике, шестнадцати мелких кражах в универсальных магазинах, двух самоубийствах, четырех ограблениях и одном дорожном происшествии с перевертыванием автомашины, но без человеческих жертв. Две последующие сводки по своему характеру не отличались от первой.

— Дэвид,— сказал Честер, не находящий себе места,— не пора ли решительно взяться за Сайруса и Пусю?

— Бессмысленно и опасно,— ответил Гард.— Пока мы не установим, где находятся Майкл и Линда, пока не примем меры к их спасению, мы не имеем права ими рисковать. Кроме того, если уж брать стариков и их родственника, нужно брать с поличным.— При всей логике своих рассуждений Гард все же с сочувствием посмотрел на Честера, для которого бездействие ко-

миссара казалось наибольшим преступлением в сложившейся ситуации.— Нет, старина, подождем!

Должна же быть награда тем, у кого есть терпение!

Зажглась красная лампочка селектора.

— Шеф, срочное донесение. Вертолет Стива Андерса обнаружил на опушке леса в районе третьего окружного шоссе женщину...

— С ребенком? — быстро спросил Гард.

— Насчет ребенка ничего не говорится. Андерс сообщает, что женщина то ли мертва, то ли связана. Во всяком случае, она лежит неподвижно.

Честер трясущимися руками налил себе стакан воды и залпом выпил его, стуча зубами о стекло.

— Передайте Стиву: женщину подобрать и как можно быстрее доставить сюда!

В ближайшие тридцать минут ни Гард, ни Честер не произнесли ни единого слова, ровно до тех пор, пока лампочка не зажглась вновь.

— Андерс на подходе, шеф,— сказал дежурный.— Женщина жива. Ее имя Линда Честер.

Гард удалил Фреда в соседний кабинет и приготовился к встрече. Линда вошла в кабинет собственными ногами и довольно решительно.

— Дэвид,— сказала она,— на вас вся надежда! Это ужасно! Это ужасно! Это ужасно!

— Садитесь, Линда.

— Нет, не хочу.

В продолжение всего разговора она ни на секунду не присела, а двигалась по комнате, пересекая ее из угла в угол. Внешне спокойная, Линда держалась каким-то внутренним напряжением, готовым вот-вот оборваться, но все же держалась, вызывая невольное восхищение Гарда.

— Кто они, Дэвид? Зачем им Майкл? — Это было главное, что ее интересовало.

— Думаю, обычное рэкетирство...— Гард до конца

пощадил бедную женщину.— Они будут охранять Майкла как зеницу ока. Ведь он их капитал!

— Если так, почему они не взяли Робика Найта? Марион и Фредерик богаче нас...

Гард пожал плечами:

— Успокойтесь, Линда. Когда назначается выкуп, все родители одинаково бедны и одинаково богаты.

— Ах, сколько бы они ни назначили, мы с Фредом все равно выплатим! Но как это сделать? Когда? Где?

— Не торопитесь, сначала расскажите мне по порядку, что произошло в машине. Не исключено, что мы просто поймаем их и дело кончится быстрее и проще.

Магнитофон был включен и тихо шипел, не привлекая внимания Линды.

— Вам подробно? Мы гуляли с Майклом...

— Это я знаю,— прервал Гард, боясь потерять лишнее время.— Начинайте прямо с машины.

— Мы сели, втащили двоих, Майкл был у меня на коленях. Как только тронулись, меня скрутили, завязали глаза и заткнули рот кляпом, а Майкл был тут же, я это чувствовала, и, кроме того, мы долго не останавливались. Вероятно, они ему тоже зажали рот, ведь мальчик не из тех, кто будет молчать, когда так обращаются с мамой. Они не могли выкинуть его на ходу? О, боже мой!..

— Успокойтесь, Линда,— мягко сказал Гард.— Ведь мы договорились: рэкетиры берегут детей не хуже родителей. Что было дальше?

— На полицейских я как-то не обращала внимания. Молодые, сильные, хорошо одетые — как на парад. Пожалуй, лишь тот, кто был у них старшим, запомнился мне черными волосами и совершенно белыми ресницами и бровями. Я еще подумала, что голова у него крашеная...

— Дальше?

— Я была уверена, что мы едем в управление и что

они перепутали, Дэвид, я еще надеялась... А потом мы все ехали, ехали, ехали, и я считала...

— Что именно?

— Пятнадцать минут по асфальту, потом минут шесть по бетону — я отчетливо ощущала швы между плитками, это было уже где-то за городом. Наконец пошла совсем плохая дорога, вся машина наполнилась пылью, мне стало трудно дышать, и тут, как я поняла, они высадили Майкла...

— Почему поняла?

— Кто-то сказал: «Давай сюда! Развяжи ему глаза!» И я потеряла сознание. Очнулась — вокруг лес, лежу на траве, ваш летчик...

— Время вы определяли счетом?

— Да. Про себя.

— Благодарю вас, Линда. Вы сообщили важные сведения. А сейчас я советую вам ехать домой и... ждать, дорогая Линда.

— Я не могу домой. Не хочу. Я буду с вами.

— Это нельзя,— Гард незаметно нажал кнопку звонка, вызывая Честера.— Фред уже в курсе дела, он будет с нами, и этого достаточно.

— Где Фред?

— Здесь.

Линда обернулась и несколько секунд молча смотрела на Фреда. Она не двигалась, лишь слегка покачивалась всем телом и еле слышно дышала. Голова ее была неестественно поднята вверх, глаза полузакрыты. И единственная ниточка, на которой держалась ее воля, не выдержала — лопнула. Мужчины не успели поддержать Линду: не издав даже звука, она без чувств рухнула на ковер.

— Оставайся здесь до моего возвращения,— сказал Честеру комиссар, засовывая в карман пистолет. Уже в дверях он отдал последнее распоряжение дежурному: — Срочно врача. Кроме того, вызовите Хьюса, пусть прослушает пленку и попытается нащупать маршрут ПУМЫ. Я буду у Таратуры.

Глава 6

ТЕЧЬ

— Комиссар полиции Гард? — повторил Серж Пуся, слегка сощурив слезящиеся от старости глаза.— Так-так-так. А почему же, позвольте спросить, у вашего сына Майкла была фамилия Честер?

Гард даже не смутился, поскольку действовал теперь с открытым забралом, но был удивлен: ну и память, ну и проницательность!

— Впрочем,— сказал старик,— вы уже тогда показались мне подозрительным папашей.

— Чем же? — из профессионального интереса спросил Гард.

— Торопливостью, комиссар! Настоящие отцы не так-то быстро соглашаются оставить у меня свои кларки. «Э, нет,— подумал я,— этот «отец» будет платить за «сына» не из своего кармана!» — Старик улыбался такой ослепительно чистой улыбкой, что даже после того, как он закрыл рот, эта улыбка стояла в глазах Гарда.— Чем могу быть полезен?

Гард начал издалека:

— Я хотел бы ознакомиться с доходами вашей парикмахерской.

— Не возражаю,— согласился Серж Пуся.— Правда, недавно у меня уже был налоговый инспектор, кстати сказать, тот самый,— старик снова улыбнулся,— который сегодня с самого утра крутится вокруг моего заведения, а сейчас караулит вход. Впрочем, если вам нужно...

Гарду стало не по себе. «Ну и глазастый, черт! — подумал комиссар.— Застукал Таратуру! Только почему он так откровенен? Или передо мной сама невинность, или матерый преступник...»

— Хорошо,— сказал Гард.— Открою вам свои карты. Я подозреваю вас в соучастии в преступлении...

Договорить комиссару не удалось: старик, схватившись рукой за сердце и выпучив глаза, повалился на пол. «Фу, черт, переборщил!» — мелькнуло у Гарда, бросившегося на помощь. Через пятнадцать минут, полулежа в кресле, Серж Пуся тихо произнес:

— О чем вы говорите! Побойтесь бога, молодой человек! Мы не берем с клиента и лишнего лемма, ведь наш клиент — ребенок! Обмануть младенца — это хуже, чем обмануть самого себя!

— У вас есть силы продолжать разговор? — спросил Гард.— Или отложим его до следующего раза?

— Чтобы я не спал всю ночь? — сказал старик.— Нет уж, давайте сейчас. Мне лучше.

И он сделал слабую попытку улыбнуться.

— Ваша реакция — достаточное свидетельство вашей невиновности,— сказал комиссар, успокаивая Пусю.— Но я хочу просить вас о помощи. Прежде всего скажите, у вас бывали случаи досрочного выкупа кукол?

— А как же! Если ребенок, не дай бог, умирал до совершеннолетия или, не дай бог, пропадал без вести, родители шли к нам.

Гард знал об этом и раньше из опросов родителей пропавших детей, но задал вопрос нарочно, чтобы последний раз проверить, насколько искренен старик: упомянет он об исчезнувших детях или постарается о них не говорить.

— Разумеется, при досрочном выкупе,— продолжал Пуся,— мы могли бы продавать кукол дороже, но Пуси никогда не наживались на чужом горе.

— Простите,— сказал Гард,— но вы упомянули о пропавших детях. В таком большом городе, как Нью, они действительно есть — всякое случается. Но вот что странно, господин Пуся: все эти дети исчезали через несколько дней после того, как побывали у вас.

— Не понимаю,— сказал старик.

— Они стриглись в вашей парикмахерской, а потом исчезали,— повторил Гард.— Это установлено нами с аб-

солютной точностью. Если хотите, я дам вам список пропавших, а вы сверьте с книгой учета...

— Не понимаю,— вновь сказал Пуся.— Я бы, господин комиссар, искал преступников там, где похищают детей, а не там, где их стригут.

— Но похищение каким-то невероятным образом связано со стрижкой! — сказал Гард.— Нет, нет, я не хочу больше подозревать вас, господин Пуся. В конце концов преступники могли действовать и без вашего ведома.

— Что же вы хотите?

— Тщательным образом проследить технологию, весь путь от момента стрижки до поступления куклы клиенту.

Старик подумал, потом согласно кивнул головой:

— Помогите мне встать.

— Если вам трудно...

— Ничего. И дайте, пожалуйста, халат. Спасибо. Начнем с салона?

— Мы были там с Майклом,— сказал комиссар.— Поехали дальше.

— Поехали,— согласился старик, открывая небольшую дверь, ведущую в помещение мастерской.— Но у меня к вам личная просьба: Иржик, хотя и шутник, чрезвычайно больной человек, и я прошу вас...

— Буду осторожен,— сказал Гард.

Они вошли. Иржи Пуся сидел в глубине комнаты за широким полукруглым столом, освещенный боковым ярким светом, льющимся из открытого трехстворчатого окна. Кроме того, на столе еще стояла лампа, зажженная даже в дневное время. Под рукой Иржи Пуси лежали многочисленные ножички, стамески, пилки, кисточки, пузырьки с клеем и краской, баночки, ножницы и прочие непонятные инструменты. В правом глазу у Иржи чернела огромная часовая лупа. Он держал в руках очередную куклу и даже не поднял голову на вошедших.

Братья были копией друг друга, если не считать того, что у Сержа на губах блуждала постоянная улыбка, и потому его губы были скобкой кверху, а Иржи в течение всего разговора с Гардом держал губы скобкой вниз. Седые и длинные усы, растущие под крупными добрыми носами, делали братьев похожими на моржей. «Морж-пессимист и морж-оптимист,— подумал Гард.— Отличный цирковой номер!»

— Иржик,— мягко произнес Серж,— господин комиссар полиции интересуется нашими куклами.

Не поднимая головы, старший Пуся сказал:

— Ему уже мало живых людей?

— Извините, комиссар,— улыбнулся Серж,— Иржик шутит. Задавайте ему вопросы сами.

Гард почему-то откашлялся, словно ему предстояло петь с Иржи Пусей дуэтом. Потом спросил:

— Что нужно, чтобы сделать куклу?

— Талант! — мгновенно ответил Иржи.

— Я имею в виду: что нужно знать о клиенте?

— Есть ли у него деньги.

— Иржику нужны две фотографии,— вмешался младший брат.— Фас и профиль. Снимки мы делаем камерами, установленными в салоне.

— А волосы? — спросил Гард.

— И волосы,— подтвердил Серж Пуся.— Из волос мой брат делает...

— Матрасы! — перебил Иржи и поднял наконец голову с опущенными вниз уголками губ.— Я набиваю ими матрасы, господин комиссар полиции! Зачем еще мне волосы клиента?

— Иржик шутит,— вновь пояснил Серж, как видно, не рассчитывая на то, что комиссар полиции обладает чувством юмора.— Из волос он делает парички. Все данные о клиенте хранятся вот в таком пакетике. Здесь фотографии, адрес и имя.

Гард повертел в руках целлофановый пакет и осторожно положил его на край стола.

— Что происходит после того, как кукла готова?

— Делаю следующую,— сказал Иржи Пуся.

Как это ни странно, Гард не испытывал никакого раздражения. Напротив, ему искренне нравился этот старый морж, который находился в том критическом возрасте, в котором человеку уже никто не страшен: ни комиссар полиции, ни президент, ни сам черт со своими чертенятами. Старик шутил! Но разве не прекрасна старость, украшенная не слезами, а шуткой?

— Я понимаю,— дружески улыбнувшись Иржи, сказал Гард.— Но куда девается готовая кукла?

Иржи открыл было рот, но его опередил Серж:

— В сейф нашего родственника Сайруса. Когда-то мы сами хранили свои шедевры, но теперь... Вы согласны, комиссар, что Иржик делает шедевры?

Надо сказать, старший Пуся ни на секунду не прерывал работу. На глазах у Гарда из ваты, смоченной какой-то жидкостью, кусочка пластмассы, бусинок, клея и резины возникала истинная принцесса с золотыми кудрями, по всей вероятности, та самая девочка, которая побывала в салоне в один день с Майклом.

О, это был настоящий шедевр, о чем Гард тут же сказал братьям, хотя его слова ничуть не изменили мрачного вида старшего Пуси: сатир был верен себе до конца! Но служба тоже была службой, и потому комиссар спросил:

— Как долго делается этот шедевр?

— Всю жизнь,— ответил Иржи,— и еще четыре часа.

— В таком случае, почему эта девочка не была сделана сутки назад?

Иржи второй раз за весь разговор поднял голову и, кажется, впервые ответил серьезно:

— Не было вдохновения.

Или он вновь шутил?

«Как трудно работать с людьми, имеющими чистую совесть!» — подумал Гард, выходя из волшебной мастерской старого Иржи Пуси.

Серж проводил его до выхода, где с видом человека, случайно остановившегося перед завлекательной витриной детского салона, торчал Таратура.

Прощаясь, Гард произнес:

— Уж извините меня: работа! Кроме того, прошу выполнить одну мою просьбу: этот визит должен остаться между нами.

Серж клятвенно сложил руки на груди.

— А знаете,— не удержался Гард,— много лет назад я был у вас...

— Знаю, молодой человек,— мягко сказал Серж Пуся.— У вас две макушки.

— То есть как две?!

— Есть люди, у которых даже три,— сказал старик.— Право, не знаю, как это отражается на их умственных способностях... Дайте-ка вашу руку. Вот одна... А вот и вторая... Чувствуете?

Гард пощупал свой череп в местах, указанных Сержем, и у него мелькнула мысль, не наваждение ли это? Но старик улыбнулся ему такой реальной и ясной улыбкой, которая тут же успокоила комиссара и еще долго стояла перед его глазами, хотя Гард уже ехал в машине, думая об игротеке Тура Сайруса.

Но двух полицейских из группы Мердока, переодетых в гражданскую форму, Гард все же оставил напротив парикмахерской — у витрины, где крокодил жевал пирожное.

— Шеф, вы действительно уверены, что старики ни при чем? — спросил Таратура, когда «Ягуар-110» выехал из лабиринта улочек на магистраль, ведущую к парку Сента-Клосс.

Гард не ответил, погруженный в раздумье. Потом сказал словно бы сам себе:

— Это прекрасно, что мы оказываемся сильными в глазах лишь тех людей, у которых есть основания нас бояться. Что вы спросили, Таратура?

— Про стариков.

— Отличные моржи! Я даже выделил им охрану.

— От кого?! Они нужны лишь тому свету!

— Не шутите так грубо. Они нужны тем, кто ими пользуется. Неужели вы не понимаете, что у них происходит утечка информации? Пусть не по их вине, пусть даже вопреки их воле, но кто-то пользуется данными о детях!

— Кто же?

— Наберитесь терпения. Думаю, Тур Сайрус поможет нам ответить на этот вопрос...

Перед Гардом, сидящим за рулем, на приборной доске зажглась синяя лампочка. Таратура надел наушники и взял в руки маленький микрофончик.

— Алло, алло! Вас слушает Таратура! Хьюс? Что передать шефу? Так... Так... Так... Минуту! Он говорит, шеф, что вы дали ему слишком неопределенную задачу: скорость ПУМЫ неизвестна, маршрут тоже...

— Чего он хочет? — прервал Гард.

— Хьюс, шеф спрашивает, чего вы хотите? Совета?.. Он просит вашего совета, шеф.

— Приблизьте ко мне микрофон,— сказал комиссар.— Хьюс, вы меня слышите? Прекрасно. Средняя скорость ПУМЫ вам известна? Известна. Превысить ее они могли? Не могли, иначе привлекли бы к себе лишнее внимание. Сколько шоссейных дорог выходит из города Нью? Отлично. Сколько в вашем распоряжении людей? Пятьдесят восемь человек. Что вам еще нужно? Вы понимаете, что мы не имеем права упускать даже паутиновые нити, ведущие к преступникам!

И Таратура погасил свою лампочку.

— Самый лучший совет, который я мог бы ему дать, так это быть умнее,— сказал Гард, направляя машину к той части огромного парка Сента-Клосс, где были Продолговатые пруды.

Игротека «Крути, малыш!» находилась именно там.

Играла музыка, крутилась карусель, трещали хлопушки, взлетали ракеты, ползли танки, стреляя на ходу

водяными залпами, визжали и смеялись дети — все это свидетельствовало о том, что фирма «Крути, малыш!» отнюдь не загнивала даже в период летних каникул. Два огромных резиновых слона отвесили полицейским низкие поклоны, как только Гард с Таратурой бросили в кормушки по десять леммов, и развели в стороны хоботы-шлагбаумы, пропуская гостей на территорию игротеки.

Тур Сайрус мгновенно появился перед ними, одним движением губ показав все свои золотые зубы:

— Прошу вас, господа! Что вам угодно?

Он был одет во все светлое: светлые брюки гольф, светлые туфли, светлые носки и даже светлые перчатки. Зато у него были черные как смоль усы и даже иссиня-черная гладкая прическа, разрезанная точно посередине тонким пробором.

— Мы из полиции,— сказал Гард, а Таратура положил руку в карман.

Веселый огонек тут же погас в глазах Сайруса, шея укоротилась, а плечи сузились. Он явно заволновался, что не укрылось от внимательного взгляда комиссара.

— Где мы можем поговорить? — сказал Гард.

— В конторе.

Она тоже была необычайно светлой: и мебель, и стены, и шторы на окнах, и бра, и многочисленные детские рисунки, развешанные в хорошо продуманном беспорядке,— все это, казалось, было выкрашено солнечным цветом.

Эта чистая и прозрачная обстановка никак не вязалась с мрачным разговором, который был намерен провести Гард.

— Сколько человек работает в игротеке?

— Двое,— сказал Сайрус.— Я и мой сторож. Позвать его?

— Пока не надо. Кто забирает кукол у братьев Пуся?

— Я.

— Как часто?
— По мере их изготовления.
— Вы имели когда-нибудь дело с полицией? — спросил вдруг Гард.
Сайрус проглотил слюну:
— Нет. То есть да.
— В связи с чем?
«Ну и нюх у моего шефа!» — подумал с восхищением Таратура.
— Наркотики,— выдавил из себя Сайрус.— Двенадцать лет назад. Но я тогда же все кончил, господин...
— Комиссар Гард.
— Господин комиссар.
— Почему вы нас так боитесь?
— Не знаю.
— По привычке,— сказал Гард и весело рассмеялся. Сайрус тоже стал смеяться искусственным смехом.— Однако продолжим. Покажите, где хранятся ваши куклы.
Дверь из конторы вела прямо в хранилище. Оно было оборудовано несгораемыми сейфами, в каждом из которых поддерживалась строго определенная температура и влажность. Десять сейфов, тысяча ячеек для кукол...
— Все заняты? — спросил Гард.
— В семи сейфах всё.
— Надежно ли хранение?
— О, да! — сказал Сайрус.— Ключи у меня и у сторожа, который один раз в неделю проверяет состояние кукол.
— Кто сторож?
— Чарльз Бенк. Позвать?
— Пока не надо,— вновь сказал Гард.— Расскажите о нем.
Сайрус помялся:
— Он пьет немного... Но он работал еще у моего отца и моего деда.

— Сколько же лет Бенку?

— За семьдесят.

— Вы доверяете ему?

— О, да! — сказал Сайрус.— Как самому себе!

— А себе-то вы доверяете?

— Не понял вас, комиссар.

Таратура, не удержавшись, хмыкнул, но тут же был остановлен строгим взглядом комиссара.

— Вы слышали что-нибудь, Сайрус, о похищении детей?

— Каких детей? — на вопрос вопросом ответил Сайрус.

— Тех, чьи куклы стоят в ваших сейфах?

— Впервые слышу от вас, комиссар! — воскликнул владелец игротеки.

— Но прежде чем пропадают дети, ваши куклы фантастическим образом покидают ячейки и отправляются гулять. Вы знаете об этом, Сайрус?

— Этого не может быть, господин комиссар! С того момента, как я запираю их в сейф, и до выкупа клиентами...

— Хорошо,— перебил Гард.— А ваш сторож? Не может ли он выпускать кукол на прогулку?

— Зачем?! — воскликнул Сайрус с неподдельным изумлением.

Гард задумался. Этот тип явно дрожал от страха, но причина была какая-то другая... Рискнуть? Чтобы прижать его к стенке и сделать шелковым? Пожалуй, стоит...

— Теперь скажите мне, Сайрус,— медленно, с расстановкой произнес Гард,— в каком из этих сейфов вы храните наркотики?

— В девятом,— с поразительной готовностью ответил Сайрус, как будто только и ждал этого вопроса.

Руки его безвольно опустились, он еле стоял на подкосившихся ногах. Гард мельком взглянул на Таратуру, у которого от неожиданности перехватило горло.

— Но, господин комиссар...— начал было Сайрус.

— Спокойно,— сказал Гард.— К наркотикам мы еще вернемся. Дайте-ка мне книгу учета кукол.

— У меня десять книг...

— Последнюю. Ту, в которой записаны поступления за две недели.

Не более тридцати секунд Гард листал шикарный альбом в сафьяновом переплете. Затем сказал:

— В третьем сейфе есть пустые ячейки?

— В третьем? — переспросил Сайрус.— Нет, не должно быть. Сейф укомплектован.

— Откройте!

Трясущимися руками Тур Сайрус вытащил из бокового кармана связку ключей и подошел к третьему сейфу.

Когда с тихим металлическим звоном распахнулась тяжелая дверь, Гард увидел сотню ячеек, в каждой из которых в глубине сидела кукла, а ближе к выходу лежал целлофановый пакетик.

К великому ужасу Тура Сайруса, одна ячейка — под номером 97 — была пуста! Сайрус перевел взгляд на Гарда, Гард посмотрел на Таратуру.

— Здесь был Майкл Честер,— тихо сказал комиссар.

Глава 7

КУДА ВЕДУТ НИТИ

Сайрус сделал движение головой, словно хотел сунуть ее в сейф и сам себя гильотинировать дверцей.

— Н-да,— сказал Гард.— Забавная ситуация. Самоубегающие куклы! Сказки Ганса Христиана Андерсена! У вас здесь что, сейф или проходной двор, господин Сайрус?

— Клянусь.— Владелец игротеки молитвенно поднял вспотевшие ладони.

— Кого вы подозреваете?

В том положении, в каком очутился Тур Сайрус, этот вопрос был острее бритвы. Инстинкт самосохранения требовал немедленной выдачи фамилий, лишь бы подозрение перешло на кого-нибудь другого. Но Сайрус, вероятно, был психологом. Он понимал, что для спасения ему нужно оболгать человека, в чьей честности еще минуту назад он не сомневался, а это произведет на комиссара неприятное впечатление. Как быть? Что делать?

Полуприкрыв глаза, Гард внимательно следил за колебаниями Тура Сайруса. Он был свидетелем множества подобных сцен, и всякий раз характер человека обнажался перед ним с предельной ясностью.

— Никого,— упавшим голосом произнес Сайрус.— Никого не подозреваю, господин комиссар! Но лично я не виноват!

Да, Сайрус был хорошим психологом.

— Ну что ж,— смягчился Гард.— Это мы выясним. Теперь запомните простую вещь. Я могу допустить, что в пропаже куклы вы не виноваты. Это мои личные эмоции, которые для следствия значат меньше, чем нуль. Улавливаете? Вас может спасти только поимка настоящего преступника. Если он будет пойман...— Гард сделал многозначительную паузу и выразительно посмотрел на владельца игротеки.— Тогда я постараюсь замять дело с наркотиками.

— О! — вырвалось у Тура Сайруса.

— Но если он ускользнет от нас... Вы понимаете, что нам хватит одних наркотиков?

— О! — вновь воскликнул Тур Сайрус.

Гард чувствовал: с этим человеком все равно придется заключить сделку. Велик ли грех, если во имя раскрытия большого зла будет прощено зло меньшее?

— Многого я от вас не потребую,— продолжал комиссар.— Во-первых, гробовое молчание. Полное и абсолютное! Во-вторых, сегодня же затейте какой-нибудь

незначительный ремонт в игротеке. Рабочих я пришлю сам. В-третьих, у вас в хранилище, как мне кажется, не совсем в порядке электропроводка. Через час сюда явится электрик и приведет ее в порядок. Повторяю: если кукла, вернувшись в сейф, как положено в нормальных сказках, расскажет нам, где и с кем она была, вы можете спать спокойно. Если же кукла не «расскажет» да еще по вашей вине...

В глазах у Сайруса была тоска.

— Запомните,— сказал Гард,— на случай, если нас кто-нибудь видел в вашем обществе: мы из фирмы «Чиню все, кроме препятствий». Приходили договариваться по поводу ремонта. И последнее: выдайте моему помощнику инспектору Таратуре наркотики и собственноручно напишите признание. Аминь!

Менее чем через час в игротеку явился вызванный Гардом «электрик».

Западни бывают разные. Любознательный человек без труда найдет в охотоведческой литературе подробное описание капканов на лисиц, волков, гималайских медведей и диких крыс. Напрасно он станет, однако, спрашивать, где бы ему прочитать об устройстве капканов на людей. Он не будет правильно понят библиотекарем, не говоря уже о том, что таких книг в каталогах просто нет.

Из этого, понятно, не следует, что подобной литературы не существует в природе. Она есть! И занимает не одну полку! Только простой смертный никогда не получит к ней доступа. Это к лучшему: чтение «капканной» литературы может надолго испортить аппетит, а, как говорил покойный Альфред дав-Купер, «аппетит — лучший барометр человеческой совести». Зачем искушать совесть? С этой точки зрения люди полицейских профессий достойны сочувствия: им приходится не только изучать устройство капканов на людей, но даже ставить их по долгу службы.

Гард, естественно, был в числе просвещенных.

По его распоряжению «электрик» поставил ловушку, представляющую собой миниатюрную телекамеру, которая посредством фотоэлемента была сблокирована с дверцей сейфа. Лампу инфраподсветки «электрик» установил на тот случай, если куклу будут возвращать в темноте. Кроме того, он вмонтировал сигнальный передатчик, приемное устройство которого осталось в комнатке дежурного 4-го полицейского участка, подчиненного Гарду. За какие-нибудь двадцать минут все эти несложные приборы были запрятаны так ловко, что их незаметности мог позавидовать клоп.

Отныне комиссар имел право не волноваться. У простодушного зверя еще есть шансы избегнуть западни — у человека их гораздо меньше. Если кто-нибудь откроет сейф, ловушка захлопнется!

Гарда волновало другое: зачем преступникам понадобились детские волосы? Теперь уже не оставалось сомнения в том, что они выкрадывали кукол именно из-за волос,— в противном случае они ограничивались бы целлофановыми пакетиками, в которых были не только адреса и фамилии детей, но даже их фотографии. Фас и профиль! Чего ж еще? «В средние века,— думал Гард,— такое похищение имело смысл: по волосам не то гадали, не то накликали беду на недруга. Но в двадцатом-то веке!»

Покидая игротеку «Крути, малыш!», Гард сел в машину, но вместо того, чтобы включить зажигание и срочно лететь к себе в отдел, зачем-то вынул расческу и причесался. На зубчиках гребня осталось несколько волосков. Три из них были совсем седые. С минуту он тупо их разглядывал. Потом вздохнул. Господи, что может быть безобидней остриженных волос!

«Если в наши дни,— подумал Гард,— случается нечто, граничащее с колдовством, то консультироваться следует уж никак не со священником».

И он поехал в сторону, прямо противоположную той, в которую должен был ехать.

Личная лаборатория профессора Чойза, оборудованная в принадлежащем ему коттедже, выдавала себя обилием труб и запахами, которые они распространяли. Когда комиссар полиции подъехал к коттеджу Чойза, в воздухе веяло какой-то сладковатой дрянью.

Никого не встретив, Гард поднялся по лестнице на второй этаж, прочел на двери лаборатории: «ПОСТОРОННИМ МЫСЛЯМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!», прикинул, несет ли он с собой посторонние мысли, и, решив, что да, несет, постучался.

Ответом было ворчание, которое при некоторой фантазии можно было истолковать в благоприятном смысле. Гард так и сделал.

Окна затенялись густыми липами. На столах скупо мерцало лабораторное стекло. Синеватый факел горелки освещал большеголового лысого человека примерно шестидесяти лет в прожженном халате, который, наклонившись над клокочущим стаканом, водил в нем стеклянной палочкой.

— Не помешал? — осведомился Гард.

Чойз обернулся, шагнул к комиссару и пожал ему руку с силой, неожиданной для старика:

— Помешать вы мне, конечно, помешали, но сегодня особенный день. Садитесь!

Подтолкнув Гарда к высокому табурету, на каком сидят только химики или заядлые выпивохи в баре, Чойз с треском распахнул стенной шкаф, и комиссар полиции не успел опомниться, как у него в руках очутилась пробирка со странной бурой жидкостью.

— Синтез удался только вчера, и я чертовски рад живому человеку! — воскликнул Чойз.— Вам не кажется, Гард, что мы — последнее поколение, знающее вкус чистого воздуха? Хотя вряд ли вы над этим задумывались. Мы изменяем все — химию воды, воздуха, почвы, пищи — и хотим, чтобы эти глобальные изменения внешней среды не коснулись нас? Странный оптимизм!.. Если старик Дарвин прав...

«О господи,— мысленно взмолился Гард,— зачем я все это слушаю?»

— Безумно интересно, профессор! — сказал он.— Однако я пришел к вам по другому поводу. Некоторым детям сегодня...

— Совершенно верно! — отрубил Чойз.— Дети наиболее восприимчивы к загрязнению воздуха. За последнюю четверть века число эмбриональных уродств возросло впятеро! Да-да! И об этом наша купленная наука молчит! Так будет продолжаться до тех пор, пока мы, ученые, не осознаем свой долг и свою силу и не последуем примеру революционеров, которые, черт возьми, умеют драться за свои права!

— Ничего не слышу! — воскликнул Гард, зажимая уши.

— Извините,— буркнул Чойз.— Совершенно забыл, что вы комиссар полиции... Так вот, дорогой мой Гард, с некоторых пор я решил быть слугой лишь той научной проблемы, разрешение которой даже в наших идиотских условиях не может принести людям вреда. И вчера я достиг кое-чего! — Чойз гордым победителем прошелся по комнате.— Адсорбент! — И он ткнул пальцем в пробирку.— Адсорбент, дорогой мой Гард! Будучи переведенным в газообразное состояние, он моментально и полностью очищает воздух от инородных газов. И стоит он леммы! Пусть промышленники попробуют теперь сослаться на дороговизну поглотительных устройств, пусть только попробуют!

— Скажите, профессор,— воспользовавшись паузой, спросил Гард,— а этот ваш адсор...

— ...бент! — помог Чойз.

— Он может очистить воздух от ОВ? Отравляющих веществ? От иприта, люизита, метана?

— Полагаю, что...— Чойз задумался на секунду, что-то прикидывая или подсчитывая.— Да! Конечно же, да! В его составе имеются...

— А вы уверены,— перебил Гард,— что адсорбен-

том не заинтересуются военные? Генерал Дорон, например? И не засекретят его в своих целях? И не наложат на ваше изобретение лапу?

— Дорон?! Этот гангстер и преступник?! — Чойз даже позеленел от злости.— Вы серьезно говорите, Гард? О, подлый мир, в котором даже детская соска может считаться стратегическим сырьем!

— Кстати, о гангстерах,— поспешил вставить Гард.— Как вы считаете, профессор, должны ли гангстеры красть волосы детей прежде, чем похитить самого ребенка?

— Что? — не понял Чойз.

Торопясь, чтобы его не перебили, Гард выложил профессору все. По мере рассказа удивление сменилось у Чойза недоумением, затем отвращением, а когда Гард кончил, лицо Чойза выражало негодование и даже брезгливость.

— Не хочу слышать о всех этих гадостях,— сказал он резко.— На чем мы остановились? Ах, да, Дорон! Вы серьезно полагаете...

— Мне нужна ваша помощь, профессор,— жестко перебил Гард.

— В каком смысле?

— Помогите мне понять причинную связь между кражей детей и предварительной кражей их волос.

— А я-то здесь при чем? — воскликнул Чойз.— Гангстеры были, есть и будут, даже если я перейду к вам в штат. А разбираться в логике их поступков — дело криминалистов, а не химиков. Кроме того, у меня нет ни капли времени.

— Отлично! В таком случае я тоже умою руки! — неожиданно сказал Гард.— Ведь все равно ничего не изменишь, так? Даже сто моих советов не спасут ваш адсорбент от Дорона.

Чойз задумчиво поскреб бороду.

— М-да,— сказал он.— А что бы вы могли посоветовать, Гард?

— Слушайте, Чойз,— тихо сказал комиссар.— Два часа назад мне пришлось заключить отвратительную сделку с одним преподлым человеком, чтобы спасти еще живого, надеюсь, ребенка и выяснить судьбу ста сорока девяти других детей. Неужели и вы потребуете у меня плату за помощь, которую можете мне оказать, и будете насиловать меня, требуя советов? Я прекрасно понял значение вашего открытия. Но в своей увлеченности мы все немного эгоисты. Не будем подписывать контракт, ладно? Богу — богово, а кесарю — кесарево.

— Что вы хотите, Гард?

— Ответьте на один вопрос: что можно определить по волосам!

Чойз обиженно вскинул плечи и прошелся по комнате.

— Ерунда какая-то! — сказал он.— По волосам я могу определить, блондин человек или брюнет, шатен или рыжий. При чем тут химия? Хотя...— Он сделал еще с десяток мелких шажков.— У всех детей, говорите, первая группа крови? И отрицательный резус-фактор? Хм... Нелепо, конечно, но, быть может, ваших гангстеров интересует генетический код?

— Что?

— Код. Генетический код. Наследственные признаки.

— Но зачем?!

— Уж это ваше дело.

— Подождите... Но ведь волосы — это, так сказать, мертвая ткань!

— Кто вам сказал? Любые клетки тела обладают полным набором хромосом, в которых закодированы все наследственные качества организма. Начиная от цвета глаз и кончая предрасположенностью к сердечным заболеваниям. Любые клетки, дорогой комиссар полиции!

— Это точно?

Чойз возмущенно фыркнул.

— Нет, я не в этом смысле,— поправил себя Гард.—

Это точно, что волосы похищаются для определения наследственности?

— Откуда я знаю? Спросите ваших гангстеров!

— Но проверить это можно?

— Пожалуй, да,— после некоторого размышления ответил Чойз.— Надо провести сравнительный генетический анализ волос похищенных и непохищенных детей.

— Волосы будут у вас через сорок минут!

— Это еще зачем?

— Для анализа.

— Что-о-о? Простите, Гард, но это уж слишком. Я не позволю запрячь себя в вашу телегу. Это в конце концов несправедливо! Когда гангстеры крадут одного младенца, в газетах поднимается визг и благородная полиция развивает бурную деятельность, как было с дочкой сенатора Доббса. А когда химические концерны медленно, но верно травят сотни тысяч детей, у них защитников не находится! Я вовсе не к тому, Гард, чтобы вы помогли мне, и тогда я помогу вам. Но кто-то же должен думать о тысячах, не размениваясь на единицы! У вас свое благородное дело, у меня свое.

«В чем-то он прав,— уныло подумал Гард.— Скверно».

— Что же мне делать?

— Обратитесь в медико-генетический институт,— сказал Чойз.— Они вам не откажут.

— Хорошо.— Гард встал.— Сколько надо провести анализов? И сколько они будут стоить?

— Минимум десять проб. Во что это обойдется? Тысяч в двадцать, я полагаю.

— Во сколько?!

— Двадцать тысяч кларков! Вы что, стали плохо слышать?

Увы, у Гарда был отличный слух... Двадцать тысяч кларков! Таких денег ему, конечно, не дадут. То есть дадут, если разрешит министр. Гард живо представил физиономию Воннела, слушающего доклад, и ему стало

не по себе. Подобно многим чиновникам, Воннел презирал науку и не верил во всякие там гены. А уж гены в сочетании с рэкетирами (которых, как сообщила официальная пресса, в стране больше нет, и слухи о них распускаются оппозиционерами) да еще в сочетании с мистическими детскими волосами — это же анекдот! Гард и так не включал отчет о своей деятельности в ежедневную сводку на имя министра, не без основания полагая, что Воннел прихлопнет ее одним росчерком пера. А тут идти с докладом! Просить двадцать тысяч кларков!

— Чойз,— печально сказал Гард,— мне не дадут таких денег.

— Да? Вполне возможно.

— А без анализов я не могу поймать преступников.

— И это возможно,— сказал Чойз.— Кстати, как вы думаете, их много?

— Шайка.

— Десять человек? Двадцать? Сто? Поймаете одних, появятся другие: свято место пусто не бывает. Вы резальщик мозолей, Гард. Время от времени эта операция необходима, но мозоли-то остаются!

— Да пропадите вы пропадом! — закричал Гард, свирепея.— Если вас на моих глазах будет приканчивать бандит, я пальцем не пошевелю, потому что есть еще другие бандиты! Все, Чойз, договорились!

Старик определенно смутился.

— Зачем же так, право,— сказал он,— у нас теоретический спор...

— А детей похищают практически! И убивают тоже практически! Черт с вами! Я не намерен больше унижаться! Вы гуманист? Какой вы, к черту, гуманист, даже если вы и придумали свой адсорбент! Вы черствый и бездушный тип, которого я однажды по глупости выручил из беды, о чем буду жалеть всю свою жизнь! Прощайте!

И, хлопнув дверью, Гард бросился вниз по лестнице.

Уже садясь в машину, он увидел, как раздвинулись бамбуковые шторы и на балконе появился старик, держа в руках белое полотенце.

— Сдаюсь! — прокричал сверху Чойз.— Тащите свои волосы! Пять образцов похищенных детей и пять образцов непохищенных!

— Вы бы еще громче орали! — зловеще прошипел Гард, но сдержать довольной улыбки все же не смог...

Ловушка сработала в тот же вечер. Часов около десяти в полицейском участке раздался сигнал, и дежурный, дожевывая бутерброд, небрежно ткнул пальцем в кнопку приема изображения. Удостоверившись, что аппаратура действует как надо, он включил кинокамеру, а затем вызвал Гарда.

Когда тот пришел, сеанс, длившийся всего полторы минуты, уже закончился. Дежурный допивал последнюю жестянку пива и на немой вопрос Гарда мотнул головой в сторону проектора. Туда уже была заправлена магнитная лента.

— Можете полюбоваться на своего зверя, господин комиссар,— сказал он, с сожалением встряхивая пустую жестянку.

Таратура прибыл минут через пять.

Вспыхнул экран.

— Он! — воскликнул Таратура, как только появилось изображение человека с заячьей губой.— Чарльз Бенк!

Гард кивнул. Яркое и четкое изображение давало возможность видеть, что у старика маленькие кроткие глаза и шамкающий рот. На мгновение он исчез с экрана, видимо, нагнулся. Потом появился вновь, уже с куклой Майкла в руках. Бережно поправил костюмчик, даже стряхнул пыль. Руки его дрожали, но явно не от волнения.

— Пьет,— сказал Гард.— Сайрус был прав.

Морщинистая шея старика напряглась: он приподнялся на цыпочки, чтобы положить куклу на место. Его заячья губа шевелилась. Уж не мурлыкает ли он про себя какой-нибудь пьяненький мотивчик? Гард угрюмо засопел. Нетрудно догадаться, что скажет этот тип на допросе. «Господин комиссар! — Голос у него, вероятно, плачущий.— Мне дают на чай за смешное и невинное дело, помилосердствуйте! Да, я беру кукол, но я же их возвращаю целенькими!..»

— Вы знаете, Таратура,— сказал Гард,— у нас сейчас даже нет формальных оснований его брать. Ведь он не ворует, а кладет вещь на место!

Мелькнул целлофановый пакетик, возвращенный в ячейку, и экран погас. Минута прошла в молчании.

— Вам придется стать тенью этого малопочтенного старца,— сказал Гард.— Очень важно не спугнуть тех, кому он относит кукол. Брать его пока не будем.

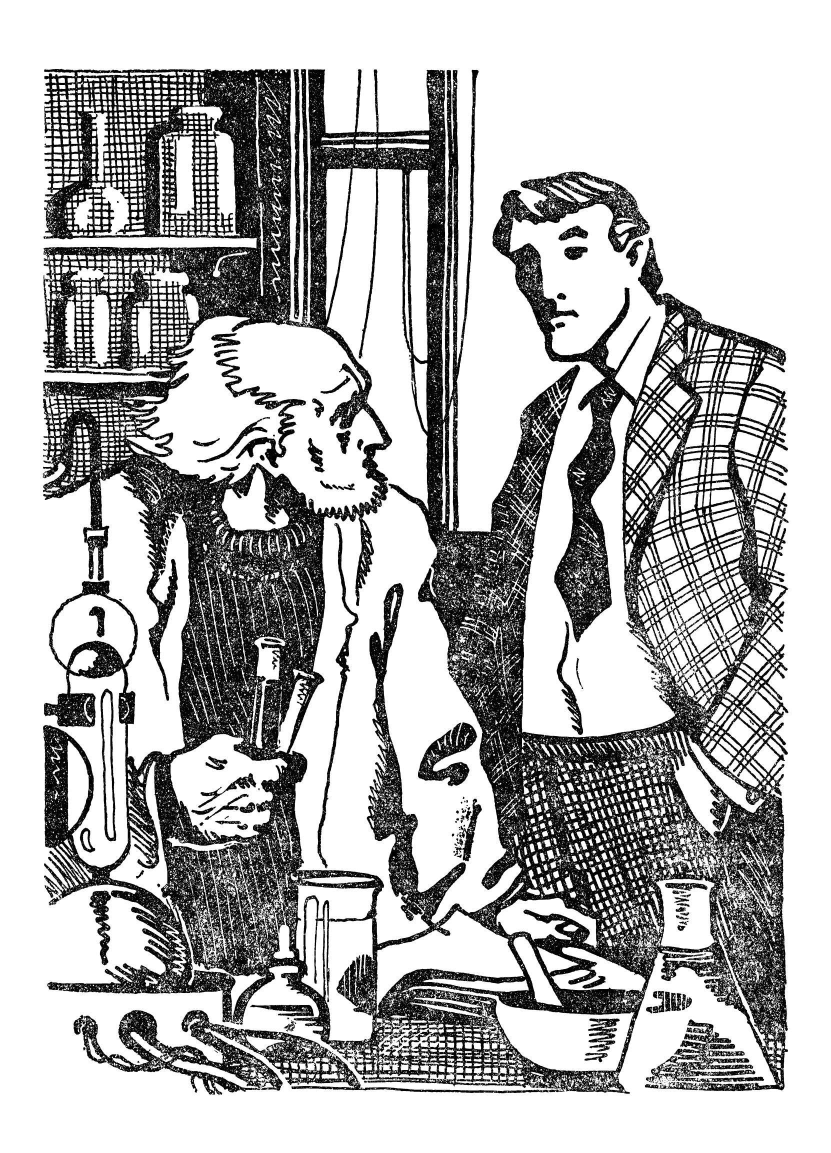
— Ясно, шеф! — сказал Таратура.

«Мне бы твою ясность»,— тоскливо подумал Гард.

Прошел день и еще один. Таратура уже раз восемь докладывал комиссару о результатах наблюдений, и все эти доклады отличались поразительным однообразием: сидит в кафе «Синяя лошадь» с рюмкой абсента; ходил на бега и проиграл четыре кларка; снова сидит в кафе; снова ходил на бега... «Нет, не встречался, шеф. Нет, не разговаривал. Нет, не писал. Сплошное алиби, шеф, а не человек!»

Ловушка тоже молчала, хотя ее размножили еще в девяти экземплярах и подсадили к каждому сейфу. «Рабочие» все еще возились с мелким ремонтом, регулярно сообщая Гарду, что Тур Сайрус ведет себя как мышь.

И каждое утро в управление приходил Честер. Он ничего не спрашивал, просто садился на стул в кабинете комиссара, молча смотрел на него и сидел так до ве-

чера. От этого взгляда Гарду хотелось сбежать хоть в Антарктиду.

На третий день наконец позвонил Чойз.

— Приезжайте,— буркнула трубка.

В лаборатории был истинный кавардак, но относительно чистый воздух. По всей вероятности, все эти дни профессор занимался анализом, держа пахучие жидкости под замком.

— Нате полюбуйтесь,— сказал он, веером швырнув на стол десяток фотографий, в которых любители абстрактной живописи наверняка признали бы репродукции с каких-то неведомых шедевров.— Замечаете разницу?

Никакой разницы Гард не увидел, в чем и сознался.

— Тогда поясню,— сказал Чойз.— Это гамма-рентгенограммы хромосом. В принципе все хромосомы построены стандартно. Но это только в принципе. Каждая хромосома столь же индивидуальна, как и физический облик человека. Гамма-рентгеноскопия, равно как и химический анализ, всех этих тонкостей не улавливает. Но наиболее общие отличия все же заметны. Вот, смотрите: на этих пяти фотографиях данный микроучасток хромосомы построен по типу АГХ — это наше условное обозначение. А что мы видим на пяти других снимках?

Гард все равно ничего не видел.

— Тот же самый участок построен уже по типу АЦХ! — с нескрываемым удовольствием продолжал Чойз.— Значит, похищают только тех детей, у которых в хромосомах наблюдается конфигурация АЦХ!

— Какое значение имеет эта разница? — тупо спросил Гард.

— Тот, кто узнает, дорогой комиссар, получит Нобелевскую премию,— ответил Чойз.— Нам понятно одно: данный участок хромосом ответствен за характер обмена веществ.

— Обмена веществ? — без энтузиазма переспросил комиссар.

— Вот именно. Это довольно важная характеристика организма, во многом определяющая его энергетику, стойкость к биохимическим стрессам...

Гард пришел в совершенное отчаяние.

— Да объясните же мне наконец, кому это надо! И зачем?

Чойз строго поднял брови:

— Не понимаю, комиссар, чем вы недовольны. Я сделал все, о чем вы просили.

— Доволен, дорогой мой Чойз! Доволен! И готов целовать ваши сахарные уста в приливе искренней благодарности! Но что дает анализ для следствия? Кому нужны эти «стрессы»?

— Положим, это важно знать медикам.

— А гангстерам? Им-то зачем?

Чойз медленно прошелся по комнате:

— Я думал об этом, Гард. Проверка хромосом имела бы смысл — правда, довольно относительный,— если бы кому-нибудь потребовались рабы для урановых шахт.

— Шахт? Урановых?!

— Ну, да. Если вы сотне людей дадите одинаковую дозу радиации, то сорок из них, предположим, умрут, пятьдесят девять превратятся в инвалидов, а один... С ним, как ни странно, ничего особенного не случится. И этим он будет обязан уникальному строению той самой штуки, о которой я вам говорил.

Гард обхватил голову двумя руками:

— Но это же невероятно! Рабы? В шахтах? Малолетние? Не может быть!

— Согласен,— спокойно сказал Чойз.— Других гипотез у меня нет.

— Послушайте, профессор!..— Внезапно Гарду пришла довольно здравая и остроумная мысль.— Если берут детей только с этим... АЦХ, то вы не откажетесь быстро сделать еще один или два анализа? Тогда мы

узнаем, кто очередная жертва, и сможем использовать ее как приманку!

— Я сделаю это,— сказал Чойз.— Удивительно, комиссар, но я понял, что ваша проблема соприкасается с моей. Ведь что такое химикаты, введенные в кругооборот внешней среды? Это грабли, запущенные в генетический фонд человечества! Носители неподходящих генов безжалостно выпалываются...

Речь Чойза была прервана телефонным звонком.

— Это вас! — недоуменно проговорил профессор.

Гард взял трубку:

— Слушаю. Таратура? Есть новости?

— Есть, комиссар. Серж Пуся предупредил Мердока, что готовы две куклы. Он спрашивает, вызывать ли ему Сайруса.

— А как же! — воскликнул Гард.— Конечно!

— И разрешать Сайрусу класть их в сейф?

— Вне всяких сомнений! Но прежде пришлите кукол мне. Срочно! Действуйте!..

На следующий день, в десять часов утра, обе куклы исчезли из сейфа, что Гард наблюдал, как говорится, при помощи прямой трансляции, сидя у себя в участке.

Еще через тридцать минут Таратура возбужденно докладывал:

— Чарльз Бенк у нас в кармане, господин комиссар! Он отнес кукол в медико-генетический институт! Точно ли? Как можно в этом сомневаться, если я шел за ним до самой лаборатории, не могу только выговорить, как она называется. Сейчас прочитаю: гамма-рентгеноскопия!.. Кому передал? Не знаю, шеф. Я побоялся войти, там было слишком мало народу. Какие будут указания?

Первым желанием Гарда было немедленно мчаться в институт, но он сдержал себя. Найти человека, которому переданы куклы, конечно, несложно: элементарный обыск, и дело в шляпе. Но что это даст? А вдруг он

работает за «чаевые», даже не зная, на кого? Между тем тронешь его, и затрясется вся паутина...

— Таратура, вы слушаете? Теперь ваша главная задача не выдать интерес полиции к сотрудникам лаборатории. Поняли? Ничего не предпринимать! Только следить за Бенком. Действуйте, дружище! Вернее, бездействуйте! Почему так? Завтра узнаете!

Нет, не завтра, Гард немного ошибся в сроках. В тот же день Чойз успел сделать анализ. У одного ребенка, у девочки, у той самой принцессы, что завивалась перед Майклом, злополучный участок хромосомы имел конфигурацию АЦХ!

Таратура был немедленно вызван в управление. Говоря с ним, Гард на всякий случай запер дверь.

— В ближайшие дни,— сказал он,— будет похищена некая Рони Фишер, четырех лет. Запишите адрес: площадь Примирения, 24. Объявляю высшую степень готовности!

Глава 8

ПОГОНЯ

27 мая ровно в десять утра тридцатитонный продовольственный фургон, ехавший со скоростью около ста километров в час, врезался в пассажирский автобус, заворачивающий с улицы Буль-Дайк на площадь Примирения.

Автобус был перевернут и раздавлен.

Четырнадцать пассажиров были тяжело ранены, одиннадцать получили незначительные повреждения, и лишь трое, в том числе шофер, отделались легким, но на всю жизнь памятным испугом.

Водитель фургона оказался вдребезги пьян. Когда к месту аварии прибыл усиленный наряд дорожной полиции, он крепко спал в слегка помятой кабине своего «танка».

Толпа собралась хоть и большая, но бездействующая. Люди смотрели на происходящее, судачили о последствиях, обменивались мнениями о том, кто из раненых останется жить, а кто отдаст богу душу, оценивали убытки фирмы, говорили, что маршрут автобуса спланирован идиотски,— действительно, при повороте на площадь машина должна была выезжать на трассу, ведущую за город, и место это, трижды проклятое шоферами, всегда было чревато авариями,— и отгоняли детей, крутившихся вокруг в достаточном количестве.

Среди немногочисленных добровольцев, помогавших врачам «скорой помощи» перевязывать и таскать раненых, находилась сравнительно молодая женщина по имени Элизабет Фишер. Она была одета по-домашнему, в какой-то легкий розовый халатик с желтым передником, уже запачканным кровью, а ее светлые волосы были наспех стянуты в узел шелковой лентой. Как потом выяснилось, Элизабет Фишер готовила завтрак, когда услышала визг тормозов, скрежещущий удар металла о металл и вопли пострадавших, и в чем была выбежала на площадь из своего дома, углом стоящего к месту аварии.

На лице молодой женщины было написано искреннее сострадание.

— Ну, потерпите, умоляю вас, потерпите немного! — повторяла она, делая перевязки раненым.

Изредка Элизабет Фишер отрывалась от дела, поднимала голову, находила в толпе очаровательное создание с расширенными от страха и любопытства глазами и кричала:

— Немедленно иди домой, Рони, что я тебе сказала!

На секунду исчезнув, обладательница прекрасных глаз вновь появлялась на прежнем месте. «Ну и задам же я тебе трепку!» — решила про себя мать.

Но вот однажды, оглядев толпу, Элизабет не увидела дочери, не увидела ее и минуту спустя и еще десять

минут и подумала, что, как ни странно, Рони послушалась ее совета.

Но ребенка не оказалось потом ни дома, ни у соседей, ни даже в крохотном скверике на Буль-Дайк, куда Рони категорически запрещалось ходить одной, поскольку для этого надо было пересекать площадь, и куда она постоянно стремилась.

Ребенок исчез.

В час дня комиссар полиции Гард все еще стоял у большой карты города, по которой медленно ползла светящаяся точка. Она ползла вот уже два с половиной часа, ни на секунду не останавливаясь, по нескольку раз минуя одни и те же перекрестки, забираясь на окраину и возвращаясь в центр, и даже попала однажды на Карен-Дайк, но быстро свернула с этой опасной улицы, на которой находилось полицейское управление.

Вдруг точка замерла на одном месте, и в то же мгновение ожил селектор.

— Они остановились, шеф,— сказал Мердок и через паузу добавил: — Из машины вышел тот, который в сером костюме. Идет к кафе «Нимфа».— Снова через паузу.— Зашел в кафе, комиссар. Как меня поняли?

— Понял,— сказал в микрофон Гард.— Что в «бьюике»?

— Остались трое. Девочка с ними, но я ее плохо вижу.— Через паузу.— Он вышел из кафе, комиссар. В руках газета. Читает. Пошел к машине.— Через паузу.— Сидят все вместе. Чего-то ждут...

— Будьте внимательны, Мердок, и осторожны!

— А как же, шеф?

Селектор замер.

— По-моему, их надо брать,— тихим, но решительным голосом произнес Честер, находящийся в кабине Гарда.— Ты делаешь ошибку, Дэвид, я в этом убежден.

— Рано,— коротко ответил Гард.

— Но ведь это опасно! Ты рискуешь ребенком, а вдруг они...

— «Вдруг» не позволим. Мердок вмешается в любой момент. Ты это знаешь. Без гарантии я не пошел бы на это дело, с меня хватит Майкла.

— И все же! — сказал Честер.— Это последняя ниточка! Она может лопнуть, и что тогда?

— Последняя, Фред, именно последняя! — повторил комиссар.

Два с половиной часа преступники кружили по городу, но вовсе не потому, что заметили слежку и путали следы — группа Мердока всегда работала безукоризненно,— а чего-то выжидали.

Чего именно?

События развивались для них естественно и традиционно. Благополучно вышел очередной номер «Мир пять минут назад», который сообщил читателям о катастрофе на площади Примирения и о пропаже Рони Фишер. «Опять рэкетиры?!» — стояло шапкой на полосе. В этом же выпуске было опубликовано интервью с инспектором полиции Джином Моргинсом, который по долгу службы всегда занимался подобными делами, занялся и на этот раз. Он выехал на место по телефонному звонку Элизабет Фишер в то время, когда инспектор Мердок уже полчаса гонял по городу за светло-бежевым «бьюиком». Допросив мать ребенка, соседей и кое-кого из зевак, еще толпившихся на месте аварии, Моргинс официально объявил о розыске Рони Фишер и попросил газету опубликовать фотографию девочки. Одновременно с этим инспектор сообщил репортеру, что полиция, как всегда, предпримет все меры и что в ближайшие часы специальные команды накроют будто бы известные Моргинсу явочные квартиры и убежища рэкетиров,— такое заявление можно делать лишь в том случае, если никаких убежищ и квартир ты не знаешь. Собственно, на этом практическая часть деятельности ин-

спектора Моргинса кончалась, и Гард не вмешивался в нее, позволяя 3-му участку комиссара Вутса делать обычные ошибки и создавать преступникам традиционные трудности, которые те с успехом преодолевали. Ничто не должно было их спугнуть или насторожить раньше времени — об этом прежде всего заботился комиссар Гард. Между тем у него самого возникли довольно серьезные затруднения. Ведь люди Гарда, следя за преступниками, были вынуждены скрываться и от них и от людей Вутса. Это была «круговая оборона», как выразился Гард, формулируя задачу Мердоку, на что инспектор, рассмеявшись, ответил, что всю жизнь мечтал хоть раз побегать от «собственного брата».

Но почему они выжидали? Почему бесконечно кружили по городу, возя с собой опасный груз и не расставаясь с ним так легкомысленно долго?

Вновь ожил селектор.

— Шеф, позади «бьюика» остановился «мерседес» с тремя пассажирами, номер 1467951,— сказал Мердок своим обычным спокойным голосом.— Человек в сером костюме вышел из «бьюика».— Через паузу: — Идет к «мерседесу», комиссар...

— Похоже, что начинается,— тихо произнес Гард, беря в руки микрофон.— Четвертая, шестая и седьмая группы, подтвердите связь.

Почти одновременно ответили три разных голоса, и комиссар убедился, что группы слушают друг друга, Мердока и его.

— Человек в сером возвращается к «бьюику»! — сказал Мердок, сразу взяв тоном выше, как это делают комментаторы футбольных матчей, когда у ворот создается напряженная обстановка и дело может кончиться голом.— Они выносят ребенка! Несут к «мерседесу»! Передают двоим, которые сидят сзади! — Мердок почти кричал.— Возвращаются назад! Включены оба мотора! Сейчас разъедутся, шеф!

— Спокойно! — на зависть Честеру, произнес Гард.—

Общее внимание! Шестая группа, вы продолжаете наблюдение за «бьюиком». Остальные переключаются на «мерседес» с подчинением Мердоку. Предупреждаю посты о наивысшей готовности. Как поняли, Мердок?

— Вас понял, комиссар,— сразу успокоившись, сказал Мердок. И через секунду: — Они двинулись. «Бьюик» показывает левый поворот, «мерседес» — правый, в сторону площади Вокзалов.

— Сто двенадцатый, сто двенадцатый! — тут же произнес Гард.— Будьте внимательны, «мерседес» идет в вашем направлении.

— Рады его встретить, комиссар,— ответил пост на площади Вокзалов.

— Я выезжаю, Мердок,— сказал Гард.— Внимание, дальнейшая связь через семнадцатый. Там за рулем инспектор Таратура.

Выдвинув ящик стола, Гард быстрым движением взял пистолет и сунул его в задний карман брюк. Вторично за несколько последних дней Фред Честер видел комиссара вооруженным. Когда Гард брал пистолет, это значило, что он ждет от событий любых поворотов. Направляясь к двери, Гард бросил Честеру:

— Тебе лучше оставаться здесь.

— Что?! — сказал Честер и вдруг остервенело преподнес комиссару дулю.

Спорить и удивляться было некогда.

Двигатель «Ягуара-110» работал мягко и едва слышно. Заметив вышедших из подъезда Гарда и Честера, Таратура заранее приоткрыл дверцы машины. Они еще не успели захлопнуться, как «ягуар» медленно двинулся с места, а затем, словно одумавшись, рванулся в переулок.

— На площадь Вокзалов, шеф? — несколько запоздало спросил Таратура, но он, вероятно, слышал весь разговор по селектору, не выходя из «ягуара».

Гард хотел что-то сказать, но зажглась синяя лампочка, и он взял в руки микрофон:

— Гард слушает. Вы, Мердок?

— Нет, комиссар, сто двенадцатый! Они проскочили площадь Вокзалов в направлении...

«Сто двенадцатый» вдруг замялся.

— В каком направлении? — нетерпеливо спросил Гард.

— Простите, шеф, я всегда путаю юго-запад с юго-востоком...

— Называйте улицы.

— К площади Примирения...

— Верно, шеф,— вмешался Мердок,— мы идем к площади Примирения.

— Вот это да! — воскликнул Таратура.

— Неужели они хотят возвращать ребенка? — сказал Честер.

— Сто двенадцатый, немедленно свяжитесь с сотым и передайте ему, что «мерседес» движется к ним,— приказал Гард.— Мердок, куда вы пропали?

— Я здесь, комиссар,— спокойно ответил Мердок.— Иду по пятам, но скорость у них приличная. Боюсь потерять.

— Сократите расстояние,— посоветовал Гард.

— Увидят.

— Ну и черт с ними! Увидят, да не поймут!

«Ягуар», повинуясь Таратуре, тоже летел к площади Примирения. «Вернуть ребенка? — подумал Гард.— Нет, не похоже. Они просто ссадили бы девочку где-нибудь на окраине, подальше от ее дома... Но кто возьмется предугадать поступки гангстеров? Кстати, как поживает наш «бьюик»?»

— Шестой, шестой! — вызвал Гард.— Доложите обстановку.

Шестой откашлялся и сказал:

— Иду нормально, комиссар. Они не торопятся, я

тоже. Расстояние тридцать метров. Проезжаем парк Сента-Клосс.

Гард на секунду задумался, потом вдруг спросил:

— У них есть антенна?

— Не вижу, комиссар. Вроде как есть.

— Снимите наблюдение и возвращайтесь домой,— решительно приказал Гард.

— Не понял, шеф,— послышалось из динамика.

— Снимите наблюдение! Дальнейшие указания ждите дома.

— Хорошо, шеф.

И Таратура и Честер с удивлением взглянули на комиссара. Гард был невозмутим. Он закуривал сигарету, приоткрыв ветровое стекло так, чтобы ветер, если этот жалкий поток теплого воздуха можно было называть ветром, обдувал его лицо. Было жарко. Мотор «ягуара» явно перегревался, у Гарда с Таратурой, сидящих впереди, было ощущение, что ноги их стоят в ванночке с горячей водой.

— От имени гангстеров,— мрачно сказал Честер,— приношу тебе сердечную благодарность.

— Весьма польщен,— спокойно ответил Гард.— Когда-нибудь на досуге я прочитаю тебе популярную лекцию о том, что нельзя одновременно гонять двух зайцев.

Минуту они проехали молча.

— А вдруг в «бьюике» заметят «шестого» и сообщат «мерседесу»? — сказал Гард.— Ты думал об этом? Я держал их на привязи лишь до тех пор, пока не убедился, что «мерседес» никуда от нас не уйдет. Он для нас главный! Тебе ясно, достопочтенный представитель гангстеров?

Честер сконфуженно промолчал, а Таратура разразился по своему обыкновению неприлично громким смехом.

— Говорит Мердок,— раздалось из динамика,— я по-

дозреваю, шеф, что они пройдут мимо площади. Уж слишком велика скорость.

— Затормозить никогда не долго,— заметил Гард.

— Это верно, шеф, но логичней предположить, что они дуют на трассу.

— Посмотрим.

«Ягуар», срезав угол, уже въезжал на улицу Буль-Дайк, другой конец которой выходил на площадь Примирения.

— Не торопитесь,— сказал комиссар Таратуре.— У нас есть в запасе несколько минут.

Они остановились буквально в двух шагах от дома, в котором жили Фишеры. Трасса просматривалась отсюда метров на пятьсот в обе стороны.

От недавней аварии не было и следа, если не считать четырех гранитных плит мостовой, уже замененных, но еще не вывезенных. Они лежали стопкой на краю тротуара. Мимо ходили люди, растерзанные послеполуденным жарким солнцем. На самой площади спиралью кружилась поливочная машина, все ближе и ближе подбираясь к центру — к памятнику, изображающему двух атлетически сложенных мужчин, пожимающих друг другу руки. Историки утверждали, что несколько веков назад именно на этом месте произошло примирение враждующих племен, положившее начало нынешнему государству. По этому поводу Фред Честер однажды язвительно заметил, что, если бы племена знали, какое это будет государство, они враждовали бы до сих пор. И вот уже могучие атлеты, обильно смоченные водой, заблестели на солнце, а вокруг них запрыгали, завизжали ребятишки, тоже норовя попасть под спасительные струи.

И никому из пешеходов не приходило в голову, что рядом с ними идет невидимая война, что в любую секунду могут прогреметь выстрелы и пролиться человеческая кровь. Элизабет Фишер лежала в этот момент

в постели, находясь в полуобморочном состоянии, и не подозревала, что в такой близости от нее сойдутся сейчас и враги ее дочери и, возможно, спасители, впрочем, добро и зло всегда шествуют недалеко друг от друга и так близко от нас, грешных!..

— Сотый, я вас вижу,— сказал Гард, поглядывая на водителя поливочной машины.

«Сотый», слегка убрав скорость и уменьшив напор воды, поспешил ответить:

— Я вас тоже, комиссар! Ну и жара... Хотите окачу?

— Прекрасная идея! — не без сарказма заметил Честер.

— Однако внимание,— сказал Гард.— Они на подходе. Мердок, какая у вас скорость?

Тут же ответил Мердок:

— Девяносто пять, комиссар.

— Обходите «мерседес», я возьму его сзади.

— Ясно, комиссар.

— Таратура, включайте! — скомандовал Гард.

Мимо пронеслась машина Мердока — отличный «шевроле» трехгодичной давности, затем черный «мерседес» с высоко торчащей антенной, вплотную за ним — малолитражка, последняя модель фирмы «Норд-Вест», а еще потом, метрах в пятидесяти за малолитражкой, шел автобус. «Ягуар», точно выбрав момент, рванулся, вклинился между «норд-вестом» и автобусом и, сразу набрав скорость, понесся в общем потоке, огибающем площадь Примирения.

— Четвертый и седьмой! — крикнул Гард в микрофон.— Выходите на трассу и следуйте за нами с интервалом в две минуты. Сотый, кончайте работу и возвращайтесь домой. Передайте дежурному о снятии всех постов, находящихся на главных площадях города. Теперь, надеюсь, справимся сами. Вам ясно?

— Еще бы, комиссар!

Погоня!..

Впрочем, какая же это погоня? Как из слагаемых — сумма, так и погоня должна складываться по крайней мере из двух компонентов: из убегающих и догоняющих. Вот когда они словно бы настраиваются на одну волну, передавая друг другу ритм и скорость движения. Вот когда их нервы вытягиваются в тонкую ниточку, готовую лопнуть в самый неподходящий момент. Вот когда рождается обоюдный азарт, и появляется жажда риска, и даже гибель кажется менее обидной, чем проигрыш в глазомере, в умении водить машину, в выдержке.

А что было на этот раз? «Мерседес» ни от кого не убегал, а спокойно, подчиняясь своему собственному плану, ехал к цели. И даже не предполагал, что не только за ним, но и впереди него движутся полицейские машины. Хозяева «мерседеса» не тратили ни капли нервной энергии, не мучились страхами и не молились богам.

Это был самый классический вариант слежки, ибо погоня, по убеждению Гарда, означала брак в работе — обоюдное обнаружение, когда приходится открытым способом исправлять ошибку. Гард не любил погонь, чего нельзя сказать о Таратуре. Вот и сейчас он не был самим собой, нервничал больше обычного, раздражался по пустякам, ворчал и капризничал. То ему показалось, что как-то «не так» заработал мотор, и он даже хотел остановиться и проверить, в чем там дело, но Гард приказал ему не дурить. «Они ж никуда не уйдут! — проворчал Таратура.— Ближайшие сто километров с трассы и свернуть-то некуда!» То ему стала поперек горла малолитражка, которую вел тучный усатый мужчина,— это заметили, когда пропускали «норд-вест» перед собой. Водитель малолитражки буквально вцепился в «мерседес», решив потягаться с ним в скорости и, вероятно, проверить, стоит ли его машина тех денег, которые он заплатил. То бесила Таратуру скорость, с которой «да-

же неприлично ехать за преступниками» и которая «была пригодна для прогулки или для похорон...».

Если бы он знал, куда и к каким испытаниям приведет его эта «невинная прогулка»!

— Шеф,— сказал из динамика Мердок,— вам не кажется, что цель их — аэродром?

— Спасибо, Мердок,— ответил Гард.— Я тоже думал об этом.

Действительно, на сто сорок пятом километре расположился самый дальний из семи аэродромов столицы. Впрочем, на девяносто седьмом километре была вертолетная станция, входившая в систему окружных станций, откуда можно было добраться до любого аэровокзала. А на сто двенадцатом километре — речной порт, связанный каналами с западным и восточным побережьем Ньюкомба. Не говоря уже о том, что шоссе приводило в конце концов к городу Орлуану, второму по величине после Нью, от которого расходились веером еще с десяток дорог в разных направлениях... И все же, повинуясь интуиции, Гард вызвал дежурного полицейского управления:

— Говорит семнадцатый. Срочно доложите расписание ближайших пассажирских рейсов с аэродрома Нью-порт-6.

— Минуту, комиссар... Будете записывать или так?

— Валяйте так,— улыбнулся Гард.

— В пятнадцать ноль семь — Париж, прямой. В пятнадцать сорок — Аддис-Абеба, транзит. В шестнадцать десять — остров Холостяков, внутренний. В шестнадцать пятьдесят — межконтинентальный, Токио...

— Пока хватит,— прервал Гард. Потом взглянул на часы. Они показывали три дня. Самолет в Париж улетал через семь минут. Стало быть...— Забронируйте мне на каждый рейс, кроме парижского, по два...

— Что-о-о?! — встрепенулся Честер.

— По три билета. И можете спать дальше.

— Благодарю, комиссар,— ответил дежурный.

На сто втором километре вся кавалькада по очереди обошла «норд-вест», который сначала пытался соперничать, но скоро сдался. Таратура, не удержавшись, показал усатому кулак, за что получил в ответ традиционный шоферский жест, означающий «сам болван»: усатый повертел у виска указательным пальцем. Таратура позеленел...

Миновали речной порт, далеко позади осталась вертолетная станция. «Аэродром или Орлуан?» — думал Гард. За пять километров до поворота он вызвал «четверку».

— Обходите всех и дуйте вперед,— сказал комиссар.— Пойдете на Орлуан. В случае чего будете ведущим.

К зданию аэровокзала машины подъехали одна за другой, через пять секунд каждая, как подъезжают дипломаты на прием к дворцу президента. Первой остановилась машина Мердока, ей в затылок — черный «мерседес», а следом за ним, совсем уже вплотную, поставил «ягуара» Таратура.

Дверцы открылись почти одновременно.

Нет, допрос никогда не был стихией комиссара Гарда! Он умел думать, строить логические схемы, делать выводы там, где другие не находили для них даже повода, предугадывать поступки людей и безошибочно определять по характеру поступков их исполнителей. Гард мог, наконец, организовать прекрасную ловушку, точно расставив посты и разыграв, как по нотам, варианты, один из которых непременно сбывался. Выследить преступника, взять его, получить в руки вещественные доказательства — всему этому можно было поучиться у комиссара Гарда. Но вот допрос...

С женщинами он просто терялся, не умея разговаривать с существами, не признающими логики. С мужчинами Гард чувствовал себя много увереннее, но, если

и мужчины тупо молчали, обнаруживая неспособность или нежелание логически мыслить, он поднимал руки кверху и говорил, что в этих случаях может помочь только комиссар Вутс со своими молодчиками.

Дело в том, что единственным методом, которым комиссар Гард пользовался во время допроса, был метод убеждений. «Мой жанр — разговорный!» — шутил он в кругу друзей. Выжимать показания, а тем более выбивать их Гард не желал, не умел, никогда этому не учился и не мыслил себе даже как исключение в самых безвыходных ситуациях. Альфред дав-Купер, учитель Гарда и великий детектив, тоже признавал только те показания, которые были получены, как говорил он, «на основе взаимности».

Вот почему допрос всегда был стихией комиссара Вутса, и вот почему комиссар Вутс за какие-то пять лет сделал совершенно феерическую карьеру, поднявшись (или опустившись?) от вышибалы заведения «Милости просим на два часа!» до полицейского комиссара, имея к тому же перспективу, которая не снилась Гарду.

Сидя сейчас перед тремя преступниками, хранящими упорное молчание, Гард лихорадочно размышлял, что ему делать. Ясно было одно: операцию следует завершить ювелирно тонко, так, чтобы не осталось даже шрама. Никакие графики не должны быть смещены, ничто не должно быть остановлено или отложено. Самолет, из-за которого «бьюик» кружил по городу, убивая время, обязан подняться точно по расписанию, хотя неизвестно было, какой это самолет...

Их взяли в лифте — молниеносно, без посторонних глаз, что называется, с ходу. Спящую Рони Фишер — ей, очевидно, они вкололи изрядную дозу снотворного — инспектор Мердок незаметно перенес в машину к «седьмому» и оставил там под наблюдением помощника. Поднявшись в лифте на самый верхний, двенадцатый этаж аэровокзала, считающийся служебным, Гард без подроб-

ных объяснений занял пустую комнату, отделавшись от дежурного лаконичным: «Мне необходимо!» — и показав ему жетон на лацкане пиджака.

Честер остался внизу и прогуливался вблизи черного «мерседеса», пока к нему не спустился Таратура. Они вместе внимательно обследовали машину, но ничего существенного не нашли, если не считать трех ампул из-под морфинила, шприца, оберток от шоколадных конфет и небольшого странного свертка, в котором лежали два полотенца.

Затем Таратура вернулся к Гарду.

В первые пять минут удалось выяснить, что молчаливая троица располагает документами на имя Роберта Сболла, Юджина Харри и Ли Кнехта; бумаги, разумеется, могли быть липовыми. В списках пассажиров, направляющихся в Аддис-Абебу, на остров Холостяков и в Токио, эти фамилии не значились, что тоже еще ни о чем не говорило, поскольку продажа билетов осуществлялась без предъявления документов.

Было три часа тридцать минут дня. Пассажиры потихоньку подтягивались к желто-синему автобусу, который должен был доставить их к приземистому четырехтурбинному «Конкорду», идущему через десять минут рейсом в Аддис-Абебу. Наблюдая эту картину с высоты двенадцатого этажа, Таратура подумал о том, что мечта его детства опять горит синим пламенем.

Гард начинал допрос по второму заходу:

— Итак, кто вами руководит?

Молчание.

— Ваш дальнейший маршрут?

Молчание.

— Цель кражи?

Гробовое молчание.

— Хорошо,— сказал Гард.— Попробую играть с вами в открытую, господа!

Господа дружно заулыбались.

Тот, у которого были документы на имя Юджина

Харри — сорокалетний мужчина с белыми бровями и крашеной головой,— положил ногу на ногу:

— Начинайте, комиссар!

Гард уже раньше всматривался в него, пристально поглядел и на этот раз. Определенно что-то вспомнив, он сказал:

— Мне известно, что девочку зовут Рони Фишер, она была украдена сегодня утром на площади Примирения...

— Мы тоже читаем газеты! — бесцеремонно перебил Харри.

— Я знаю также,— не обращая внимания на реплику, сказал комиссар,— что в этом хищении вы не принимали участия. Ребенок был передан вам в час пятнадцать у кафе «Нимфа». Зато вы...— Гард повернулся к Юджину Харри,— вы были старшим группы, которая похитила пятилетнего Майкла Честера в парке Сента-Клосс, в районе Круглых прудов, 24 мая, в двенадцать сорок дня!

— Фью-у-у! — присвистнул Харри, то ли удивляясь, то ли выражая восхищение осведомленностью комиссара.

— Состав вашего преступления налицо,— сказал ему Гард.— Нам хватит этого, чтобы посадить вас за решетку. Но если вы...

— Как рэкетиров? — перебил Харри.

— Возможно,— сказал Гард.

— Ну и валяйте!

Гард понял много больше того, что хотел сказать Харри. «Конечно, из двух бед он предпочитает наименьшую...» — подумал комиссар, но взгляд его, скользнув по стене, остановился на часах. Они показывали сорок минут четвертого.

Взревели турбины «Конкорда». Еще минута, и с этим рейсом, быть может, улетит последняя возможность проникнуть в тайну исчезновения детей.

Или шансы сохраняются до следующего рейса?

Харри тоже посмотрел на часы. Ни один мускул на

его белесом лице не отразил волнения. Было похоже, что и в этой компании он исполняет обязанности старшего.

«Конкорд» взмывал в воздух.

Ну что ж, придется начинать новый тур, надеясь на выигрыш второго промежуточного финиша. Когда он? В 16.10? Всего тридцать минут форы?

— Я знаю, наконец,— начал Гард тоном, каким актеры обычно произносят «под занавес» самые сильные и впечатляющие реплики,— что оба ребенка имеют генетический код конфигурации АЦХ!

— Чего?! — вырвалось у Сболла.

Троица переглянулась.

Кажется, Гард знал даже больше того, что знали они, но совсем не то, что ему сейчас было нужно.

Он посмотрел на Сболла, держащего руки между сжатыми коленями, на Кнехта, тоскливо смотрящего в окно, на развалившегося на стуле Харри... Пешки! Элементарные пешки в сложной шахматной партии, которую играет чья-то опытная рука! В самом деле, подумал Гард, старые «моржи» Пуся стригли детей и делали невинных кукол, даже не подозревая, что кто-то пользуется их данными. Тур Сайрус прятал кукол в сейф, понятия не имея о том, что они исчезают и возвращаются. Старик сторож таскал кукол в генетическую лабораторию, уверенный в том, что не делает ничего противозаконного. Гард мог биться об заклад, что и сотрудник лаборатории не знал истинных целей своих заказчиков, что он работал по принципу: берите ваши анализы — давайте мои деньги! Подонки, которые крали детей, тоже не догадывались, зачем их крадут: подонков устраивало то, что гонорар они получают сразу. А потом они передавали «товар» новым подонкам, обязанным всего лишь доставить его к определенному рейсу на аэродром. По логике вещей лететь должен кто-то еще, но кто?

Звенья в цепи... Смешно насиловать их вопросами

о том, кто ими руководит и каковы цели хищения. Пустое все это, пустое! Они знают лишь звено предыдущее и звено последующее. Но как сделать, чтобы цепь не оборвалась? Как поступить с ними? Что им сказать?

Хоть лопни!

Предложить им деньги? Шикарные виллы на берегу Адриатики? Яхты? Политическое убежище в Месопотамии? Свободу? За одно только слово: кто следующий в мрачной цепи преступления? Но даже если бы Гард располагал такими богатыми возможностями, он все равно был бы бессилен. Нельзя перекупить то, что уже продано сатане. Эта троица при всех случаях теряла неизмеримо больше того, что могла получить у Гарда: она теряла жизнь! Это было понятно с самого начала. Только звериный страх перед теми, кого они, вероятно, и в глаза-то не видели, но кому запродали души, мог заставить их держать язык за зубами. Они наверняка знали, что от сатаны никуда не уйдешь, не улетишь, не уплывешь и не спрячешься, что электрический стул по сравнению с муками, на которые обрекает сатана за предательство,— благо.

И все же Гард сделал еще одну попытку их разговорить.

— У вас есть дети? — обращаясь к Сболлу, сказал он.

Сболл пожал плечами:

— Не знаю, комиссар!

Харри громко рассмеялся.

— Сто сорок девять детей бесследно исчезли за последние два с половиной года,— жестко произнес Гард.— Смейтесь, Харри, если вам смешно! Сто пятидесятым был Майкл Честер. Сто пятьдесят первой могла стать Рони Фишер...

— К чему эта арифметика, комиссар? — процедил сквозь зубы помрачневший Харри.— Везите нас в управление, там в камере хоть прохладней!

Таратура так сжал кулаки, что они побелели.

— Позвольте мне, шеф? — тихо сказал он, приподнимая свое могучее тело.

Гард отрицательно покачал головой. У этой троицы был страх куда сильнее страха перед инспектором.

Часы на стене показывали сорок минут четвертого.

И вдруг открылась дверь. Вошел Честер. За его спиной стоял усатый водитель малолитражки.

Фред увидел его не сразу, но, когда увидел, обрадовался как старому знакомому.

Сначала Честер любовался платной стоянкой для автомашин, куда пассажиры, отправляясь в далекие рейсы, ставили до возвращения свои «колеса». Это была не стоянка, а настоящая выставка, как будто специально организованная многочисленными фирмами в рекламных целях. Пожалуй, только «норд-вест» был представлен на ней в единственном экземпляре.

Фред смотрел на машину с нескрываемой завистью: модель и в самом деле была что надо! Потом он увидел усача, который зачем-то подошел к своему «норд-весту». С этого момента Честер от нечего делать не выпускал его из вида.

Усач поглядывал на часы, которые были у него на руке, и на часы, которые были на фронтоне аэровокзала, как будто хотел убедиться, что какие-то из них врут, и это вранье истолковывал в свою пользу. С некоторой надеждой на лице он устремлялся навстречу каждому, кто решительно шел в его сторону, но по мере сближения как-то растрачивал свой пыл и постепенно угасал. Однажды он приблизился к какому-то человеку с острой бородкой, что-то спросил у него, но получил в ответ недоуменное выражение лица, которое сменилось откровенным любопытством. Усач немедленно ретировался, не оглядываясь, а острая бородка, наоборот, трижды поворачивалась ему вслед.

Прохаживаясь вдоль тротуара, у которого стоял чер-

ный «мерседес», Честер постепенно увеличивал количество шагов в обе стороны и однажды оказался совсем близко от усача.

— Хелло! — сказал Фред, дружелюбно улыбаясь.— У вас отличная машина! Вы просто на равных тягались с нами на шоссе!

Усач искусственно улыбнулся, почти не взглянув на Фреда. По всей вероятности, Честер никак не походил на человека, которого с таким нетерпением он ожидал.

— Простите,— не унимался Фред,— какова максимальная скорость «норд-веста»?

— Сто сорок,— коротко ответил усач.— Извините, мне некогда.

— Здесь всем некогда,— философски заметил Фред, имея в виду главным образом себя и своих друзей.

Усач с некоторым интересом поглядел на собеседника, проявившего странную назойливость, и осторожно спросил:

— Вы тоже летите?

— Боюсь, что нет,— вздохнув, откровенно сказал Честер.— А вы?

— Удивительное совпадение,— ответил усач.— Я тоже еще не знаю... Кого-нибудь ждете?

— Ого! — сказал Честер.— Еще как жду!

— Я тоже! — как будто обрадовался водитель малолитражки.

Они сделали рядом несколько шагов. В душе усача явно боролись противоречивые желания, и, посмотрев на часы, он дал одному из них победить другое. Еще раз смерив Честера с головы до ног, усач вдруг тихо сказал:

— Вы не одолжите мне два полотенца?

Вероятно, у Фреда было такое же выражение на лице, как у того господина с острой бородкой. Но уже в следующее мгновение Честера как будто пронзило током: в странном свертке, обнаруженном в «мерседесе», было ровно два полотенца!

Не может быть!

Ни в одной из нескольких сотен автомашин, стоящих на территории аэропорта, не могло быть сейчас двух полотенец, завернутых в сверток! И никому из полутора тысяч людей, снующих в аэропорте, не пришло бы в голову спросить постороннего человека, не может ли он одолжить два полотенца!

Все ясно: пароль!!

Лихорадочно думая об ответе, в котором было бы как можно больше нелепостей, но так ничего и не придумав, Фред крепко взял усача за рукав.

— В чем дело? — сказал усач.

— У меня есть два полотенца,— задыхаясь от волнения, проговорил Честер.— Они хороши слонам.

— Каким слонам? — искренне удивился усач.

Честер глупо подмигнул ему:

— Пойдемте покажу!

Усач мрачно последовал за Фредом.

Открывая дверцу черного «мерседеса», Честер, как ни торопился, все же заметил, что за ним во все глаза наблюдает «четверка», стоящая визави. «Только бы не помешали, идиоты!» — авансом обругал полицейских Фред. Быстро развернув сверток, оставленный Таратурой на сиденье, Честер показал содержимое усачу.

— А где метка? — тихо спросил усач.

— Должна быть метка! — воскликнул Честер.— Не может ее не быть!

Действительно, вывернув полотенце наизнанку, усач и Честер увидели красное клеймо, изображавшее, как это ни фантастично, слона! Тут уж Фред обалдело посмотрел на водителя малолитражки.

— Чего же ты не по форме? — сразу перейдя на «ты», сказал усач.— Поменяли ответ? Или забыл, что ли?

Честер опустил глаза, с одной стороны, выражая этим вроде бы смущение, а с другой стороны, боясь разоблачить свое ликующее состояние.

— Первый раз,— сказал он.— Тот заболел.

— Болваны! — выругался усач. Вероятно, среди преступников он стоял в табели о рангах чуть выше «того».— Дать бы вам всем разок по шее! Где груз?

— Там,— сказал Фред, поднимая глаза кверху.

— Пошли быстрей. Уже время.— Усач торопливо свернул полотенца и засунул их под пиджак.— Он ждать не будет.

— Кто? — не понял Честер.

— Кто! Кто! — передразнил усач.— Самолет! В шестнадцать пять убирают трап, вот кто! Пошли.

— А как же полотенца? — играл в дурачка Честер.

— Ты что, озверел? — искренне удивился усач.— Полотенца идут мне! Понимаешь? Не тебе, а мне!

— Это еще зачем?

— Ну и людей подбирать стали! — Усач покраснел от негодования.— Для морды, когда я на пляже буду, у меня есть собственное! Соображаешь? Чистое! А эти с меткой! Для креста! Ох, не быть тебе, парень, в нашей компании!

В лифте усач неожиданно тихо и даже с какой-то теплотой в голосе спросил:

— Груз спит? Ну и прекрасно. Морфинильчик действует...

Потом была дверь, за которой находился Гард. Честер сделал последнюю «естественную» попытку:

— А для какого еще креста?

— Ты о чем?

— О полотенцах.— Фред снова опустил глаза.

— В бога веруешь? — сказал усач.— Молись. Такие, как ты, любознательные, долго не живут.

И они вошли.

Четыре человека бежали прямо по аэродромному полю.

Четвертым был Мердок. Комиссар на ходу отдал ему последние указания:

— Ребенка через Моргинса вернете матери... Сегодня же договоритесь с ним, пусть даст интервью: рэкетиры, мол, обыкновенные рэкетиры! Удалось, мол, поймать. И пусть назовет две-три фамилии. Из тех, что уже сидят... На его расспросы — молчок. Вернется Гард, у него, мол, и спрашивайте. Куда уехал, тоже не знаю. Эту четверку держать под замком. От них наружу ни единого звука! Ночью аккуратно уберите машины ко мне в гараж...

Стюардесса уже закрывала двери. Бегущий впереди Таратура заорал:

— Подождите!

— Наблюдение из парикмахерской, игротеки и лаборатории не снимать,— продолжал Гард.— Подключите инспектора Хьюса... И последнее: контрольный срок — 2 июня, двенадцать часов дня. Если нас не будет... или не будет вестей... поднимайте тревогу. Идите на доклад прямо к президенту. Это нам мало поможет, но не идти тоже нельзя. И дайте материал в прессу... Я очень на вас надеюсь, Мердок!

Трап еще не убрали. Поднимаясь в самолет, Честер шепнул Гарду:

— Дэвид, у меня в кармане ни одного лемма!

— Ты говоришь так, как будто это впервые.

— Да, но...

— Не волнуйся. Ужин ты заработал честно. А там видно будет!

Самолет не делал прощальных кругов, а сразу взял курс на остров. Гард смотрел в иллюминатор, но так и не увидел Мердока, одиноко стоящего на зеленом поле, перерезанном во многих направлениях бетонными полосами.

Они не знали, что им не суждено больше встретиться.

Глава 9

ТРИ ХОЛОСТЯКА

Пожалуй, сегодня уже не многие помнят, что остров Холостяков когда-то назывался островом Акул. Смена названия произошла лет двадцать назад при довольно любопытных обстоятельствах, наложивших решительный отпечаток на нынешний стиль жизни известного великосветского курорта.

На одном из пленарных заседаний Ассоциации миллионеров-холостяков вице-президент Раул Бланкмейстер, ныне покойный, зачитал открытое письмо некоего Эдмонта Бэйла...

Впрочем, рассказывать об этом надо не так.

Остров Акул был сам похож на акулу. Он имел восемьдесят четыре мили в длину, шесть миль в ширину, а в высоту сорок метров, если острова можно характеризовать в трех измерениях. Северная часть, заостренная и изогнутая, словно акулий хвост, выходила в открытое море. Она была голой и мрачной, сплошь состоящей из больших и малых холмов, покрытых гладкими валунами, доставшимися в наследство от ледникового периода. Многократные и утомительные попытки найти там полезные ископаемые ни к чему не привели, и эта часть острова, прорезанная, правда, отличной дорогой, была оставлена в своей первобытной дикости и признана государственной.

Зато южная часть могла бы вызвать зависть лучших курортов мира. Отделенная от Ньюкомба проливом, напоминающим Ла-Манш, она полого спускалась к морю, образуя совершенно ровные многоступенчатые террасы, словно нарочно приспособленные для строительства отелей. Желтый песок, целебный воздух, прекрасные источники пресной воды, великолепное море, много солнца, тенистые пальмовые деревья, неумолчно поющие птицы и, наконец, поражающие своей стройной красотой ре-

ликтовые сосны, сохранившиеся, говорят, лишь в трех местах земного шара,— не райский ли уголок для тех, у кого есть предприимчивость и деньги в кармане?

Увы, коммерцию финансовым акулам самым нахальным образом испортили акулы морские. Их было так много, что не только купаться, но даже оставлять на берегу вещи и съестные припасы было опасно, так как акулы выбрасывались из воды, успев перед смертью проглотить добычу.

Остров был обречен. В его южной части открылась единственная харчевня «Петух», в которой редким гостям давали жидкое пиво, салат из морской капусты и отбивные из акульего мяса.

Вот тут-то на сцене и появляется впервые Эдмонт Бэйл — средней руки миллионер, но зато активный член Ассоциации миллионеров-холостяков. Собственно, появляется он не на сцене, а на острове, в харчевне «Петух», где съедает одну отбивную, а затем долго думает, решая в уме сложную задачу.

Затем происходит пленарное заседание, на котором ныне покойный Раул Бланкмейстер и зачитывает открытое письмо Эдмонта Бэйла.

Письмо следующего содержания:

«Уважаемые холостяки! Братья по кларкам! Я вынужден открыться перед вами: вот уже три года, как я женат. (Гул возмущения в зале.) Более того, у меня есть годовалая дочь. (Крики: «Позор!», «Долой его!») Но я слишком поздно осознал ошибку и раскаиваюсь. Судьба жестоко наказывает меня одним тем, что я вынужден покинуть нашу славную ассоциацию. Но прежде чем распрощаться с вами, я хочу хоть немного облегчить свои страдания. («Только не за наш счет!») Уважаемые холостяки! Вот уже много лет мы занимаемся тем, что изыскиваем возможность разумно тратить наши лишние кларки. Так вот, дорогие братья по кларкам, я хочу предостеречь вас от тех... («А ты кто такой?!»)... кто предложит вам создать на острове Акул курорт для

холостяков! («А почему бы и нет!», «Захотим — и построим!») Я знаю, что скажут вам совратители ваших миллионов! («Пророк нашелся!») Объедините капитал, скажут они, и поставьте на южной части острова заградительную сетку! («Прекрасная идея!») Это будет стоить всего шестьдесят миллионов кларков! («Сколько?» «Сколько он сказал?!») Но позвольте дать вам искренний совет: ни в коем случае... («Долой!», «Это уже слишком!», «Он еще смеет советовать!»)... не соглашайтесь! Не осваивайте остров Акул! Это гиблое дело!..»

Дальнейшее потонуло в сплошном протестующем реве, и письмо Эдмонта Бэйла так и не было дочитано до конца. Тут же вопреки его совету был создан Комитет по освоению, составленный из шестнадцати отъявленных холостяков. В ближайшие три дня были выкуплены у государства (разумеется, по взвинченным ценам) участки на южном берегу острова. Полным ходом началось строительство морского порта, аэродрома, сорока трех отелей, множества ресторанов, пляжей, баров, станций обслуживания автомобилей, купальных залов, подземных гаражей, бассейнов, канатных дорог и парикмахерских салонов. Стальная сетка, словно намордник надетая на утолщенную южную часть острова, действительно обошлась в шестьдесят миллионов, если не считать пособий, выплаченных семьям тридцати шести водолазов, погибших при ее установке. Морские акулы, потыкавшись мордами в решетку, сдались, подняв кверху острые плавники и признав бесспорную победу за миллионерами, объединившими свои усилия.

Спрашивается, что со всего этого имел Эдмонт Бэйл, так неуклюже пытавшийся предостеречь своих братьев от рокового шага? Форменный пустяк: отель «Ум хорошо, а кларк лучше», расположенный на самой ровной террасе, у самого желтого пляжа — на участке реликтовых сосен, купленном Бэйлом за бесценок у хозяина бывшего «Петуха» еще задолго до того, как ассоциация получила открытое письмо.

С тех пор остров Акул и стал называться островом Холостяков. Фешенебельный курорт мог спорить своей славой с Дубровниками, Ниццей, Солерно, Золотыми Пясцами, Сочи и Калифорнией. Ежегодно здесь отдыхали сорок три миллионера-холостяка, до двух сотен семейных миллионеров. Президент, многочисленные министры, наследные принцы из зарубежных государств, всевозможные коронованные и пока еще не коронованные особы, а также самые могущественные короли гангстеров. Кроме того, все, у кого в кармане имелись кларки, могли приехать сюда, чтобы оставить их в карманах холостяков, и прежде всего нынешнего мультимиллионера Эдмонта Бэйла.

Наконец — что очень важно для понимания стиля курортной жизни,— холостяки с самого начала провозгласили принцип: «Все, что угодно, но только для одиноких!» Мужьям с женами и женам с мужьями въезд на остров был категорически запрещен. Короли и королевы, президенты и президентши, клерки и клеркши — одним словом, семейные пары всех рангов оставляли дома обручальные кольца, селились в разных номерах отелей и церемонно знакомились на пляже, как будто впервые друг друга видели.

Разумеется, это была милая и пикантная условность, но играли в нее так, что даже переигрывали. Мужчины ухаживали за своими женами с пылкостью и осторожностью заядлых холостяков, а женщины кокетничали со своими мужьями с такой непосредственностью, как будто никогда не стояли под венцом. Верхом неприличия считалось не только ревновать, но и бросать ревнивые взгляды, а малейший намек на родственность приводил к необходимости покинуть остров. Дело дошло до того, что даже родные братья предпочитали не узнавать друг друга, а сестры, столкнувшись, презрительно отворачивались.

Курортной газете дали название «Прекрасное одиночество».

Таким образом, почти все на этом острове были друг другу родственники, хотя делали вид, что чужие, и все были воистину чужими, хотя в миру считались родственниками.

И только один официальный скандал потряс два года назад нравственные основы миллионеров-холостяков. После смерти почтенного вице-президента ассоциации Раула Бланкмейстера неожиданно выяснилось, что у него имеются шесть дочерей и два сына, не говоря уже о супруге, которые тут же передрались из-за наследства. Недели две подряд центральная печать только и занималась подробным описанием судебного процесса, отпуская при этом ядовитые замечания в адрес ассоциации. Наследство, надо сказать, было немалым и состояло, кроме прочего, из очаровательной монорельсовой дороги, ведущей от аэродрома к побережью, и шикарного отеля под названием «Холостяк из принципа».

Трое мужчин, прибывшие вечером 27 мая рейсом из Нью, как раз и воспользовались этим отелем.

Всю дорогу Гард тщательно обдумывал план действий. Из чего, собственно, он мог исходить? Сведения были чрезвычайно скупые и сумбурные. Он знал, во-первых, что ребенка должен был сопровождать человек, у которого имелись документы на имя Боба Лангера, и что этот человек не был последним звеном в преступной цепи. Во-вторых, судя по фразе Лангера, сказанной Честеру: «Для морды, когда я буду на пляже, у меня есть собственное полотенце»,— он должен был (или просто хотел?) выйти на пляж. Логичным было предположить, что опасность и сложность задания, которое выполнял Лангер, не позволяют ему вести на острове беззаботную жизнь курортника. Скорее всего выход на пляж диктуется необходимостью. Но какой? Не там ли должна произойти встреча с очередным звеном? Если там, то, спрашивается, где в это время могла бы находиться Рони Фишер? Хотя детей на острове Холостяков было пруд пруди, все же появление мужчины

с ребенком являлось отличным поводом для сенсационной заметки в «Прекрасном одиночестве» со всеми, как говорится, вытекающими последствиями. Не учитывать этого преступники не могли. Значит, Боб Лангер должен выходить на связь один, оставив где-то спящую Рони? Где? Очевидно, в отеле. Где ж еще? А то, что именно спящую, косвенно подтверждалось найденными у Лангера шприцем и ампулами с морфинилом.

Наконец, Гарду надо было решить вопрос о том, какой из сорока трех пляжей годился преступникам для связи и в каком из сорока трех отелей мог остановиться с ребенком Боб Лангер. Вероятнее всего в том, который находится ближе всего к аэродрому, с одной стороны, и к пляжу — с другой. Чем короче эти пути, тем легче преступникам. Если так, то лучше «Холостяка из принципа» нечего и желать. Прямо на аэродроме можно сесть в закрытую кабину «раулки», как называли курортники монорельсовую дорогу, ныне принадлежащую жене покойного Раула Бланкмейстера, и прямым ходом добраться до отеля «Холостяк из принципа», а уж тут всего десять метров до пляжа. Конечно, «Ум хорошо, а кларк лучше» более комфортабельный отель, и путь от него к пляжу, хоть и длиннее, проходит через рощу великолепных реликтовых сосен. Но, как справедливо решил Гард, преступникам должно быть не до комфорта и эстетических наслаждений.

В-третьих — и это, пожалуй, самое сложное,— Гарду следовало угадать, для какого креста были нужны Бобу Лангеру два полотенца с метками. То ли на пляже был какой-то крест, который он был обязан накрыть полотенцем, то ли сам обвязаться ими крест-накрест, то ли вышедшие к нему на связь преступники должны были в виде пароля положить на полотенца какие-то кресты... Вариантов рисовалось так много, что Гард перестал ломать над ними голову, тем более что все пароли традиционно строились по принципу наибольшей алогичности.

Разумеется, Гард понимал, что все его предположения в известном смысле не стоят и лемма. Прямо на аэродроме Боб Лангер мог преспокойно передать ребенка в другие руки, получив взамен разрешение два-три дня поваляться на пляже. В этом наипростейшем варианте, правда, не было ясного места для полотенец и креста, но кто сказал, что место это должно быть ясным и что таинственные предметы вообще имеют отношение к передаче ребенка, а не, положим, к получению Лангером гонорара за работу?

Одновременно с этим Гард понимал и то, что в его положении надо учитывать только те варианты, к которым ведет ниточка из неосторожных фраз, сказанных водителем малолитражки Фреду Честеру. Ведь после знакомства с Гардом потрясенный Боб Лангер прочно умолк, да и не было времени его допрашивать...

Так думал комиссар, сидя в самолете и уже не имея возможности посоветоваться с Таратурой и Честером. С того момента, как они очутились в салоне тихоходного, но вместительного «Птеродактиля», курсирующего между Нью и островом Холостяков, они не должны были знать друг друга. Внешняя независимость диктовалась тактическими и конспиративными соображениями и, кроме того, облегчала взаимную подстраховку. Все трое знали лишь о том, что жить нужно в отеле «Холостяк из принципа», по возможности в соседних, граничащих между собой номерах и кто из них какую роль должен играть. Об этом Гард шепнул Таратуре при выходе из самолета, шагая по трапу за его спиной, а Таратура сказал Честеру, сев с ним вместе в одну кабину «раулки».

Вид у Таратуры уже был надменным и чопорным: он поспешил войти в роль, поскольку Гард приказал ему быть «миллионером».

Честер долго не мог уснуть. Балконная дверь была распахнута настежь, доносился шум прибоя, и эти равномерные, тяжелые вздохи будоражили мозг, и без того

настроенный на грустные размышления. «Кто знает,— думал Фред,— не находится ли Майкл где-то совсем близко? И тоже, наверное, не спит и мучительно соображает, что же это такое случилось, если не приходят за ним мама с папой...»

Допустить, что сына нет в живых, Честер не мог.

Ночью ему приснился сон. Как будто он стоит на капитанском мостике белоснежной яхты, а по веревочной лестнице быстро взбирается на фок-мачту маленький Майкл. Сердце Фреда сжимается от тоски: сын может сорваться в море, а вокруг акулы, их не видно сейчас, но всем существом своим Честер чувствует, что они ждут добычу. Еле держится Майкл, слабея на глазах, и вот уже опустил одну руку... «Майкл!»— кричит Честер.

И просыпается.

Фу, какой жуткий сон! Была бы рядом Линда, она бы сказала: «Не к добру это, Фреди, с Майклом что-то случится». Уже случилось... И вдруг — не во сне, а наяву — Честер отчетливо представил себе, что происходит с украденными детьми. Здесь, в курортном городе, есть тайный ночной клуб, в котором за большие деньги миллионерам показывают, как в огромном бассейне, наполненном прозрачной зеленой водой, акулы пожирают ребенка!

Было уже светло. Весь покрытый холодной испариной, Честер быстро оделся и вышел из номера.

В кафе за одним из столиков он тут же увидел Таратуру. Инспектор уже покончил с завтраком и нахально читал «Биржевые ведомости», попыхивая отличной гаванской сигарой. Не имея сил оставаться в одиночестве, Честер подошел к столику, близко стоящему к Таратуре, и сел так, что их спины оказались в метре друг от друга.

— Кофе и джем,— сказал Фред официанту, молодому человеку лет шестнадцати, мгновенно появившемуся рядом,— и пачку сигарет.

— Может быть, сигару? — предложил официант.

Фред отказался. Он мог, конечно, последовать примеру инспектора, тем более что на острове было принято жить в кредит, расплачиваясь по счетам лишь за день до отъезда, а у Гарда, надо полагать, была с собой чековая книжка. Но Честер не имел привычки курить сигары и не хотел изменять себе даже за чужой счет.

Еле дождавшись ухода официанта, Фред сказал, не поворачивая головы:

— Мне приснился ужасный сон!

— С приятным пробуждением! — тихо ответил Таратура, переворачивая страницу «Ведомостей».

— Я, кажется, понял, куда деваются дети!

— Куда?

Словно из-под земли вырос официант и поставил перед Честером серебряный кофейник и блюдечко с джемом. Подождав секунду, не последует ли какой-нибудь новый заказ — заказ не последовал,— он пододвинул Фреду еще одно блюдце с пачкой сигарет и мягко отошел от стола.

— Их скармливают акулам в тайном клубе миллионеров-холостяков! — выдохнул Честер.

Таратура поперхнулся сигарным дымом, но тут же взял себя в руки и тихо сказал сам себе: «Тс-с!» Затем спокойно повернул еще одну страницу «Ведомостей».

— С перцем? — спросил он, не оборачиваясь к Фреду.

— Ты осел! — возмущенным шепотом воскликнул Фред.— Я не шучу ни одной секунды!

Таратура поднял голову и медленно обвел глазами кафе. То же самое сделал Честер, явно почувствовав неуместность своего громкого восклицания. Но нет, оно не вызвало ничьего интереса. Ближе всех к Фреду завтракал в одиночестве седой господин лет пятидесяти, демонстративно отвернувшись от дамы примерно такого же возраста, которая сидела за соседним с ним столиком. Они были похожи друг на друга, как могут быть похожи брат с сестрой или супруги, прожившие вместе

не один десяток лет. В другом конце зала оживленно беседовали два господина, откровенно показывая окружающим свежесть своего знакомства и отсутствие между собой даже намека на родственность. Больше в кафе никого не было, если не считать мальчика лет семи, который, промокнув салфеткой губы и сделав даме незаметный жест рукой — я, мол, пошел, пока! — уже поднимался из-за стола.

— У тебя есть какие-нибудь данные? — слегка умерив веселое настроение, тихо спросил Таратура.

— Нет, я это понял.

Таратура чуть поднял и опустил плечи.

— Тогда при чем тут АЦХ? — произнес он.— Или акулы обожают детей только с таким генетическим кодом?

— Ты полагаешь? — с надеждой в голосе сказал Честер.— Об этом я как-то не подумал.

— Прости меня, Фред, но я иногда думаю, глядя на тебя: ну и характер! Я бы в твоем положении ни улыбаться, ни шутить не мог...

— Считай, что это нервное,— строго сказал Честер.— Где Гард?

— Не знаю,— тихо ответил Таратура, рассматривая сгоревшую треть сигары.— С утра он купался, но креста не нашел. Мы встретились с ним у лифта. Нам с тобой велено к десяти быть на пляже. Займешь место недалеко от меня. Кстати, возьми себе купальный костюм. Это рядом, в салоне.

— А ты?

— Ого! — сказал Таратура.— Еще вчера вечером. А какой у меня «бьюик», Фред! Ты сдохнешь от зависти.

— Напрокат?

— Ну и что? Мы, миллионеры, можем позволить себе...— Таратура вдруг умолк и через паузу тихо сказал: — Фреди, закрываем фонтаны. Опять она!

Действительно, в кафе входила та самая девица, ко-

торая летела вместе с ними в самолете. Еще в воздухе она не очень, правда, явно, но все же проявила интерес к Таратуре, кресло которого стояло наискосок от нее. Несколько раз обернувшись, инспектор ловил пристальные взгляды, в которых не было откровенного заигрывания, что и смутило его. Поговорить о девице «трем холостякам» подробно не удалось, поэтому каждый придумал себе наиболее подходящую версию. Таратура решил, что она определенно из «этой шайки», причем что-то заподозрила и выбрала объектом наблюдения именно его, как самого внушительного и потому, вероятно, главного; не зря девица остановилась в этом же отеле и сняла номер, соседствующий с номером инспектора. Честер, оценив внешние данные попутчицы — она была типичной голливудской красавицей, но, пожалуй, несколько крупноватой для солистки и более подходящей для роли «блондинки из кордебалета»,— подумал: «Везет же дуракам!» — имея в виду Таратуру и полагая, что красавица просто ищет курортные приключения, начав уже в воздухе. Что касается Гарда, то при всех случаях он посоветовал бы Таратуре соблюдать осторожность, о чем и предупредил его, встретив у лифта.

Ей было лет двадцать. Белые узкие брюки с золотыми «молниями», расклешенные внизу, белая блузка с громадным декольте, прямые светлые волосы и теннисная ракетка в чехле из шагреневой кожи — все это, естественно, не могло не привлечь внимания мужчин, находящихся в кафе. Двое, оживленно беседовавшие в другом конце зала, мгновенно умолкли, завороженные спортивным видом и здоровой красотой девушки. Седой господин тоже прервал завтрак. Блондинка на секунду задержалась в дверях, но очень быстро нашла Таратуру. Ее ресницы, покрашенные в голубой цвет, дрогнули. Решительно пройдя к столику, стоящему близко к тому, за которым сидел инспектор, она как бы случайно задела ракеткой «Биржевые ведомости».

— Ах, извините,— сказала красавица.

— Ничего,— буркнул Таратура и тут же удалился, даже не посмотрев на девицу.

В глазах у нее на мгновение вспыхнула ярость, но Фред не понял, то ли она была вызвана уязвленным женским самолюбием, то ли явилась реакцией малоопытного сыщика на неудачу.

Гард полусидел-полулежал в шезлонге, раскинув руки и подставив себя солнцу. Босой ногой он нежно гладил песок, и это было единственное движение, которое позволил себе комиссар. В остальном он казался гипсовым изваянием, выставленным на пляж для просушки. Вот уже двадцать минут Гард не шевелился, резко контрастируя со всеми, кто был вокруг него. Глаза комиссара были прикрыты дымчатыми очками-зеркалками, и Честер подумал, что даже они сомкнуты.

Прямо у ног Гарда с вызывающей откровенностью лежали два полотенца метками кверху, положенные крест-накрест. «Ну что ж,— решил про себя Честер,— если Дэвид пробует этот примитивный вариант, значит, и в нем есть смысл. Чем черт не шутит!»

Шагах в двадцати от Фреда — и, стало быть, в тридцати от комиссара — расположился Таратура. Он взял в салоне аппарат для загорания, который принесли на пляж два дюжих парня: длинное ложе, собранное из тонких алюминиевых трубок и снабженное системой рычажков, подставок и подвесок. Инспектор не просто лежал, а, можно сказать, возлежал между небом и землей, вставив руки и ноги в специальные отверстия, и через определенные промежутки времени, которые зависели от нажатия на крохотный рычажок, аппарат сам переворачивал его со спины на бок, с бока на живот, а потом в обратном порядке. Со стороны казалось, что мощное тело инспектора, как баранья туша, медленно крутится на вертеле, поджариваясь на горячем солнце.

Таким образом, как понял Фред, Таратура обеспечил себе отличный круговой обзор, не вызывая ничьего подозрения.

Вокруг сидели, лежали, стояли и ходили полуодетые люди, демонстрируя друг другу разнообразие фигур и пляжных костюмов всевозможных расцветок. Некоторые, надев легкие акваланги и вооружившись подводными ружьями, уходили подальше в море, хотя всем было известно, что стальная решетка сделала его почти дистиллированным. Впрочем, кое-какая рыбешка все же имелась — ее, говорят, ночами завозили в цистернах и выпускали в прибрежные воды.

Честер лег прямо на песок, отодвинув в сторону надувную подстилку, и закрыл глаза. Увы, ни море, ни солнце, ни воздух, ни веселое разноголосье пляжа его не радовали, а скорее раздражали. Он чувствовал себя солдатом, странным образом оказавшимся не на поле боя, а на поле отдыха, и ему казалось, что все замечают это, как будто он одет не в тонкие шерстяные плавки, а носит на себе тяжелое воинское обмундирование: за спиной рюкзак, на ногах ботинки, портупея сжимает грудь, а в руках — автомат.

Странная тень легла на лицо Честера, и он открыл глаза. Над ним стоял человек в широкополой шляпе, в шортах и в красном шелковом шарфике, небрежно повязанном вокруг шеи. Через плечо на длинном ремне он держал мольберт, в руках — коробочку (вероятно, с кистями и краской), а на лице его была написана нерешительность, словно он выбирал, но не мог выбрать место, где бы пристроиться. Оглядев пространство между Фредом и Таратурой, он, будто прицелившись, посмотрел на море, потом на отель — каков, мол, вид? — и, цокнув языком, пошел дальше. Точно так же он остановился в трех шагах от Гарда — комиссар не сделал ни одного движения — и вновь прицелился. Нет, не годится! Широкополая шляпа медленно удалилась, и скоро Фред потерял ее из вида. Таратура тоже коснулся рычажка,

переворачивая себя в сторону, противоположную той, в которую ушел художник.

Какая-то пара, выйдя из моря, прошла в непосредственной близи от Гарда, и молодой человек будто бы невзначай наступил на полотенце с меткой. Фред тут же поднял голову, и Таратура застыл на левом боку, почти не дыша. Но молодой человек нагнулся, поправил полотенце и что-то сказал Гарду. Комиссар кивнул головой. «Наверное, извинился,— подумал Честер.— О боже, как велики глаза у подозрительности!»

Шло время. Появлялись еще какие-то люди, проходили мимо Гарда и даже обращались к нему с вопросами, неизменно вызывая напряжение мысли и нервов у Честера и Таратуры — вероятно, у комиссара тоже,— но затем исчезали, подтверждая действительную случайность своего появления.

Гард трижды выкупался и трижды обсох, прежде чем на пляже вновь появился человек с мольбертом. На этот раз он был не один, а в сопровождении высокого худого господина, чем-то напоминающего главного героя из последнего нашумевшего романа Вайс-Вайса «Пришелец в никуда».

Это были они, но, как часто бывает в таких случаях, то, что ждешь с особенным нетерпением и настороженностью, является незаметно и буднично.

Гард уже одевался, когда Таратура повернул себя в его сторону, а Честер обратил внимание на вторичный приход человека с мольбертом. Что произошло в отрезок времени между их обращением к комиссару и его одеванием, ни Фред, ни инспектор не заметили. Аккуратно свернув полотенца и уложив их в пляжную сумку, Гард медленно пошел за человеком с мольбертом, даже не посмотрев в сторону своих помощников. Следом за Гардом шел «пришелец в никуда».

Пока Честер, танцуя на одной ноге, натягивал брюки, Таратура снял себя с вертела и исчез, будто его ни-

когда здесь и не было. Бейсболку Фред набросил уже на ходу.

Набережная пустовала. Изредка проносились машины, чуть-чуть притормаживая у поворота, ведущего на трассу в глубь острова. Со стоянки, находящейся метрах в пятидесяти от пляжа, медленно сдвинулась с места и пошла в сторону Фреда белая «пантера». Когда она, уже набрав скорость, проехала мимо, Честер заметил на первом сиденье, рядом с шофером, Гарда. За рулем был «художник», а за спиной комиссара — тот, который пришел из романа Вайс-Вайса.

«Что делать? — лихорадочно подумал Честер, озираясь по сторонам.— Что делать?! Почему мы так плохо договорились? Какой же я болван, что пропустил самое главное! Где Таратура? Он-то куда пропал?!»

Но в этот момент из подземного гаража отеля буквально вырвалась на мостовую машина. Это был американский «бьюик», и за рулем сидел голый инспектор. Фред еле успел прижаться к стене дома: «бьюик», стрельнув непрогретым мотором, ушел за поворот.

Глава 10

ДОРОГА В ЛОГОВО

Когда Гард заметил возвращение на пляж человека с мольбертом, он, внутренне сжавшись, замер в ожидании, и желая и не желая наступления развязки. Да, судя по тому, как человек с мольбертом кругами приближался к Гарду, это был он, да еще не один, а в сопровождении высокого и худого типа. Аналогия с «пришельцем в никуда» почему-то не возникла у Гарда, и он просто окрестил второго Худым в отличие от Мольберта, как он мысленно назвал первого. Вероятно, Мольберт сначала произвел разведку, зато теперь они будут действовать. Или что-то показалось ему подозрительным

и он пригласил начальника? Чего гадать? Ждать осталось совсем немного. «Главное то,— подумал Гард,— что они явились наконец по мою душу». Оглядываться на Честера с Таратурой уже не имело смысла: в любом случае нельзя было выдавать их присутствия и хоть какого-то отношения к комиссару.

Двое остановились в нескольких шагах от Гарда и о чем-то тихо переговорили между собой. Сейчас, вероятно, они скажут пароль, Гард ничего вразумительного не ответит, возникнет недоразумение, и чем оно может кончиться, неизвестно. Так решил про себя Гард, вовсе не готовый к разговору, который произошел в действительности.

— Это ваши? — просто спросил Худой, вплотную подойдя к Гарду и показывая на полотенца.

— Да,— коротко ответил Гард, продолжая сидеть в плетеном шезлонге.

— Вы один?

— Один.

— Одевайтесь.

И все? Гард не ждал такой лаконичности.

Голос у Худого был противно-скрипучий, как будто, прежде чем выйти наружу, он пролезал через слишком узкое отверстие в горле, задевая кости. Комиссар не спеша оделся, свернул полотенца и положил их в сумку. Мольберт и Худой спокойно ждали, не проявляя ни нетерпения, ни удовольствия от медлительности Гарда.

— Вы готовы? — спросил Худой.

Гард пожал плечами.

— Тогда идите за ним.

И комиссар пошел следом за Мольбертом. Никакой властности, ни даже тени приказа не было в репликах Худого. Он говорил тихо и просто, спокойно и вежливо, но по-военному коротко. А голос его действительно был противным.

Когда они вышли на набережную и подошли к стоянке автомашин, Худой тронул Гарда за плечо.

— Груза, конечно, с вами нет?

— Нет,— просто ответил Гард.

— Ну и отлично. Садитесь.

Потом мелькнуло растерянное лицо Фреда Честера — слава богу, он не выкинул никакой глупости! — и машина свернула на трассу, ведущую в глубь острова.

Игра началась, но кто в этой игре был кошкой, а кто выполнял роль мышонка, оставалось пока неясным. По крайней мере для Гарда. Уж слишком свободно они действовали, слишком уверенно и открыто! И хотя Гард достиг своего и вышел на след очередного звена, он не то чтобы трусил — он побывал и не в таких переделках,— а здорово нервничал, с трудом сохраняя внешний покой.

Дорога не пустовала, но и не была перегруженной. Навстречу то и дело попадались машины, а один лихой «норд-вест» — на острове, кстати, их было много — даже обогнал «пантеру», которая шла ровно, без напряжения. Курортники, как видно, любили забираться в северную часть острова, чтобы пощекотать себе нервы экзотикой мрачных акульих берегов, а затем с еще большим удовольствием вкушать прелести цивилизованного юга.

Все в машине молчали, молчал и Гард. В его положении было бы глупо задавать вопросы, между тем и ответов от него тоже не ждали. Но по всему чувствовалось, что инициатива все же находится в ИХ руках.

На одном из поворотов Гард бросил взгляд на боковое зеркало и увидел мелькнувший сзади «бьюик». Ну и прекрасно! Таратура принес комиссару некоторое душевное равновесие.

Наконец минут через пятнадцать, когда дорога стала чаще петлять среди холмов, сидящий за рулем Мольберт нажал кнопку на приборной доске. Тотчас откинулась потайная крышка, открыв панель радиопередатчика, и Мольберт повернул одну из ручек.

— «Мираж» слушает,— почти мгновенно прозвучал в машине голос.

Худой приподнялся с заднего сиденья, наклонился к микрофону, вмонтированному в приборную доску, и доложил:

— Я «Пантера». Мы на подходе.

— Груза нет? — спросил «Мираж».

— Груза нет,— ответил Худой.

— Ждите.

Прошла минута, в течение которой Гард вновь подумал о том, что они ведут себя как хозяева этого острова, если не боятся передавать сведения открытым текстом.

Затем ожил приемник.

— Следуйте в зону.

Спокойный разговор, никаких восклицаний, ни малейших признаков суеты.

Мольберт молча прибавил скорость. Теперь дорога запетляла над берегом, потом вдруг резко повернула в сторону, забралась на плоский холм, но вскоре, как будто заблудившись и найдя саму себя, вернулась и ровно побежала вдоль прибрежных дюн. «Бьюик» Таратуры пропал где-то сзади, и Гард стал опасаться, как бы инспектор не потерял белую «пантеру».

Впереди показались какие-то строения, обнесенные высоким темно-зеленым забором. Машина свернула с шоссе, проехала мимо забора, затем миновала странный участок, выложенный квадратными бетонными плитами, и резко замедлила скорость на площадке, составляющей примерно сто квадратных метров, вокруг которой были скалы, и казалось, дальше пути нет,— тупик. Но в правом углу квадрата неожиданно открылась узкая лента шоссе, достаточная для того, чтобы проехала одна машина в ту или в эту сторону, а метров через пятьдесят «пантера» вошла в тоннель. Он не был освещен, ехали как будто на ощупь, и Гард понял, что посторонний водитель здесь шею сломает, и только тот, кто наизусть вызубрил все повороты и зигзаги, сможет беспрепятственно проехать. Наружу машина выскочила так же

неожиданно, как и нырнула под землю: сразу, в одно мгновение появился выход — ровный овал, наполненный чистым голубым небом. Еще сто метров по бетонным плитам, и «пантера» остановилась перед массивными воротами, обшитыми стальными листами.

Никто не вышел к ним навстречу, не задал никаких вопросов и не потребовал пропуска. Створки ворот бесшумно разошлись, и машина въехала на территорию того, что они, вероятно, и называли «зоной». Затем ворота так же бесшумно закрылись, отрезав обычный мир от Гарда, вернее, Гарда отрезав от него.

Ощущение какой-то ирреальности происходящего не покидало комиссара полиции. Оно возникло еще утром на пляже, когда он выложил дурацкие полотенца не менее дурацким крестом и стал ждать неизвестно чего. Во всем этом было что-то от фарса, от придуманной игры, от той дешевой детективности, которую Гард не терпел, потому что никогда не встречался с ней в жизни. Если учесть при этом, что полотенца, крест, человек с мольбертом, Худой, и этот мрачный тоннель, и створки стальных ворот, и «зона» — все это имело отношение к совершенно непонятному исчезновению детей с генетическим кодом АЦХ,— если учесть все это, можно понять Гарда, который нравственно и духовно был готов сейчас к продолжению таинственностей, а не к тому, что чей-то громкий голос добродушно провозгласит: «Стоп! Продолжение съемки завтра. Всего хорошего, господа!»

В действительности ни юпитеров, ни декораций вокруг не было. Была таинственная вилла, исполненная в старинном стиле — со стрельчатыми окнами и множеством резных башенок,— а из дверей виллы вышел к «пантере» пожилой господин в форменной одежде, напоминающей то ли одежду швейцара из Национального банка, то ли охранника из оперы «Казнь жизнью», недавно поставленной труппой Марчелло Пиронелли.

— Добрый день,— сказал охранник-швейцар спокойным голосом.— Прошу.

Мольберт остался в машине, а Гард в сопровождении Худого и старика поднялся по трем ступенькам. Они прошли с десяток метров темным коридором и очутились в просторной комнате без окон, но ярко освещенной лампами дневного света. Худой молчал, засунув руки в карманы брюк, а старик близко подошел к Гарду.

— Простите,— сказал он почти равнодушно,— оружие.

И протянул раскрытую ладонь.

Пистолет был спрятан у комиссара во внутреннем потайном кармане пиджака и находился точно под мышкой. Раздумывать о том, отдавать его или нет, было бы ошибкой. Гард по себе знал, что малейшая задержка в этом деле всегда производит невыгодное впечатление. Или — или — или, но без раздумий! Конечно, с пистолетом он бы чувствовал себя уверенней, но это была логика полицейского детектива, а не разведчика, в роли которого Гард теперь оказался. Отдать? Какие могут быть сомнения! Они и сами вооружены, чего бы тогда Худому держать в карманах руки, и пистолет у Гарда воспримут как должное, тем более что прежде он принадлежал Бобу Лангеру.

Все эти мысли шли параллельно с тем, что делал комиссар. Автоматическим движением руки он вытащил блестящую игрушку, подбросил ее на ладони и протянул старику рукояткой вперед. Старик, даже не глядя на пистолет, сунул его в отворот мундира, а Худой тут же освободил карманы от собственных рук.

Дверь, обитая черной кожей, отворилась.

В небольшом помещении, напоминающем контору обычного коммерческого предприятия, за письменным столом, отгороженным от вошедших стойкой, сидел чиновник. Иначе его трудно было назвать, глядя на грязно-серый будничный костюм, обильно посыпанный у воротника перхотью, и кожаные подлокотники на рукавах. Лет ему было не более пятидесяти, выражение лица скучающее, пальцы в чернилах. Всей пятерней он поче-

сал редкие седые волосы на шишковатом черепе и посмотрел на Гарда равнодушным взором.

— Присаживайтесь,— сказал он, выдержав паузу.

От всего увиденного на Гарда повеяло такой заурядной обыденностью, что настроение комиссара резко изменилось. На какое-то мгновение ему показалось даже, что нет никаких гангстеров и рэкетиров, что перед ним вполне миролюбивые люди и что они, извинившись — стоит только чуть-чуть прикрикнуть на них,— приведут живого и невредимого Майкла, объяснив его появление на острове тем, что ребенок заблудился, а это тихое учреждение из благотворительных побуждений подбирает заблудших.

Гард досадливо поморщился и тихо выругал себя: шалили нервы.

За его спиной астматически дышал старик. Чуть сбоку стоял Худой. Слева и справа подпирали стены странные субъекты в форме, конечно же, не швейцаров, а самых настоящих охранников! Их оттопыренные карманы сняли последнюю иллюзию безмятежности.

Чиновник достал между тем из стола толстую папку и принялся неторопливо листать подшитые в ней документы, деловито слюнявя палец. Найдя что-то важное, он поднял глаза на Гарда и повторил:

— Садитесь, садитесь. Стесняться нечего.

Гард опустился в глубокое кресло.

— Итак, вы кто?— спросил чиновник. — Ваше имя?

Гард задумался, поджав губы, и одними глазами, не двигая головой, оглядел присутствующих, словно оценивая, стоят ли они того, чтобы он назвал им свое имя. Вопрос был прямой, отвечать тоже следовало прямо, но что? Может, совсем не отвечать? Но какое найти для этого оправдание? Или называться Бобом Лангером? А вдруг они знают его или имеют его фотокарточку? Глупо.

— Я хорошо помню инструкцию,— сказал Гард.— Подобный вопрос мне может задать только шеф.

На лице чиновника отразилось сомнение: мол, черт

его знает, может, и есть такая инструкция. Во всяком случае, он сделал вид, что ответ Гарда его удовлетворил.

— Допустим,— сказал чиновник.— А где груз?

— Наоборот,— сказал Гард,— я прибыл за грузом.— Вышла ошибка...

— У нас ошибок не бывает,— перебил чиновник, и все вокруг заулыбались.— Можете прочитать.

И он, аккуратно разгладив ладонью бумагу, вынутую из папки, протянул ее Гарду. «Вылетаю слонихой, двадцать седьмого. Стив». И снова Гард удивился тому, что сообщение было передано с примитивной шифровкой да еще по цивильному адресу: «Дине Динст, отель «Холостяк из принципа», остров Холостяков».

— Ну-с,— улыбнулся чиновник.— Где же «слониха»?

— Не знаю,— сказал Гард с тупостью, делающей честь рядовому полицейскому, но не комиссару полиции.— Меня это не касается. Я выполняю поручение.

— Какое?

Он не спросил «чье», вероятно, помятуя о том, что Гард все равно не будет называть фамилии.

— На этой неделе сюда был доставлен «слон»,— сказал комиссар, решив пользоваться их же терминологией.— Его нужно срочно вернуть.

— Мальчика? — удивился чиновник.

— Да,— сказал Гард.

— Майкла Честера?!

Они ничего не скрывали! Подобная откровенность могла быть свойственна лишь тем людям, которые не делают ничего предосудительного или уверены в абсолютном сохранении тайны. А такая уверенность возможна в двух случаях: либо они доверяют Гарду, либо решили не выпускать его из зоны никогда. Если так, значит, они располагают о нем большими сведениями, чем он может себе представить? Кошка — это они, мышь — это Гард. И сейчас их задача — установить каналы, по которым посторонний человек проник в зону. Они хотят разгадать истинную цель Гарда, чтобы обе-

зопасить себя на будущее? Где же была совершена та роковая ошибка, которая раскрыла им карты комиссара полиции? Впрочем, гадать не имело смысла: Гард действовал вслепую, ошибок могло быть много.

Но вдруг они ему доверяют? Рассчитывать на это трудно, шансов почти никаких, но надо держаться до последнего.

— Имя ребенка мне неизвестно,— сказал Гард.

Чиновник всей пятерней почесал череп. Потом зевнул, постучав ладошкой по открытому рту.

— Та-а-ак,— сказал он.— Почему нас никто об этом не информировал?

— Откуда я знаю? Начальству виднее.

— Это верно,— согласился чиновник.

Наступила продолжительная пауза. Разговор явно засыхал на корню, и это обстоятельство начинало раздражать комиссара. Уж лучше бы они спрашивали его с бо́льшим пристрастием, это помогло бы Гарду что-то понять, о чем-то догадаться, определить их истинное отношение к себе и выработать собственную тактику.

— Послушайте,— решительно сказал комиссар,— если вы не берете на себя смелость решить это дело...

— Чего вы кипятитесь? — перебил чиновник.— При чем тут смелость? Сначала подтвердите свои полномочия, а уж потом упрекайте в несмелости.

Что ж, резон в этих словах был.

— Разве недостаточно того, что я здесь? — сказал Гард, неожиданно вызвав дружный смех.

Смеялись все окружающие. Чиновник тоже. Потом он сказал:

— Это не вы нас нашли, а мы вас. Ну ладно, продолжим. Итак, кто вы? Ваше имя?

Гард встал, и в то же мгновение несколько рук судорожно дернулись из карманов. Небрежным жестом отмахнувшись от пистолетов, комиссар спокойно сказал чиновнику:

— Мне это порядком надоело, не знаю, как вас...

— Бент,— подсказал чиновник.— Эммануил Бент.

— Проводите меня к шефу, я расскажу ему все.

— К шефу? — удивился Эммануил Бент и странно посмотрел на Гарда.

А ведь этот Бент и в самом деле был чем-то похож на старика Чарльза Бента из игротеки «Крути, малыш!». Братья? Отец и сын? Очень интересно!

— За три года работы в этом почтенном учреждении,— сказал между тем чиновник,— я ни разу не видел шефа. А вы хотите к нему. Уж лучше сразу проситься на тот свет.

И вновь окружающие расхохотались.

— В таком случае,— садясь в кресло, сказал Гард,— вы не услышите от меня больше ни слова.

— И не надо,— миролюбиво согласился чиновник.— Вы и так не со мной разговаривали.

И он пальцем, измазанным чернилами, ткнул в микрофон, торчащий из письменного прибора в виде подставки для авторучки. Гард вынул сигарету и закурил. Да, кстати: они ни разу его не обыскали! Впрочем, Гард тоже не обыскивал тех, в ком был уверен, что ничего лишнего у них все равно не обнаружишь. Своеобразный шик особо квалифицированных специалистов!

Итак, что будет дальше?

А пусть они сами думают! Относительная безопасность Гарду так или иначе обеспечена: пока они не выяснят его истинные цели и способ проникновения в зону, никто не посмеет пальцем тронуть комиссара. Пожалуй, на данном этапе это единственный его козырь. Воспользоваться им? Или, по крайней мере, проверить его наличие? Вот взять сейчас и решительно направиться к двери. Стрелять не будут — это точно. Будут бить? Нет, не похоже. Эти двое, что подпирают стенку, такие громилы, что могут одним ударом свалить быка. Они не бьют. Они убивают! Чиновник будет вынужден их остановить. Старик не в счет, а Худой слишком худ. Попробуем!

Гард встал, повернулся лицом к двери и спиной к чиновнику, решительным жестом отодвинул старика, отшвырнул Худого, но тут же почувствовал на плече тяжелую руку охранника.

— Не трогайте,— спокойно произнес Гард, даже не поворачивая головы.— Это опасно. Я выполняю задание, мне некогда точить с вами лясы. Или немедленно ведите к шефу, или я сам пойду! Ну?

— Внимание! — раздался вдруг чей-то голос, грудной и мягкий, принадлежащий то ли мужчине-тенору, то ли женщине-контральто.— Прошу всех сесть! — Голос шел из репродуктора, установленного под потолком в углу комнаты, и все, не исключая Гарда, тут же ему повиновались.— Я попрошу вас, Бент, приготовить господина и доставить его ко мне по форме «четыре-А».

— Вас понял,— сказал Эммануил Бент.

Он нажал на крохотном пульте какую-то кнопку. Через минуту в стене отворилась потайная дверь, и в комнату вошел человек в белом халате. В руке он держал шприц, наполненный какой-то жидкостью. Не задавая вопросов, он точно определил Гарда и подошел к нему.

— Руку,— коротко сказал он комиссару.

Гард без колебаний засучил рукав.

Последнее, что он запомнил, была короткая боль от укола.

Глава 11

ТОРЕАДОР, СМЕЛЕЕ В БОЙ!

Таратура вернулся к двум часам дня. Честер отсутствовал. Ключ от его номера, как заметил инспектор, благополучно висел внизу у портье.

Чертыхнувшись, Таратура отправился в тир, чтобы как-то убить время, и за полтора часа в полном одиночестве забрал почти все призы, вызвав у владельца

восторг, граничащий с инфарктом. Последнюю серию он бил из лучевого ружья, двумя первыми выстрелами подняв на дыбы медведя, а следующими сорока восемью не только не выпустив его из круга, называемого «заколдованным», но и не дав опуститься на передние лапы.

— Вообще-то профессионалы у нас не играют,— сказал тучный владелец тира, смахивая со лба пот.— Это равносильно тому, как если бы я был обжорой и спорил с вами, что могу съесть двадцать бифштексов.

— Действительно двадцать? — спросил Таратура.

— Но не в такую жару,— скромно ответил хозяин.

Призы Таратура, однако, взял: ящик отличного вина, специально доставленного из Вероны, и пистолет, отличающийся от настоящего тем, что он стрелял пластмассовыми шариками.

Инспектор был чертовски зол.

Собственно, дело он сделал: прошел пешком весь тоннель и добрался до массивных ворот, обитых стальными листами. А что делать дальше — не знал! Стучать кулаками в ворота и требовать, чтобы их открыли? Зачем? Или явиться туда во главе полицейского отряда? А может, терпеливо ждать возвращения Гарда? Или идти к нему на помощь каким-нибудь иным, тайным, способом? Но нужна ли Гарду эта помощь? И когда? Действовать ли вместе с Честером или держать Фреда в резерве?

У Таратуры не было программы, и это его злило.

Как ни крути, а комиссар, вероятно, все же дал промашку, если так плохо договорились между собой «три холостяка». А тут, как на грех, пропал Честер, и посоветоваться было не с кем. Разумеется, Таратуре и в голову не приходило, что Фреду Честеру тоже не может прийти в голову, если бы он взялся искать Таратуру, что инспектор после т а к о й поездки может полтора часа проторчать в тире.

Отпустив дюжего парня, притащившего ящик вина,

Таратура наскоро принял душ и вышел из номера. Приближалось обеденное время. На секунду задержавшись у соседней двери, за которой жила высокая блондинка,— там не было, кстати, никаких признаков жизни,— инспектор подумал, что, пожалуй, стоит сменить тактику. Если девица оттуда, ее следует взять на мушку как последнюю возможность прицелиться во врагов Гарда. «Это даже хорошо,— подумал Таратура,— что она из шайки!»

А если нет?

В ресторане, стены которого были сделаны из двойного стекла и наполнены плавающими в морской воде рыбами, инспектор сел так, чтобы видеть всех входящих и выходящих, дабы не пропустить Честера и, возможно, блондинку. Постепенно «аквариум» наполнялся, забе́гали официанты, заиграла какая-то музыка, и разговор, восклицания, звон бокалов слились в общий нестройный гул, столь характерный для подобных заведений.

Есть не хотелось. Инспектор ограничился двойным стерфордом, холодным клубничным пуншем, порцией черной икры и какой-то мясной ерундой, залитой красным вином. Когда появился Фред, все столики были заняты. Честер, недолго думая, подошел к Таратуре.

— Не возражаете? — сказал он, берясь за спинку стула.

Инспектор кивнул головой в знак согласия: «знакомство» с Честером было необходимо и между тем в данной ситуации выглядело вполне естественным.

— Где ты был? — первым спросил Честер, изобразив на лице равнодушно-вежливую улыбку, более соответствующую словам, звучащим примерно так: «Журналист Честер, позвольте представиться».

— Миллионер Таратура,— судя по виду, ответил инспектор, который на самом деле сказал: — Я был в тире.

«Знакомство» состоялось. Можно было говорить несколько свободней.

— Куда увезли Гарда? — спросил Честер, ничем не выражая своего нетерпения.

— В северную часть острова,— вежливо ответил Таратура.— Там у них что-то вроде резиденции.

— Тебя видели?

— Не думаю. Но что нам делать дальше?

— Что? — искусственно улыбнувшись, сказал Фред.— Великие детективы! Вы бы еще сами надели на себя наручники и заткнули себе рты кляпами!

— Не ори,— нежно улыбнувшись, сказал Таратура, делая вид, что слова собеседника его искренне умилили.— Орать вы все горазды. Что ты предлагаешь?

— Я? — спросил Честер.— Немедленно...

— Очаровательная девушка, не правда ли? — вдруг перебил Таратура, сливая на этот раз в нечто целое и свой вид, и то, что он произнес вслух.

Честер оглянулся. В «аквариум» вошла «блондинка из кордебалета» и, несколько помешкав, присела за столик к мужчине с рыжими бакенбардами. Честер удивился про себя столь неожиданному повороту в разговоре, тем более что Таратура был известным женоненавистником, воистину стопроцентным холостяком.

— Н-да, ничего,— согласился Фред, окинув блондинку равнодушным взором.

— Итак, что ты предлагаешь?

— Немедленно действовать! — произнес Фред.

— Понятие растяжимое,— сказал Таратура.— Что значит «действовать»?

— Если по крайней мере стрелять, то не в тире!

— Что ты имеешь в виду?

— Поднять на ноги местную полицию.

— Нельзя,— твердо сказал Таратура.— Сохранение нашего инкогнито есть гарантия безопасности Гарда. Ты это понимаешь?

— А ты понимаешь,— возразил Честер,— что у них теперь не только Майкл, но и Дэвид?

— Пока мы бессильны.

— Но Гард не сумеет договориться с ними по-хорошему!

— Ты плохо знаешь шефа.

— Я?! Ну, дорогой инспектор...

— Зови меня лучше сеньором.

— Ладно, что предлагаешь ты?

— По крайней мере подождать до утра.

— А утром?

Подошел официант, и Таратура, подмигнув Честеру, кивнул головой в сторону, где сидела блондинка. Честер опять оглянулся. Рыжие бакенбарды безостановочно двигались, блондинка смеялась, она определенно не скучала.

— Сеньор,— мрачно заметил Честер, — вы, кажется, опоздали, или вам придется наращивать бакенбарды.

Когда официант, иронически усмехнувшись, отошел, Фред вопросительно посмотрел на Таратуру:

— Ну, что будет утром?

— Она,— сказал Таратура.

Честер не понял.

— Она,— повторил инспектор.— Она приведет нас к Гарду.

— Ты в своем уме? — серьезно спросил Честер.— Что ты мелешь? Эта блондинка имеет к ним такое же отношение, как я к морским свинкам! Обыкновенная...

— Не торопись. Я в этом далеко не уверен.

Собственно, доводы давно уже были исчерпаны с двух сторон, а голые эмоции являются источником для бесконечного спора.

Когда они, вежливо раскланявшись, покидали ресторан, уговорившись встретиться утром на пляже, блондинки не было. Сопровождаемая рыжими бакенбардами, она удалилась минутой раньше, бросив на Таратуру призывный взгляд из-под прекрасных голубых ресниц.

Весь вечер Таратура не отпускал блондинку далеко от себя, став ее тенью. Со стороны могло показаться, что молодой и красивый джентльмен, атлетически сложенный и, вероятно, богатый, без памяти влюблен в красавицу, но обладает редкой в наше время скромностью и стеснительностью, а потому вздыхает на расстоянии, не в силах сделать ни одного решительного шага ни к ней, ни от нее.

Инспектор учитывал при этом, что, если блондинка действительно имела тайное задание, связанное с ним, она могла считать, что цель почти достигнута или по крайней мере ее достижение облегчено, поскольку не сыщику приходилось выслеживать своего подопечного, а подопечный, «клюнув на удочку», сам ходил за сыщиком по пятам.

Сначала они посетили «корриду», где каждый желающий, заплатив десяток леммов, имел возможность помериться силами с кровожадным быком, обладающим злобным характером, весьма угрожающим видом и натуральной величиной, хотя сделанным из резины. Вооружившись шпагой, хозяин рыжих бакенбардов тоже вышел на арену и под музыку, сопровождаемый азартным подбадриванием собравшихся и, конечно, блондинки, пытался поразить междуглазье быка, что давало единственную возможность остановить его порыв. Бык был напорист, им управлял на расстоянии сметливый служитель «корриды», и увертываться от него было чрезвычайно трудно. Четырежды рыжие бакенбарды опрокидывались на мягкую, сделанную из гуттаперчи поверхность арены, прежде чем бык взревел трубным голосом, чем-то напоминающим клаксоны президентской машины, и повалился на колени, как бы прося прощения за столь вольное обращение с миллионером. Публика проводила бакенбарды хохотом и овацией, блондинка тоже была в восторге, хотя и оглянулась на Таратуру, сидящего тремя рядами выше, словно желая сказать ему: «Тореадор, смелее в бой!»

Ночное казино «Не в деньгах счастье» встретило их напряженной тишиной, взрываемой периодическими криками и возгласами, в которых гораздо чаще звучало разочарование, чем радость. Блондинка, даже не примериваясь, в первом же зале привычно поставила на цифру 13, очень быстро проиграла, но рыжие бакенбарды, сделав широкий жест, освободили ее от уплаты денег. Расхохотавшись, красавица непринужденно щелкнула своего кавалера по носу, отчего бакенбарды на мгновение стали дыбом, а нос приобрел цвет свеклы, затем она великодушно поцеловала своего спутника в щечку и увлекла его во второй зал, где ставки были в два раза выше.

Таратура, хотя и был азартным человеком, редко играл в рулетку, справедливо полагая, что счастье, конечно, не в деньгах, когда они есть. Но тут, увидев вертушку, по которой бегали звери, он с вызывающим видом поставил сразу двадцать леммов — все, что у него было в наличии,— на слона.

Именно на слона! И впился глазами в блондинку.

Красавица затаила дыхание.

Звери бежали по кругу, и, когда они остановились перед «охотником», выстрелом из мнимого ружья был сражен, увы, не слон, а бегущий следом за ним шакал.

Таратура переглянулся с красавицей.

Нет, огорчения она не испытывала, как, впрочем, не испытывал его и инспектор. Скорее, проиграв, они оба выиграли, поскольку нашли наконец друг друга, что совпадало с целями, которые каждый из них преследовал.

Подозрения инспектора подтверждались — к некоторой его досаде. Он представил, как могла бы сложиться в других условиях его курортная жизнь, если бы красивая блондинка не состояла членом преступной организации.

Было три часа ночи. Обладатель рыжих бакенбардов что-то шепнул своей спутнице, она с явным сожалением

посмотрела в сторону Таратуры и согласно кивнула головой.

К выходу они направились втроем. Таратура шел чуть впереди и, чтобы не вызывать лишних подозрений у хозяина бакенбардов, первым сел в такси и поехал в отель. Отъезжая от казино, он видел, как следом двинулась машина, в которую села блондинка со своим пожилым спутником.

До половины пятого ночи инспектор напрасно прислушивался, стоя у двери своего номера: соседки не было. В эту ночь она в отель так и не вернулась.

С утра Честер был на пляже, на том самом месте, которое оставил сутки назад. Когда Таратура, войдя по пояс в воду, глазами пригласил Честера следовать за собой, Фред нехотя поднялся и полез в море. Ему вообще ничего не хотелось: ни купаться, ни загорать, ни есть, ни спать, ни даже жить на этой подлой земле. Все раздражало Честера, начиная с таинственного вида инспектора и кончая погодой, опять прекрасной и солнечной. Он страдал от невозможности помочь Майклу и Гарду, от незнания того, что с ними происходит, от собственного бессилия. То, что Таратура потерпит фиаско в своих планах относительно блондинки, было ясно Честеру еще вчера. Он не знал, где провел вечер инспектор, но первые утренние часы на пляже показали Фреду, что Таратура явно разочарован: блондинки и след простыл. Не появлялся и человек с мольбертом, не было видно таинственного героя Вайс-Вайса, а время неумолимо приближало тот критический час, когда следовало принять хоть какое-нибудь решение.

Вода была теплая, как подогретое пиво, и Честер, брезгливо поморщившись, поплыл вслед за Таратурой. Метрах в пятидесяти от берега он догнал инспектора, и оба они легли на спины, причем Таратура положил руки под голову, словно под ним была тахта.

— Понимаешь, она куда-то исчезла,— сказал инспектор.

— Меня это не интересует.— Честер безостановочно работал ногами, чтобы удержаться на поверхности.— Что, если повторить фокус с полотенцами?

— Без меток?

— Ну и что? — сказал Честер.— На метки они посмотрят с расстояния в два метра. Мы успеем их взять!

— Зачем?

— Но ведь что-то надо делать! — в полном отчаянии воскликнул Честер.

— Конечно, являться туда открытым образом и без каких-либо знаний о них глупо,— вроде бы соглашаясь, произнес инспектор.— Но полотенца...

— Я больше не могу, Таратура,— сказал Фред.— Неужели ты не понимаешь, что нервы мои на пределе?

— Плывем к берегу.— Инспектор медленно двинулся назад.— Ладно, я попробую дурацкие полотенца... Будь начеку, но раньше времени ничего не делай. В крайнем случае останешься один. Это лучше, чем мы вляпаемся оба.

Через несколько минут Таратура уже сидел перед полотенцами, выложенными крестом, напряженно вглядываясь в каждого, кто проходил или останавливался рядом. Честер, прикуривая сигарету от сигареты, лежал на песке близко от инспектора, в любую минуту готовый вскочить на ноги и голыми руками хватать за горло преступника, не думая при этом, какое впечатление на окружающих произведут его действия и будут ли у него шансы остаться в живых после столь бурной атаки.

Увы, на всем пляже лишь два человека пребывали в состоянии напряженного ожидания, готовые к бою, а не к наслаждению: Честер и Таратура.

Блондинка появилась внезапно, первым ее увидел Фред. Она была в открытом купальнике ярко-голубого цвета с белыми квадратами, в темных круглых очках,

закрывающих не только глаза, но почти все лицо, а в руках она держала большой надувной мяч, с которым, вероятно, собиралась идти в воду. Пройдя с десяток метров в сторону моря, она вдруг остановилась, посмотрела на Таратуру, на два полотенца, откровенно выложенных крестами, затем перевела взгляд на свой мяч и решительно изменила направление. Таратура встал от неожиданности, а Честер замер, и оба они, стремительно оглядевшись, попытались определить, кто подстраховывает блондинку, которая, конечно же, не могла работать без страховки. Но нет, явного ничего не было видно, потому что преступники, вероятно, действовали осторожно.

Остановившись в метре от инспектора, блондинка улыбнулась ему как старому знакомому и, несколько растягивая слова, как это делают капризные дети, сказала:

— Простите меня, пожалуйста, нет ли у вас резинового клея?

И протянула Таратуре мяч, словно бы подтверждая необходимость своего обращения, хотя мяч явно был целым и в клее не нуждался.

Честер слышал все, что сказала блондинка, и теперь напряженно ждал ответа Таратуры, который не имел права ошибиться в этот кульминационный момент. И хотя пароль ему не был известен, он должен был сказать сейчас нечто такое, что задержало бы блондинку, во всяком случае, не спугнуло ее.

А Таратура молчал!

Он смотрел на красавицу расширенными глазами, вероятно, потрясенный ее обращением, обрадованный — и одновременно огорченный! — тем, что она все-таки проявила себя как недруг, хотя весь вчерашний вечер и сегодняшнее утро он только и ждал — и не ждал! — этого момента, надеялся — и не надеялся! — на него, боялся, что он не случится, и не хотел, чтобы он был.

«Говори что-нибудь! — мысленно кричал ему Честер.— Не будь истуканом!» В глазах блондинки тоже мелькнуло то выражение, которое она подарила инспектору во время «корриды» и которое он перевел как «Тореадор, смелее в бой!».

— Есть клей,— произнес наконец Таратура.— У меня есть резиновый клей, но он в машине. Вы не пройдете со мной?

Блондинка долгим взглядом посмотрела в голубые глаза инспектора и поджала губы, выразив этим свое сомнение или по крайней мере нерешительность. И когда Честер уже подумал было, что все лопнуло, что нужно просто хватать преступницу и крутить ей руки, она улыбнулась и кокетливо произнесла:

— Это далеко?

Таратура без слов показал в сторону набережной, где действительно стоял его «бьюик», приготовленный на всякий случай еще с утра.

И они пошли.

Фред следовал за ними на расстоянии десяти шагов. Он видел, что Таратура уже обрел свою обычную уверенность, не суетился и спокойно вел блондинку, придерживая ее под локоть. На набережной было немного людей, но, к сожалению, почти все мужчины оборачивались на красавицу, что осложняло задачу инспектора. Он открыл переднюю дверцу «бьюика», сел в машину, пригласил блондинку последовать его примеру, что-то сказав ей с улыбкой, отчего она весело расхохоталась, и незаметным движением руки приоткрыл заднюю дверцу. Для Фреда? Конечно, для Честера, чего там раздумывать!

В то мгновение, когда Фред стремительно прыгнул в машину, Таратура включил зажигание, и «бьюик» бешено рванулся вперед. Блондинка воскликнула: «Ого!» — но Честер, сжав ей плечи, выдохнул:

— Тихо!

Она молчала. Все двадцать минут, что они ехали по шоссе, она не произнесла ни единого слова и только время от времени посматривала на Честера, как будто хотела понять, зачем он здесь. По всему было видно, что первое замешательство, если оно и имело место, быстро прошло. Легко совладав с нервами, блондинка не без любопытства ждала развязки.

Через двадцать минут Таратура съехал с шоссе на обочину, чтобы не мешать машинам, идущим на север. Выключив зажигание, он протянул блондинке пачку сигарет — она поблагодарила, но отказалась,— закурил сам и произнес:

— Теперь поговорим. Кто вы?

— А вы? — сказала блондинка.

Таратура переглянулся с Честером и пожал плечами:

— Мы... так. Люди. Пока это не имеет значения.

— Надеюсь, джентльмены? — улыбнувшись, спросила блондинка.

— Хм! — Таратура явно смутился.

— В таком случае, представьтесь первыми, тем более что вы избрали столь оригинальный способ знакомства.

Инспектор прищурил глаза, с подозрением взглянув на блондинку.

— Вы продолжаете играть,— сказал он.— Не советую. Ответьте на мой вопрос: кто вы?

— Сюзи.

— Я спрашиваю не имя. Меня интересует...

— Ах, вот что! — перебила блондинка, вроде бы догадавшись.— Да, вы не ошиблись: я дочь миллионера. Но денег с собой никогда не ношу. Очень сожалею, господа.

— Мы не грабители,— мрачно сказал Таратура.— И вы это прекрасно знаете.

— Так что же вам нужно? — искренне удивилась она,

словно исчерпала основные мотивы странного поведения мужчин.

Инспектор строго нахмурил брови:

— Нас интересует, почему вы установили за мной слежку.

— Я? За вами?! — В ее голосе прозвучали нотки искреннего возмущения.— Вы называете это «слежкой»?!

— Потрудитесь ответить! — серьезно сказал Таратура.— И перестаньте играть. Мое терпение не вечно.

— Ну, знаете!..— Блондинка схватила сигарету и с жадностью закурила.— Вы полагаете, я обязана отвечать на вопрос, унижающий мое женское достоинство?

— Да,— твердо сказал Таратура.— Тем более что достоинство тут ни при чем.

— И еще в присутствии этого господина? — Она показала на Честера.— Так будет вам приятней?

— Это мой друг,— сказал Таратура.

— А что, если я откажусь?

«Крепкий орешек»,— подумал Честер.

— Послушайте меня, Сюзи,— произнес Фред, посчитав необходимым вмешаться.— Если вы та, за кого мы вас принимаем, вы наш враг, и тогда извинений не потребуется. Но если мы ошиблись, вы поймете нас в конце концов и простите сами. Итак: с какой целью вы сняли номер в отеле, соседствующий с номером моего друга?

Вероятно, только сейчас блондинка осознала серьезность происходящего или сделала вид, что осознала. Она глубоко, даже с надрывом, вздохнула и повторила вопрос Честера:

— Зачем сняла номер? Извольте: случайно, господа. Хотя вас,— она повернулась к Таратуре,— я заметила еще в самолете. Мне показалось... Вы произвели на меня... Я решила... Но позвольте об этом не говорить. Обстановка не соответствует тому, что я могла бы сказать.

Честер понимающе кивнул головой, а Таратура сделал вид, словно признания блондинки его не волнуют и не касаются.

— Благодарю вас,— сказала Сюзи, имея в виду Честера.— А вот отель... Я всегда останавливаюсь в «Холостяке из принципа», вот уже несколько лет подряд, хотя могла бы жить у отца, но вы знаете, на этом острове лучше находиться подальше от родственников.

— Кто ваш отец? — спросил Таратура.

— Эдмонт Бэйл.

— Владелец «Ум хорошо, а кларк лучше»?

Блондинка улыбнулась:

— Это он сам придумал. Лично я считаю наоборот. Но позвольте спросить, господа, за кого вы меня приняли?

Честер вновь переглянулся с Таратурой.

— Это неважно,— сказал инспектор и, движимый какими-то новыми соображениями, вдруг спросил: — А кто этот странный человек с рыжими бакенбардами, который вчера сопровождал вас с таким постоянством? — Он хотел добавить: «И с которым вы ушли из казино, так и не вернувшись ночью в отель»,— но удержался.

— А почему странный? — сказала блондинка.

— Так,— промямлил Таратура.— Он уродлив и несколько староват.

Блондинка смерила инспектора презрительным взглядом, но на губах у нее блуждала кокетливая улыбка. Она возрождалась прямо на глазах, эта красавица, как птица Феникс!

— Вас это очень интересует?

Таратура пожал плечами: мол, что значит очень?

— Это и есть мой папа.

— Правда? — смутившись, но не скрывая облегчения, сказал Таратура.

— Ну и прекрасно,— заметил Честер.— Я почти верю вам, Сюзи Бэйл, но еще один крохотный вопрос: почему вы попросили клей, если мяч был целым?

Потупя прекрасные глаза в голубых ресницах и не глядя на инспектора, блондинка сказала:

— Я не успела сделать дырочки... Но послушайте,— произнесла она, вновь воодушевляясь,— как я могу вас называть?

— Фред Пупкинс,— сказал Фред.— А моего друга зовут Арно Брамапутра.

— Вот это да! — воскликнула блондинка.— Обожаю приключения, в которых действуют герои с такими фамилиями! Вы из полиции?

— С чего вы взяли? — опешил Таратура.

— Нет, мне просто так хочется,— мечтательно заявила блондинка.— Чтобы на острове стряслось что-то невероятное и чтобы красивый полицейский детектив раскрыл страшное преступление!

В третий раз за последние десять минут переглянулись Честер и Таратура.

— Знаете,— продолжала блондинка,— здесь очень скучно! Когда вы пригласили меня в машину, я сразу почувствовала, что сейчас случится что-то необычное. Особенно после того, как в машину сели вы! — Она показала на Честера.

— Почему же? — спросил Фред.

— Вы были лишним.

Честер расхохотался, но Таратура сохранил невозмутимость.

— Поехали отсюда,— предложила вдруг блондинка.— Недалеко здесь зона, и нас могут случайно подстрелить.

Мужчины встрепенулись и даже затаили дыхание, как это делают охотники, боясь спугнуть зверя.

— Что вы сказали? — почему-то шепотом произнес Таратура.

— Я говорю, нас могут подстрелить,— как ни в чем не бывало повторила Сюзи.

— Кто?! — не удержался от восклицания Честер.

— Неужели вы не знаете? — удивилась блондинка.— Вы, наверное, на острове впервые?

— Я спрашиваю кто?! — заорал Честер, окончательно теряя терпение.— Кто может подстрелить?!

— О боже! — смутилась блондинка.— Что с вами, господин Пупкинс? Вам страшно?

— Послушайте, Сюзи,— все так же шепотом произнес Таратура.— Вы помянули о зоне. Что вам известно о ней, говорите же!

Блондинка странно посмотрела на мужчин.

— Об этом знают все жители острова! — сказала она.— И даже многие курортники! Говорят, что в этой зоне уже два с половиной года то ли шпионов делают из людей, то ли людей делают из шпионов...

Глава 12

КОНТРАТАКА

Очнулся Гард, почувствовав боль в руке.

Перед ним стоял человек в белом халате, держа пустой шприц. И так как последнее, что запомнил комиссар, находясь в «конторе», был тоже человек в белом халате и такая же боль в руке, ему показалось, что между двумя видениями не прошло и секунды,— они как бы слились в нечто целое, не разделенное временем. Однако Гард скоро понял, что это не так: и врач был другой, и комната другая, и не было в ней чиновника Эммануила Бента со своими охранниками, и сам Гард уже не сидел в мягком кресле, а удобно полулежал на диване.

Да, это был, конечно, второй укол, которым его привели в сознание. Сколько же времени он находился в забытьи? Комиссар взглянул на часы, но обнаружил, что они исчезли. Странно. Украсть их не могли, ситуация исключала такую возможность, тем более что бумажник

с леммами и кларками, пачка сигарет и зажигалка были на месте. Значит, часы изъяли, чтобы комиссар не мог вести временной отсчет, который помог бы ему определить, как далеко он находится от «конторы». Кто знает, может, его вообще перевезли на другой конец земли, если между уколами прошли сутки? В таком случае рассчитывать на помощь Честера и Таратуры уже нельзя. Н-да... Впрочем, не стоит отчаиваться: маскировать время и расстояние имеет смысл лишь тогда, когда они незначительны.

Препарат, вероятно, обладал очень сильным действием, но совершенно не отражался на памяти и на способности размышлять. Неприятные ощущения, вызываемые обычным наркозом или снотворным, в данном случае отсутствовали, и Гард чувствовал себя скорее отдохнувшим и посвежевшим, чем усталым. Каждое слово, произнесенное им или услышанное от других до первого укола, тут же всплыло в его незамутненной памяти.

— Морфинил? — сказал Гард, откровенно разглядывая пустой шприц и памятуя о том, что именно этот редкий препарат был обнаружен у Боба Лангера и преступной троицы, возглавляемой — как его? — Юджином Харри.

Человек в халате ничего не ответил. Удостоверившись в том, что комиссар пришел в себя, он молча удалился. Когда за ним бесшумно закрылась дверь, Гард пожал плечами, как бы говоря: ну и бог с тобой, не хочешь разговаривать — не надо. Гард понимал, что за ним могут тайно наблюдать, и потому решил вести себя непринужденно и естественно, как человек, попавший к «своим», а не в плен к противнику.

Затем он огляделся.

Окон не было. Небольшая комната была со вкусом обставлена мебелью, ультрамодные линии которой гармонично сочетались с полузабытой стариной. Пастельные тона обивки, пуфики на диване, декоративный камин в углу, драпировка на стенах и приглушенный зеле-

ный свет, льющийся неизвестно откуда, превращали комнату скорее в дамский будуар, нежели в прибежище гангстеров. Во всяком случае, обстановка здесь разительно отличалась от подчеркнутой деловитости «конторы» и еще раз напомнила Гарду о пропасти, которая пролегла между ним и обычной жизнью.

Рядом с диваном стоял низкий журнальный столик с газетами многих стран, небрежно разложенными чьей-то рукой как бы в подтверждение самых пессимистических предположений Гарда. Он встал, наклонился над столиком и, подумав, «естественно» выбрал «Мир пять минут назад», а не какой-нибудь «Нью-Йорк таймс». Пробежав глазами первую страницу, печатавшую информацию о главных мировых событиях,— на кой они черт рядовому исполнителю гангстерской шайки? — комиссар с гораздо большим интересом углубился в чтение уголовной хроники. Итак, министр внутренних дел Воннел, комиссар Вутс и инспектор Моргинс награждены орденами «Знак Льва и Львицы» за «блестящее», как было написано в газете, и «оперативное» расследование двух запутанных дел, связанных с исчезновением Ут Доббс и Рони Фишер. Прекрасно! Значит, Мердок точно выполнил указание Гарда, и интервью с Джином Моргинсом было, вероятно, напечатано в одном из предыдущих номеров. Что еще? Очередное ограбление Национального банка. Так и написано: «очередное», поскольку грабители раз в месяц, как за зарплатой, приходили в банк. Конечно, они действовали не без помощи банковских работников, но комиссар Вутс, которому было поручено это дело, предпочитал искать воров за границей, свалив на международную полицию вину за неуспех. Что еще? Взгляд Гарда скользнул по черной траурной кайме, окружавшей... Что такое?! Мердок?! Погиб?! «Случайный выстрел при чистке оружия»?! На какое-то мгновение комиссар даже забыл о том, что его замешательство может быть обнаружено, но тут же взял себя в руки. Перевернув еще страницу, он невидящи-

ми глазами уставился на фотографию какой-то красотки, чего-то там рекламирующей, продолжая думать о том, как же так нелепо погиб инспектор Мердок — отличный детектив, способный человек, умный, решительный, верный, на которого можно было положиться как на самого себя. Случайна ли смерть инспектора? Или его убили? Кто и зачем? Ответы на эти вопросы определяли многое в нынешнем положении Гарда. Успел ли Мердок сообщить президенту о его опасной миссии? Впрочем, какие могут быть сомнения: конечно, нет! Контрольный срок истекал в двенадцать часов дня 2 июня — какое же сегодня число, черт возьми?! — а Мердок, судя по сообщению, погиб на следующий день после прощания с Гардом. Значит, никакой подстраховки в Нью больше нет. Одна надежда — на Таратуру и Честера. Не дай бог, если преступники выйдут на их след! Не дай бог, если они сами полезут к ним в лапы! Ситуация...

— Красотками интересуетесь? — раздался вдруг мягкий, грудной голос.

Гард не слышал, как отворилась дверь.

Перед ним стояла женщина.

«Час от часу не легче! — подумал комиссар.— Только этого недоставало!»

Собственно, уютный будуар должен был подготовить Гарда к явлению «таинственной незнакомки», а не «таинственного незнакомца», и такая мысль подсознательно мелькала у него, когда он разглядывал комнату, но как-то не задержалась, проскочила мимо, и потому реальность потрясла его больше, чем можно было предположить.

— Красотками? — не понял сначала Гард, но тут же сообразил, что имела в виду незнакомка. И тогда он бросил на столик газету с изображением полуголой девицы и почти профессионально произнес: — А что? Недурна!

С одной стороны, Гард невольно сыграл себе на руку, произведя на даму недвусмысленное впечатление, но,

с другой стороны, был этим внутренне бесконечно смущен.

Незнакомка плавно пересекла комнату и, присев на мягкое кресло напротив Гарда, улыбнулась. Она была определенно хороша собой. Темно-лиловое платье плотно облегало ее стройную маленькую фигуру. На плечи тяжело падали волнистые каштановые волосы. Никакой косметики на матовом лице, хотя отчетливо были видны морщинки вокруг умных глаз. Высокий, чистый лоб. Удивительная грациозность и естественность движений. Возраст? Гард никогда не умел угадывать женские годы. Он вообще терялся перед женщинами, не умея ни допрашивать их, ни вести с ними светские беседы.

— Давайте знакомиться. Дина Динст. С кем имею честь?

Глубокий, грудной голос приятно контрастировал с миниатюрной фигуркой. Гард приподнялся с дивана, кивнул головой и снова сел.

— Я хотел бы видеть шефа,— сказал он.

Дина Динст очаровательно улыбнулась.

— Я уполномочена представлять шефа,— сказала она. И вероятно, оставив надежду выяснить имя своего собеседника, по крайней мере на этом этапе разговора, без паузы добавила: — Итак, чего вы хотите?

Чего хотел Гард? Немногого. Он хотел выяснить, с каким ведомством имеет дело, кто его шеф, чем оно занимается и какова судьба Майкла Честера и еще ста сорока девяти детей.

Гард сказал:

— Вышла ошибка, мадам. Я уже докладывал вашему помощнику. Могу повторить.

Гард старался быть лаконичным, поскольку актер из него был неважный и убедительно сыграть гангстера он все равно не мог. Главное — не проявлять чрезмерного интеллекта, мало сочетающегося с ролью заурядного порученца.

— Повторите,— предложила Дина Динст.

Комиссар вздохнул: мол, надоело мне это дело!

— Вышла ошибка, мадам,— сказал он по возможности равнодушным голосом.— Мне велено доставить груз обратно — мальчишку то есть.

— Кем велено?

— А тем, кто мне приказывает,— схитрил Гард.— С грузом что-то напутали.

— Что именно?

— Черт его знает! С каким-то кодом.

Дина Динст с любопытством вскинула на Гарда глаза.

— Вам даже известно о коде?

— Я пользуюсь доверием,— сказал комиссар, «скромно» опуская ресницы.

И тут же он пожалел, что так опрометчиво помянул код. Очевидно, это считалось большой тайной, о которой не всем было дано знать. В другой бы ситуации Гард объяснил мадам, что даже самые страшные государственные секреты рано или поздно становятся известны большому кругу посторонних лиц, поскольку секреты сами себя не охраняют, а охраняются живыми людьми и, стало быть, утечка информации возможна. Эти слова могли бы показаться ей убедительными, и то обстоятельство, что сидящий перед нею рядовой порученец что-то знает о коде, не вызвало бы у нее подозрения. Но комиссар промолчал: умное оправдание выдавало его с головой, а глупо оправдываться все равно не имело смысла. Пусть думает, как хочет! — такая «философия» по крайней мере была характерна для Боба Лангера и Юджина Харри, когда Гард безуспешно обрушивал на них доводы, основанные на логике.

— Так,— кратко резюмировала Дина Динст.— А какова судьба девочки, которую должны были доставить вашим рейсом?

— Откуда я знаю? — добродушно ответил Гард.— Доставкой занимаются другие. Я выполняю более сложные поручения.

Его тупости мог позавидовать сам министр Воннел.

— Значит, не знаете.— Дина Динст задумалась.— Имя девочки вам известно?

— Нет.

— А ребенка, которого вы должны забрать?

Гард подумал: «Еще перепутают!»

— Майкл Честер.

— Кто вам назвал это имя?

— Эммануил Бент, вы же слышали,— сказал комиссар.

— Прекрасно.— Дина Динст даже повеселела.— Когда вам следует возвращаться?

— Сегодня же! — твердо сказал Гард.— Если я не выполню поручение, мне голову снимут, мадам, и даже вы не поможете.

Дина Динст вновь с любопытством посмотрела на Гарда. «Каким же я кажусь ей болваном,— подумал комиссар,— если она точно знает, что я не тот!»

— Вернуть ребенка невозможно,— улыбнувшись, сказала Динст.

— Почему? — внутренне холодея, произнес Гард.— Дайте мне мальчишку, три ампулы морфинила — и все дела!

— Мальчик уже в работе!

Не сдержавшись, она звонко рассмеялась.

От этих слов и от сопровождающего их хохота у Гарда мучительно закололо в пояснице. Пересилив себя, он изобразил на лице полное равнодушие.

— Ну что ж, тогда я вернусь на континент, доложу как есть, а вы, мадам, расхлебывайте сами.

— Вам нечего беспокоиться,— сухо заметила Дина Динст.— Мы уже доложили.

Вот оно что! Пока он спал, они, конечно, связались со своими людьми в Нью, получили исчерпывающую информацию, и разговор, который вела сейчас с Гардом эта женщина, имел, вероятно, единственную цель — разведывательную. Она тоже его прощупывала,

как он прощупывал ее, но с несравненно большим эффектом: Гард был слепым, Дина Динст — зрячей.

Фигуры в игре постепенно занимали свои законные места. Скоро должен был наступить момент, когда обе стороны, закончив разведку, перейдут в решительное наступление. Но прежде Гард все же обязан сделать еще одну попытку выкрутиться малой кровью. И он пустил последний пробный шар.

— Да, дело серьезное,— сказал он, словно бы размышляя вслух.— Не знаю, чего вы там доложили, но мне точно известно: если мальчишка не будет доставлен, возможны крупные неприятности.

— Какие же? — с интересом осведомилась Дина Динст.

— Вмешательство официальных органов,— четко произнес Гард, явно нарушая границы избранного амплуа, но теперь это, кажется, уже не имело значения.

— Зачем вам заботиться о том, что не входит в ваши обязанности? — с улыбкой сказала Дина Динст.

— Вы так думаете? Хорошо. Тогда мое дело сделано. Мне что? — вновь прикинулся Гард.— Дали мальчишку — порядок, не дали — уеду без него.

— Нет, дорогой мой,— поправила Дина Динст. Ее глаза вдруг стали стеклянными, остановившимися.— Билет на обратный путь вам не понадобится.

— Интересно! — сказал Гард, хотя понял, что игра кончилась.

Он закурил, даже не спрашивая разрешения у дамы. Более определенно выражать своего отношения к последним словам Дины Динст не имело смысла: ими не все было сказано, и потому час комиссара еще не пробил. Он перейдет в контратаку лишь после того, как станет ясно, какими о нем сведениями располагает Дина Динст. Теперь торопиться некуда. Гард и так совершил слишком много ошибок, проникая в зону, но он не мог их не совершать, поскольку действовал наугад. Отныне любая ошибка становилась смертельной.

— Вы можете не разыгрывать простачка, а говорить со мной серьезно? — сказала вдруг Дина Динст, опуская руку в маленький карман платья.

— Могу,— неожиданно согласился Гард.— Но при одном условии.

— Я слушаю.

— Вы будете стрелять лишь после того, как нам двоим все будет ясно.

Глава 13

ЧЕРНЫЙ ХОД

Таратура не вошел, а вбежал в номер к Честеру, стремительно заперев за собой дверь. Он был возбужден, но Фред знал, что инспектор способен удерживать в себе заряды любых калибров, не выпуская их до тех пор, пока сам не посчитает нужным. Спросить сейчас Таратуру «что случилось?» и рассчитывать на ответ было равносильно тому, чтобы надеяться на получение пива из автомата, в который не собираешься опускать десятилеммовой монеты.

— Опять купался? — сказал Честер, взглянув на мокрую голову Таратуры.— Когда шеф вернется, я расскажу ему, какой роскошный уик-энд устраивал себе его помощник.

— И не забудь добавить,— попросил Таратура,— что я не просто купался, а в обществе очаровательной островитянки.

Это было уж слишком.

— Послушай, Дон-Жуан! — вскипел Честер.— Мне так же хочется шутить, как тебе быть серьезным!

Таратура улыбнулся своей глупой, обезоруживающей улыбкой:

— Во-первых, не Дон-Жуан, а Ромео...

— Каждый Ромео начинал или заканчивал Дон-Жуаном!

— А, во-вторых, что тут плохого? Быть может, Фред, ты и бывал на таких островах, как этот, а я никогда. Неужто мне нельзя лишний раз искупаться в море? Если бы ты знал, Фреди, как часто я мок под дождем, месил грязь и ползал по вонючим чердакам и подвалам! Когда мы устроили большую охоту на Кирилла Шолли, я целый час плыл в канализационной трубе с пистолетом в зубах. Ведь ты не поверишь мне, если я попытаюсь тебя убедить, что я люблю плавать в канализационных трубах?

— Кончай трепаться. Сегодня ты чрезмерно болтлив.

Честер вновь лег на кушетку, на которой валялся с самого утра и которую, судя по всему, не собирался оставлять до вечера.

— Ты беспокоишься о Гарде,— сказал Таратура.— Я тебя понимаю. Но знаешь, что в этот момент больше всего заботит шефа?

— Что?

— Правильнее сказать: кто? Мы с тобой! Он больше всего боится, что нас переловят. Тогда и ему крышка. Три трупа в море и заметка в «Прекрасном одиночестве»: «Незадачливые яхтсмены». Ты не помнишь, Фреди, на какие сутки всплывают покойники? В холодной воде, кажется, на девятые. А в теплой?

— Иди к черту! — сказал Фред.

Таратура присел к нему на кушетку и доверительно, почти шепотом сообщил:

— Она замечательная девчонка, эта Сюзи Бэйл! Нет, ты согласись, у нее очаровательная мордашка! А?

— Иди к черту!

— Плавает отлично,— продолжал задумчиво Таратура.— У нее акваланг. Мы решили вечером плыть вместе. К Гарду.

— Что?! — Честер вскочил с кушетки как ужаленный.— Что ты сказал?!

— Могу повторить.— Улыбка исчезла с лица Тара-

туры. Он, кажется, говорил серьезно, хотя в его глазах еще сверкали искорки смеха.— Я размышлял так. К сожалению, нам неизвестно, легальна или нелегальна организация, расположенная в зоне. Если это действительно «центр» по подготовке разведчиков, то почему до сих пор не вернулся комиссар полиции Дэвид Гард с Майклом в руках и тремя билетами на самолет и не сказал нам с тобой шепотом, чтобы мы на всякий случай забыли, с кем имели дело? Стало быть, нелегальная?

— Ну?

— Что «ну»? Не знаю! Вот об этом и стоит потолковать с Гардом.

— По радио?

— К черту радио. Надо встретиться и поговорить.

— Не строй из себя идиота! За последнее время ты так вжился в этот образ, что вас невозможно разделить!

— Благодарю,— сказал Таратура.— Я давно догадываюсь, что вы, сеньор, прекрасного обо мне мнения. Однако теперь есть возможность проникнуть в зону.

— И потерять свободу? Ты же сам говорил, что мы чуть ли не единственная гарантия безопасности Гарда!

— А почему ты решил, что мы отправимся туда вместе? И кто сказал тебе, что я собираюсь расставаться со свободой? Потому то речь и идет о черном ходе.

— Рискованно.

— За элементы риска мне дополнительно платят сто двадцать кларков в неделю.

— Хорошо. Что ты придумал?

— Тут я, признаться, ничего не придумал. Вернее, я придумал, что надо прямо спросить Сюзи, не знает ли она, как проникнуть в зону.

— Ты объяснил зачем?

— Да. Я сказал, что там затерялся мой приятель, и этого ей было достаточно.

— Ну?

— Она ответила, что не знает. И добавила, называя

меня Арно. «Арно,— сказала она,— я часто плаваю с аквалангом. В четырех милях от пляжа, за мысом, в море выходит какая-то труба...»

— Ну?

— Пожалуйста, не нукай. Я сразу вспомнил канализацию, но Сюзи сказала, что из трубы идет чистая вода. Правда, подогретая. «Не сваримся ли мы в этой трубе?» — спросил я. Она ответила, что вроде бы не должны свариться. Тогда я спросил, точно ли эта труба идет из зоны. Она сказала, что точно не знает, но больше неоткуда. И тогда я стал уговаривать ее показать мне эту трубу.

Таратура умолк. Честер жадно закурил сигарету.

— Уговорил?

— Конечно, она боится. Она сказала, что в прошлом году два курортника случайно забрели в зону, их застрелили без всякого предупреждения, когда они постучались в стальные ворота. Скандал замяли. Официальная версия была такова, будто бы они нарвались на шального бандита.

— Ты все же уговорил?

— Разумеется,— улыбнулся Таратура.— Ей хоть и страшно, но любопытство пересиливает. Кроме того, я намекнул, где служу, она чуть не задохнулась от восторга и сказала: «Никогда не думала, что там работают такие обаятельные...» В общем, сам понимаешь.

— Хвастун ты, инспектор, но молодец! — восхищенно сказал Честер.— Когда же?

— Сегодня в пять часов. Я поручил ей купить акваланги.

— Я с вами.

— Ну уж нет! Ты будешь нашей общей гарантией безопасности.

Честер молча подошел к Таратуре, положил ему руку на плечо и посмотрел прямо в глаза. Конечно, нервы Фреда были на пределе. Наконец Таратура представил

себе, какие глупости он натворит, оставшись один хотя бы на сутки. Уж лучше пусть будет перед глазами.

— Ладно, Фреди,— сказал инспектор.— Еще один акваланг я выиграю сейчас в тире. Плебейская привычка экономить кларки, даже казенные. Выйди в коридор. Никого нет? Я исчезаю. В пять на пляже, у нашего места! Понял?

За ним захлопнулась дверь...

Они плыли кильватерным строем. Сюзи впереди, за ней Таратура, Честер замыкающим. На пляже похохотали, подурачились для отвода глаз, потом, перемигнувшись, по очереди нырнули и ушли в море. За мысом они вынырнули, поставили шнорхели, чтобы не расходовать воздух в баллонах, и поплыли дальше. Честер пристегнул выигранный накануне вечером в тире подводный фонарь. Он колотил по правому боку, мешая плыть. Чтобы не отставать, Честер посматривал иногда вперед и замечал большое, увеличенное маской тело Таратуры, его синие ласты, от мерных колыханий которых вихрилась вода, а там, еще впереди, черный купальник девушки. Она плыла кролем, обгоняла их, а потом, обернувшись, поджидала, медленно и плавно покачиваясь на одном месте.

Они проплыли минут сорок, когда Сюзи внезапно нырнула и, мелко перебирая ластами, вертикально ушла в глубину. Дно здесь было ниже и опускалось круче. Честер видел, как Сюзи развернулась у дна, зависла, оглядываясь вокруг, потом, резко оттолкнувшись ногами, быстро пошла наверх, показывая поднятым пальцем, чтобы и они всплывали.

Три головы появились над водой почти одновременно. Сюзи выплюнула загубник.

— Теперь совсем близко,— сказала она,— метров тридцать, вон там, у самого берега.

Таратура и Честер пригляделись. Земля была совсем рядом. Они уже прошли всю бухту, открывающуюся за зеленым мыском. Здесь берег был крутой, голый. От-

полированные прибоем скалы стояли стеной, лишь кое-где маленькими островками торчали из воды камни.

— Плывите за мной, а когда я вам махну, включайте баллоны, и пойдем вниз. Ты не потерял свою пилку? — Сюзи посмотрела на Таратуру.

«Они уже на «ты»,— отметил про себя Честер.— Современные темпы!» Таратура улыбнулся под маской и похлопал себя по бедру, где у него висела маленькая ножовка с красной ручкой. Слева, у другого бедра, висел отличный нож для подводной охоты: Таратура не поленился накануне и теперь имел недурную экипировку, за счет, разумеется, хозяина тира.

Сюзи тихо ушла под воду. Маленький фонтанчик с хриплым свистом вырвался из ее шнорхеля. Таратура и Честер последовали за ней.

Действительно, проплыв метров тридцать-сорок, девушка дала сигнал к погружению. Они переключили акваланги на питание от баллонов и начали медленно погружаться. У Честера сдавило лоб. «Ничего страшного,— подумал он,— пройдет». На глубине около двадцати — двадцати пяти метров Сюзи обернулась и протянула вперед руку, указывая направление. Теперь они плыли уже плотнее друг к другу, и Честеру некогда было разглядывать дно. Солнечные лучи проникали и сюда, и, если бы камни были светлые, тут, наверное, было бы совсем светло, но темно-бурые скалы и водоросли скрадывали свет, рождая таинственный голубой сумрак. «В приключенческих фильмах в таких местах звучит электронная музыка»,— подумал Честер.

Сюзи опять пошла чуть ниже и опять протянула вперед руку. Глянув в указанном ею направлении, Честер увидел какое-то черное овальное пятно, перечеркнутое аккуратными светлыми полосами. По мере того как они приближались к этому пятну, все заметнее становилось движение воды, идущей навстречу мягкими теплыми волнами. Они были уже совсем близко, и теперь легко было разглядеть черное отверстие трубы и решетку из

стальных прутьев в мизинец толщиной. Из трубы действительно шла теплая вода. Но не горячая, а именно теплая, градусов тридцать; течение было несильным, но заметным, словно дул теплый ветер из аэркондишена. Таратура коснулся плеча Сюзи и ткнул пальцем вверх. Потом обернулся к Честеру. Журналист кивнул: понятно, всплываем.

— Нас тут не пристрелят? — Это были первые слова Таратуры, когда они поднялись на поверхность.

— Не знаю,— просто ответила Сюзи.

— Мы под скалой в мертвой зоне,— сказал Честер, обводя взглядом береговые скалы.

— Будем надеяться,— пропыхтел Таратура.— Теперь я принимаю командование. Фред и Сюзи, вы остаетесь здесь, но так, чтобы вас не было видно с берега. Акваланги отключите, будем экономить воздух. Когда я перепилю решетку, позову вас. Фред, не вздумай ухаживать за Сюзи...

— Она пойдет с нами? — спросил Честер.

Сюзи кивнула головой, не ожидая, что ответит Таратура.

— Тогда поторапливайся.— Фред похлопал инспектора по маске.

Таратура скрылся под водой. Прошло, кажется, не менее двадцати минут, прежде чем голова Таратуры заплясала на волнах. Он начал говорить, еще не отдышавшись, и выстреливал слова короткими очередями:

— Пилить трудно... упереться не во что... Ну, пошли! Фонарь не потерял?.. Я впереди, потом Фред, а ты сзади...— Он подмигнул Сюзи.— Держимся кучей, чтобы не потеряться...— Таратура быстро вставил загубник и, повернув переключатель акваланга, первым скрылся под водой.

Честер секунду помедлил, взглянул еще раз на Сюзи, которая без голубых ресниц и пышной прически казалась ему сейчас совсем не похожей на девицу из корде-

балета, а была вполне нормальной девушкой спортивного склада,— надо же, как естественность меняет человека в лучшую сторону! — и последовал примеру Таратуры. Следом ушла под воду Сюзи.

Труба была широкая, метра полтора в диаметре, плыть было легко, и Таратура только изредка касался руками стенок, скользких на ощупь. Честер отставал, ему мешал фонарь, не говоря уже о том, что движение замедлялось из-за течения в трубе.

Они проплыли метров сто, когда Таратура остановился и поднял вверх палец. Честер и Сюзи отчетливо услышали шаги над своей головой. Да, там кто-то ходил. Один раз им даже послышались голоса. Слова разобрать было невозможно, но Таратура мог поклясться, что слышал разговор двух мужчин. Потом все стихло. Пловцы двинулись дальше. Вскоре плывущий впереди инспектор опять остановился и прислушался. Он уловил какой-то странный звук — бульканье не бульканье, скорее журчание, плавно повторяющееся, словно кто-то помешивал в огромной кастрюле большущей ложкой. Таратура осторожно двинулся дальше. Звук нарастал. Вода стала заметно теплеть, хотя, увлеченный звуками, Таратура не сразу это почувствовал. «Теплая вода — это прекрасно,— успокоил себя Таратура.— Меньше расходуем кислорода!» Но, честно говоря, спокойствие не приходило, и по мере нарастания звуков Таратура тревожился все больше. «Втянет в какой-нибудь насос и изрубит на куски! — подумал он и оглянулся.— Сюзи, наверное, не стоило брать с собой...»

Не успел Таратура сделать и пяти гребков, как труба кончилась. Он почувствовал, что стенки ушли в стороны, под ногами тоже не было осклизлой вогнутости, разом изменился тон звука. Таратура всплывал медленно. Он знал, что Честер и Сюзи тоже поднимаются, но не слышал их: все заглушало шипение и журчание. Он всплыл первым. Со всех сторон его окружала темнота. Внизу голубел фонарь Фреда. Вот и он. А вот и Сюзи.

Луч фонаря, поднятого над водой, уперся в серую бетонную стену.

Честер медленно повел луч.

Они находились в круглом зале метров десяти в диаметре, со сводчатым потолком, расположенным довольно высоко над водой. Вынули загубники. Воздух, застоявшийся, спертый, видно, что этот воздушный колокол редко проветривался. Почти все пространство зала занимали какие-то трубы, идущие сверху, из сводчатого потолка. Они были не толще водопроводных, но было их очень много, и стояли они густо, как бамбуковая заросль. Таратура хотел ухватиться за одну трубу, но тут же отдернул руку: труба была горячая. В противоположном от них конце зала находилось то, что издавало тревожный звук. Это была вполне мирная крыльчатка, очень похожая на вращающиеся двери, которые делали в старых гостиницах. Позеленелые концы ее больших, не меньше дверей, лопастей, на которых повисли обрывки водорослей, медленно, с тяжелым всхлипом вращались, перегоняя воду, которая с журчанием обтекала частокол труб.

— Поняли? — шепотом спросил Таратура.

— Что-то вроде теплообменника,— сказал Честер тоже шепотом.— Гоняют воду и охлаждают эти трубы.

— Похоже, мы в огромном автомобильном радиаторе!

— Смотрите! — перебила Таратуру Сюзи и показала рукой на стену позади них.

Все обернулись. Честер повернул фонарь. Над водой, как балкончик, висела маленькая площадка, подобная тем, какие делают снаружи зданий для пожарных. Из воды на площадку вела лесенка, а прямо напротив нее в серой бетонной стене ясно угадывался темный квадрат двери.

Таратура, не говоря ни слова, подплыл к лесенке и поднялся на площадку. Сюзи последовала за ним и присела на большой кусок брезента, свернутого в ру-

лон и, вероятно, кем-то забытого на площадке. Для Честера места уже не было, он встал на лесенке, освещая дверь.

— Ну, что я говорил! — торжествующе зашептал Таратура.— Вот вам и черный ход!

— Тише! — перебила Сюзи.— Слушайте...

— Внимание, говорит главный пульт! — раздался за дверью сухой, ровный голос. Он был слаб, звучал откуда-то издалека и сверху, но все отчетливо слышали слова.— Даю предварительную на разгерметизацию. Сброс давления до семи атмосфер в блоке «М» начинать только после остановки центрального насоса!

Голос умолк.

— Все ясно,— шепотом сказал Таратура.— Это дверь, которую мы искали. Весь вопрос, как в нее войти.

Никаких ручек, даже выступов не было.

— Она открывается изнутри и к нам,— сказал Честер.

— Откуда вы знаете? — спросила Сюзи.

— Здесь, где мы находимся, избыточное давление,— прошептал Честер.— Ведь мы явно ниже уровня моря. Значит, чтобы открыть дверь, надо уравнять давление снаружи и внутри.

— Пожалуй, ты прав,— прошептал Таратура.— Или искать другую дверь?

— Поплыли домой,— робко попросила Сюзи.

— Погоди, крошка,— перебил Таратура.— Общая схема нам ясна. Ничего, как видите, страшного нет.— Он внимательно разглядывал кусок брезента, на котором сидела Сюзи.— Все очень просто, я бы сказал, даже примитивно!

И Таратура изложил в нескольких фразах свой план: если с помощью брезента навести пластырь на то отверстие, через которое они всплыли и через которое уходила подогретая вода, движение этой воды, по существу, прекратится, она перегреется, теплообменник пере-

станет срабатывать, и дверь, по мнению Таратуры, легко откроется.

С пластырем справились довольно быстро и заняли места на лесенке и площадке. Легкое противодавление, создаваемое рабочей крыльчаткой, удерживало брезент на трубе. Поскольку стока воды не было, ее уровень в камере поднимался, но ненамного. Честер погасил фонарь. Он вновь сидел на лесенке. Таратура шептался с Сюзи на площадке и через каждую минуту просил Честера окунать в воду ногу и проверять, насколько она нагрелась.

Вода грелась довольно медленно, но грелась. Минут через тридцать было уже горячо. Честер понял, что температура приближается градусам к пятидесяти. Стало душно и по-настоящему жарко, но они терпели.

Вдруг за дверью раздался уже знакомый сухой голос автомата:

— Внимание, говорит центральный пост. Перегрев во втором контуре реактора. Посту 73 снять температуру во втором контуре.

— Ага! — тихо завопил Таратура.— Дошло наконец!

В этот момент тон звуков в зале, к которому они уже привыкли, изменился. Честер зажег фонарь, и они увидели, что крыльчатка стала вращаться гораздо быстрее. Под ними ходили маленькие волны кипятка, а брызги достигали ног Честера.

— Все идет по расписанию,— сказал Фред.— Они разогнали крыльчатку, чтобы увеличить теплосъем, но если брезент выдержит, ничего у них не выйдет.

— Слушай,— сказал Честер Таратуре,— а ведь у нас еще одна неувязочка получается. Если дверь открывается сюда, в камеру, то, когда она начнет открываться, она прижмет нас, и придется прыгать в кипяток.

Сюзи жалобно пискнула.

Таратура молчал. Потом сказал:

— Значит, так. Если дверь начнет открываться, Сю-

зи станет за дверь, а я побеспокоюсь, чтобы она не очень широко раскрылась. Ты, Фред, на всякий случай...

— Внимание, говорит центральный пост,— перебил Таратуру голос за дверью.— Немедленно устранить перегрев во втором контуре реактора!

— Ну, теперь можно ждать гостей,— сказал Честер.— Однако встреча будет чересчур жаркой,— добавил он, вытирая пот со лба.— Слушай-ка,— он дернул Таратуру за ногу,— а если сюда нагрянет целая ремонтная бригада, человек десять, что тогда?

— Перекидаем всех в кипяток и полезем наверх,— бодро отозвался Таратура.

— Тихо! — перебила Сюзи.

Наверху что-то щелкнуло, раздался какой-то скрип, звуки каких-то движений, опять щелчок, потом шипение. Таратура начал срывать водонепроницаемый мешочек со своего пистолета.

Потом они услышали тяжелые шаги над головой: кто-то спускался к двери.

— Кажется, один,— прошептал Таратура на ухо Сюзи.

Заскрипел штурвал замка, толчок, и узкая щель света вспыхнула перед ними. И начала расширяться.

— Ну и баня тут, черт побери,— раздался спокойный, даже сонный голос, и в этот момент, скользнув из-за двери, Таратура уже приставил к груди говорящего дуло своего семизарядного «шлеста».

— Одна маленькая просьба,— тихо сказал Таратура,— где здесь можно обсушиться и выпить чего-нибудь прохладненького?

Потом, десятки раз вспоминая этот эпизод, и Честер и Таратура говорили, что все их планы, рассчитанные на внезапность и неожиданность, провалились в первый же миг встречи с незнакомцем. Он не только не выказал никакого страха, замешательства, паники, напротив, он привел в полнейшее замешательство всю тройку, ответив на вопрос Таратуры совершенно спокойно, так спокойно,

будто не только ожидал встретить за дверью голого человека с пистолетом, но и был уверен, что этот человек ждет его.

— Наверху есть сифон с холодной водой,— сказал незнакомец, даже не взглянув на пистолет.— Но погоди немного, сперва надо узнать, отчего тут все греется.

У Таратуры отвалилась челюсть. Такой встречи он не ожидал. Спокойно отстранив рукой пистолет, незнакомец попробовал шире раскрыть дверь.

— Осторожно, там девушка,— промямлил Таратура.

— А,— сказал ремонтник,— понятно.— Он заглянул за дверь.— Иди сюда, чего там стоять.— И он пропустил Сюзи в шлюз.

Ничего не понимающий Честер зашевелился на своей лесенке.

— Вон вас тут сколько! — сказал ремонтник таким тоном, словно увидел муравьев на чайном блюдце.— Но отчего же все-таки греется? — спросил он задумчиво.

— Внимание! Говорит главный пульт! Аварийный режим перегрева второго контура реактора! — раздалось откуда-то сверху, но гораздо громче, чем из-за закрытой двери.— Пост 73, немедленно доложите, что у вас там происходит. Вы слышите меня, пост 73?

— Слышу, слышу,— сказал ремонтник так, как обычно говорят самому себе.— Ну отчего же все-таки греется?

— Это мы заткнули трубу,— сказал Честер со смущенной улыбкой, поднимаясь по лесенке.

— Чем? — спросил ремонтник.— Брезентом?

— Да,— ответил Честер.— Вот, смотрите...— Он дернул за веревку, подтянул мокрый брезент, от которого валил пар, и кипяток с бульканьем и свистом понесся в освободившуюся трубу.

— И правильно сделали, что заткнули,— невозмутимо сказал ремонтник.— Давно надо было заткнуть, чтобы все у них полопалось к чертовой матери.

Тут только Честер разглядел его. Ему было за пять-

десят. Довольно грузный, длиннорукий, он был одет в рабочий комбинезон, чистый, но мятый, просто жеваный, и застиранную голубую рубашку. Лицо его, несколько одутловатое, припухшее, походило на лицо только что разбуженного человека, да и по глазам можно было понять, что он лишь недавно встал.

— Вас тут трое? — спросил ремонтник.— Или больше? — И, не дождавшись ответа, сказал Честеру: — Брось брезент на лестницу и пошли наверх: жарко тут.

Таратура со своим пистолетом, а за ним Сюзи с Честером полезли по скобам вверх. Ремонтник затворил за Фредом дверь, повернул штурвал замка и крикнул вверх Таратуре:

— Там у люка красная кнопка. Нажми и отворачивай люк!

По свисту воздуха и боли в ушах Честер понял, что из шлюза стравливают воздух. Потом что-то щелкнуло наверху, заскрипело, и стало заметно светлее: Таратура открыл люк. Он высовывался осторожно, держа наготове пистолет. И первое, что он увидел, были зеленые глаза, тревожные и злые, смотревшие прямо на него: на стуле у пульта лежал кот. Таратура огляделся по сторонам. Это была небольшая, очень чистая круглая комната. Посредине стоял пульт, довольно маленький и с обычными, ничем не примечательными шкалами, циферблатами, кнопками, тумблерами и штурвальчиками. Два стула на винтах, маленький шкафчик, и ничего больше. Стены отделаны кремовым пластиком, светильники упрятаны в потолок. Короче, в высшей степени скромная обстановка.

Следом за Таратурой поднялась Сюзи, затем Честер и, наконец, ремонтник. Сняли акваланги и прислонили их к стене. Таратура обошел пульт с пистолетом в руках, оставляя мокрые следы на пластике. Сейчас в этой обстановке он выглядел очень глупо в плавках с дурацким пистолетом, но и девать пистолет ему было некуда. С голых капало, на полу образовались пятна и потеки, вся

пультовая стала выглядеть какой-то неопрятной. Кот с брезгливым возмущением осматривал мокрых людей.

— Нет ли у вас чем вытереться? — робко спросила Сюзи.

— Есть,— ответил ремонтник и достал из шкафчика полотенце, не сказать чтобы свежее, но терпимое.

Сюзи начала отжимать волосы. Честер подумал, что теперь, когда после всей этой бездны волнений и приключений они достигли наконец желанной цели, никто не знает, что делать дальше. Все ждали схватки, борьбы, перестрелки, а оказались в каком-то мирном купальном павильоне.

— Ну что же,— сказал Честер, переминаясь с ноги на ногу,— давайте знакомиться.— Он протянул руку ремонтнику: — Фред.

— Очень рад. Вальтер Шиз,— буркнул ремонтник и сунул руку.

Сделав книксен в купальнике, представилась Сюзи. Таратура переложил пистолет в левую руку и тоже поздоровался, назвав себя. Помолчали. Шиз подошел к пульту и долго рассматривал какую-то шкалу.

— Порядок,— сказал он то ли самому себе, то ли коту, но, во всяком случае, не гостям.— Пошла вниз.

— Температура? — участливо спросил Честер.

— Ага,— ответил Шиз.

Вновь помолчали.

— А где мы, собственно говоря, находимся? — наигранно легкомысленным тоном спросил Таратура.

— Пульт 73,— спокойно ответил Шиз.

— Внимание, говорит главный пульт,— раздалось из динамика.— Пульту 73 доложить о причинах перегрева!

Шиз лениво пошел к пульту. И следов замешательства нельзя было заметить у него, хотя чувствовалось, что докладывать ему неохота.

— Говорит пульт 73,— глухо сказал Шиз.— Перегрев произошел из-за закупорки отводящего трубопровода.

— Какой еще закупорки? — раздраженно спросил динамик.— Чем закупорился ваш трубопровод?

— Брезентом,— сказал Шиз и замолчал.

— Как могла закупориться полутораметровая труба брезентом? — недоумевал главный пульт.— Вы что, специально ее затыкали?

— Я не затыкал,— сказал Шиз.

— А кто затыкал?

— Двое парней и девчонка,— сказал Шиз.

— Какие парни? Какая девчонка? Откуда вы знаете? — кипятились на главном посту.

— Знаю,— сказал Шиз и замолчал.

Таратура водил пистолетом и не знал, что ему делать. Честера вся эта откровенность совершенно вышибла из седла. Сюзи почувствовала, что ноги ее не держат, и опустилась на стул, где лежал кот. Раздался громкий, хриплый вопль.

— Кто у вас там вопит? — запросил главный пост.

— Ивэн,— ответил Шиз.

— Какой Ивэн? — теперь уже вопил главный пост.

— Кот,— объяснил Шиз.

— Сумасшедший дом! — После этих слов динамик щелкнул — главный пост отключился.

— Зачем же вы...— начал Таратура, но Шиз перебил его.

— А пошли они все к дьяволу! — с досадой сказал он.— Зря мы вытащили брезент, пусть бы у них вся эта чертовщина распаялась ко всем чертям!

— Какая чертовщина? — осторожно спросил Честер.

— Вся. И большой купол тоже,— сказал Шиз.

— А что это за большой купол? — спросил Честер.

— Ну, купол такой... В общем, долго рассказывать,— сказал Шиз. Было ясно, что никакие соображения секретности его не сдерживают, просто ему не хочется объясняться.

— А что тут вообще происходит? — в лоб спросил Таратура.

— Где? — не понял Шиз.
— В зоне,— сказал Честер.
— Тут вся эта чертовщина, но самое главное,— он сделал паузу и многозначительно поднял вверх палец,— самое главное, что я, старый дурак, им помогаю делать синеньких.— И Шиз горестно покачал головой.
— Каких таких «синеньких»? — спросил Честер.
— Ну, как вам сказать...— Шиз развел руками.— Синенькие — это синенькие.
— Это люди? — спросил Таратура.
— Да какие к черту люди! — рассердился Шиз.— Нет, мы зря вытащили брезент. Надо было кончать с этим делом.
— Сколько человек работает в зоне? — спросил Таратура.
— Человек тридцать. А может, сорок. А может, четыре тыщи,— сказал Шиз.
— Вы не знаете, где наш товарищ, который попал сюда вчера? — спросил Честер.
— Сидит в кабинете этого дьявола,— сказал Шиз.
— Какого дьявола? — спросил Честер.
— Динст.
— Это далеко? — спросил Таратура.
— Не очень.
— Туда можно пройти?
— Можно. Через главный пост. Но там охрана. Три человека.
— А где же остальные?
— Наверху. Человек десять в ЛАФИЗ...
— Что это за ЛАФИЗ? — спросил Честер.
— Лаборатория. Хирургии и физиологии. Или физиологии и хирургии, черт ее знает... А какого черта вы меня спрашиваете? — вдруг возмутился Шиз.— Если вы хотите взорвать всю эту зону к чертовой матери, я вам помогу, а допрашивать себя не позволю!
— Ну, что вы,— сказала Сюзи,— вы так интересно рассказываете.

— Тогда другое дело,— смирился Шиз.

— Понимаете, нам очень надо увидеть нашего друга,— сказал Честер.— Для этого мы и...— он кивнул на люк,— и были вынуждены вас потревожить.

— Понял,— сказал Шиз.— Пошли.

— Куда? — спросил Таратура.

— К вашему приятелю.

— А охрана? — спросил Таратура.

— Так у тебя же есть эта штука.— Шиз кивнул на пистолет.— Перестреляй их всех к чертовой матери!

— Стрельбу поднимать вряд ли стоит,— осторожно возразил Честер.— Их надо разоружить и, может быть, связать.

— Валяйте, вяжите,— разрешил Шиз.

— А чем? — спросила Сюзи.

Честер и Таратура начали беспомощно озираться по сторонам.

— У меня есть резиновые трубки,— сказал Шиз.

— Не годится,— сказал Таратура.

— Есть провод,— предложил Шиз.

— Давай провод,— сказал Таратура.

Шиз достал из шкафчика моток провода.

— Кусачки взять? — спросил он.

— Бери кусачки,— сказал Таратура.

— Надо взять кусачки,— кивнул Шиз.— У них на пульте микрофон для переговоров с верхом.

— А наверх как поднимаются? — спросил Честер.

— Есть два лифта,— сказал Шиз.

— Их можно отключить? — спросил Честер.

— На главном пульте проще простого,— сказал Шиз.

— Отлично,— сказал Таратура.— Итак, я их держу, Фред и Сюзи вяжут, а ты,— он обернулся к Шизу,— вырубаешь лифты и отключаешь связь с верхом.

— Это мне ничего не стоит,— сказал Шиз.

— Сюзи,— сказал Таратура,— ты начнешь психическую атаку...

Глава 14

УЛЬТИМАТУМ

— Так вот,— сказала Дина Динст,— у нас накопилось много сомнений относительно вас, и, пока мы их не разрешим, вам придется воспользоваться нашим гостеприимством. Впрочем, не исключено, что вы сами захотите помочь нам, и тогда дело будет исчерпано. Улавливаете то, о чем я говорю?

— Стараюсь,— сказал Гард.

— Отлично. Свои сомнения я изложу вам в той последовательности, в какой они накапливались, причем позволю себе быть откровенной. («Еще бы! — подумал Гард.— Волк тоже имеет право на откровенность с козленком!») Во-первых, дорогой мой, ваше прибытие к нам вопреки инструкции не было подтверждено телеграммой. Во-вторых, вы не остановились в том отеле, где обязаны останавливаться наши люди. В-третьих, вы не знаете пароля, хотя в вашем распоряжении были полотенца с метками. Только случайность позволила нашему агенту набрести на вас и доставить в зону. Кстати сказать, вы очень позабавили наших сотрудников своим нелепым крестом, но это так, к слову. В-четвертых, находясь в зоне, вы должны любому «зоннику» по первому требованию называть свое имя, и никакой инструкции, запрещающей это делать, не существует. В-пятых, наш филиал в Нью уже ответил на запрос, сообщив, что с Майклом Честером никакой ошибки нет и что никому не поручалось сопровождать его обратно. В-шестых, дорогой мой, обнаруживая незнание элементарных правил, вы одновременно поразительно осведомлены в таких вещах, которые неведомы не только рядовым, но и старшим агентам. Вы помянули код, существование которого известно только шефу, мне и двум самым верным людям. Улавливаете?

Гард промолчал.

— Но это еще не все. Ваше появление на острове

совпало с некоторыми печальными для нас событиями. Девочка, которая должна была прибыть тем же рейсом, каким прилетели вы,— странное совпадение! — не прибыла и не передана нам на аэродроме. В газетах уже помещена идиллическая фотография: ребенок в объятиях счастливой матери. Дураки, разве в этом счастье? Полиция объявила фамилии двух рэкетиров, якобы укравших ребенка, но мы проверяем сейчас, каким образом рэкетирам удалось перехватить девочку у наших агентов. Но дело не только в этом. Дело в том, что агент, долженствующий сопровождать ребенка сюда, исчез! Кроме того, пропали еще три наших сотрудника, участвовавших в операции по изъятию девочки. И вот, представьте, в этот сложный момент появляетесь вы! Повторяю: без уведомления, без знания пароля, без имени, с надуманной версией... Достаточно? Или вам мало?

Ей трудно было отказать в логике.

— Таким образом,— продолжала Дина Динст,— я прихожу к выводу, что вы не тот человек, за которого себя выдаете.

— Верно! — неожиданно согласился Гард.

— Быстрое признание делает вам честь,— улыбнулась Динст.— Кто же вы? И какова ваша цель? Надеюсь, мы поладим?

Гард встал, и рука Дины Динст дернулась из карманчика. Дуло крохотного пистолета холодно смотрело на комиссара.

— Я люблю рассуждать, прохаживаясь,— успокоил Гард собеседницу.— Не пугайте меня и себя этой штучкой. Давайте лучше пофантазируем. Могу я быть агентом конкурирующей фирмы, желающей получить коекакие ваши секреты?

— У нас конкурентов нет и быть не может,— сухо сказала Дина Динст, не убирая пистолета.

— Предположим. А что вы скажете, если я специальный представитель шефа, которому поручено проинспектировать вашу бдительность?

Глаза Дины Динст сощурились, она напряглась, сомнение пробежало по ее лицу.

— Вот произнесу сейчас нечто такое,— продолжал Гард,— что будет выше всех паролей, и вы поймете, что я не только сильнее вас, но и старше по должности. А?

Гард почти физически ощущал, как инициатива переходит к нему. Она молчала: ни слова в ответ, одно ожидание. Но обе руки уже легли на колени, пальцы сжимали друг друга, нервно перебирая фаланги, как четки.

Пройдя из угла в угол комнаты, Гард выдержал паузу, а затем, мысленно сказав себе: «Ну, пора в решительную атаку!» — продолжал:

— Но дело еще серьезней, дорогая моя Дина Динст, нежели вы можете себе представить. Я не сотрудник конкурирующей фирмы, не представитель шефа и даже не агент иностранной разведки. Я очень опасный для вас человек, мадам. И не только для вас. Для шефа тоже. Для всей вашей фирмы. Мое имя Гард. Дэвид Гард, комиссар полиции, разрешите представиться!

И Гард поклонился.

Она не сделала ни одного движения, не дрогнула ни единым мускулом. «Вот это выдержка! — восхищенно подумал комиссар.— Если вернусь живым и невредимым, непременно наберу в помощники одних женщин!» Ее реакция вполне удовлетворила Гарда, подтвердив некоторые его догадки. Это была реакция хоть и мужественного, но врага, а если она враг комиссару полиции, значит, она представляет не государственное учреждение, санкционированное правительством, а частную лавочку. Хуже было бы, если бы она вдруг расхохоталась, дав понять, что ей куда спокойней иметь дело с родной полицией, нежели, к примеру, с иностранной разведкой. Она боялась Гарда, хотя и не показывала вида, что боится.

— Итак, дорогая моя, прошу вас помнить: я не частный детектив, и когда я действую, это происходит с ведома властей. Улавливаете? О том, что я здесь, там

известно.— Комиссар показал пальцем на потолок.— Если до определенного дня и часа от меня не будет вестей, машина придет в действие, и вам придется иметь дело с новыми гостями, которые, как вы отлично понимаете, уже знают к вам дорогу. Короче говоря, я советую вам торопиться. Прежде всего познакомьте меня с тем, что делается в вашей «зоне». А для начала представьте меня шефу. Вот так.

И Гард, повернувшись, пошел к двери.

— Сядьте! — вдруг приказала Дина Динст.

Комиссар остановился, посмотрел на нее.

— Повторяю: сядьте! — В руках у женщины вновь блеснул пистолет.

— Не делайте глупостей, Дина Динст,— спокойно произнес Гард, продолжая стоять.— Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

— И тем не менее сядьте!

Она была неумолима, и Гард понял, что, если он сделает еще один шаг, ее нежный пальчик нажмет курок.

— Вы хотите пригрозить мне электрическим стулом или газовой камерой? — с презрением сказала Дина Динст.— Человек, который занимается тем, чем занимаюсь я, уже ничего не боится. Запомните это, комиссар Дэвид Гард! И сядьте. Я не могу позволить вам выйти из этой комнаты, будь вы самим президентом. Но кое в чем вы правы, комиссар. И потому будете представлены.

— Шефу?

— Возможно.

Глава 15

КУПОЛ

Захват центрального поста по своей стремительности и эффективности мог претендовать на место в антологии путчей и мятежей.

Пройдя двумя длинными чистыми и светлыми коридорами, Шиз и полуголая тройка остановились у двери с номером 001. Все дальнейшее продолжалось не более двух минут. Сюзи открыла дверь и вошла в комнату, очень похожую на комнату Шиза, только все здесь было побольше: пульт побольше, шкаф, и винтовых стульев не два, а шесть, и еще столик был. Кота, правда, не было. За пультом сидел симпатичный молодой человек в синем комбинезоне и голубой рубашке. У стены за маленьким столиком двое в форме охранников играли в нарды. Больше никого в пультовой не было.

Так вот, Сюзи вошла в своем черно-желтом купальнике с полотенцем через плечо, тряхнула мокрыми золотыми кудряшками и не спеша пошла к пульту. Молодой человек оглянулся на нее и остолбенел. Двое застыли над своими фишками, как громом пораженные, выкатив глаза и открыв рты. Сюзи подошла к пульту, взяла полотенце и не спеша стала обматывать его вокруг головки микрофона, торчащего на тонком стебле. А все смотрели, не мигая, на то, что она делает, и молчали. И только когда Сюзи уже навернула все полотенце, молодой человек сглотнул и выдавил из себя:

— Э... э, простите, вы, собственно...

— Встать! — Таратура с пистолетом в руках уже появился в комнате.— Руки! Всем повернуться лицом к стене! Живо!

И все встали, и подняли руки, и повернулись лицом к стене. Совершенно молча. Честер, бросив на пол моток провода, прошлепал босиком к охранникам и вытащил у них из кобур пистолеты.

— Забери и вон там,— сказал Таратура и кивнул в сторону двери. Там стояли два автомата.

— К чертовой матери! — С этими словами Шиз перекусил несколько проводов на пульте.— И чтобы ни один дьявол не опустился в эту преисподнюю! — Он вырубил электропитание лифтов.— Порядок,— сказал он.— А те-

перь надо взорвать все остальное. Слушай,— он обернулся к Таратуре,— а на черта нам их вязать? Давай их просто запрем в аккумуляторной.

— Они там ничего не сумеют натворить?

— Могут напиться кислоты,— сказал Шиз.

И еще через минуту Таратура и Честер, вооруженные автоматами, уже заперли своих пленников в кисло пахнущей каморке, где на стеллажах заряжались аккумуляторы.

— Очень чистая работа,— сказал Таратура.— Пошли к Динст.

— Я возьму полотенце,— сказала Сюзи.

— Зачем? — улыбнулся Таратура.

— Возьми, возьми,— сказал Шиз,— это мое полотенце.

Честер ловил себя на том, что ему кажется, будто они в салоне корабля. Однажды редакция еженедельника «Зеркало галактики» послала его на Бермуды, где проходил всемирный конгресс паразитов, которые называли себя членами союза «праздных». Требовалось написать восторженный репортаж под заранее придуманным заголовком «Исполины отдыха», и Честер согласился — это было вскоре после свадьбы, и ему не хотелось, чтобы Линда сразу почувствовала великолепие бедности. Так вот тогда он плыл на огромном океанском лайнере с точно такими же коридорами во втором классе. Вот такой же был свет матовых плафонов, и чистота, и двери кают с такими же золотыми номерками. Честер боялся морской болезни, но лайнер совсем не качало, как не качало и тут. Но он постоянно ощущал, что находится не на суше: чуть заметно подрагивало, и что-то низко гудело, и где-то очень далеко работала большая машина. Здесь было так же. Он сначала не обращал на это внимания, но теперь ему стало совершенно ясно, что внизу работает какой-то громоздкий механизм. Была еще одна деталь, которая напоминала Честеру бермудский лайнер: голые Таратура и Сюзи. Там тоже по всему

пароходу шлялись эти голые, которые загорали на верхних палубах и барахтались в купальных бассейнах.

Шиз остановился и дернул ручку одной из дверей.

— Заперли, черти! — с досадой произнес он.— А что запирать? Как будто в этом чертовом подземелье можно что-нибудь спереть.

— Наверное,— предположил Таратура, неуклюже забросив очередную удочку,— можно украсть синеньких?

Шиз обернулся:

— Синеньких? Э, нет... Синеньких украсть никак нельзя. Все, что хотите, но не синеньких.

— Почему? — спросила Сюзи.

— Потому что нельзя,— сказал Шиз, и все поняли, что больше он ничего не скажет.— Итак, тут заперто. Можем пройти по галерее Д, если там не отключены лифты.

Они повернули в коридор налево и стали взбираться по винтовому трапу.

— Ты знаешь, что обиднее всего? — прошептала Сюзи, взяв Таратуру под руку, когда они первыми достигли галереи.— Ты будешь смеяться, но обиднее всего, что ни Мэги, ни Каролина не поверят ни единому моему слову! И будут правы! Это же черт знает что такое! Это же не какой-нибудь пикник в пещере, это же... не знаю, как и назвать! Это приключеньище!

— Как бы тебе не пришлось пожалеть об этом,— усмехнулся Таратура.

— Никогда! — с жаром прошептала Сюзи.— Единственное, о чем я пока жалею, так это о том, что не было стрельбы и ты очень глупо выглядишь со своим пистолетом.

— Не торопись,— успокоил ее Таратура.— Без этого тоже не обойдется...

Лифты в галерее были отключены. Шиз опять начал чертыхаться, поносить всех и вся и ругался бы, наверное, очень долго, если бы не Честер, который перебил его

вопросом: есть ли еще какой-нибудь путь к Гарду? Шиз задумался.

— Вообще-то есть,— медленно сказал он,— но лучше туда не ходить.

— Опасно?

— Да нет, просто страшно.

— Э, дружище,— мягко сказал Таратура.— Так не пойдет. Это не разговор серьезных людей.

— Никакие опасности нас не страшат! — храбро добавила Сюзи.

— При чем здесь опасности,— вдруг совсем тихо сказал Шиз.— Плевать я хотел на все опасности, черт их задери совсем... Это просто страшно. Если можно туда не ходить, я туда никогда не пойду.

— Куда? — спросил Честер.

— В купол.

— Но ведь другой дороги нет?

— Вроде нет...— Шиз почесал затылок.— Ну, я вас предупредил. Дело ваше, но, даю слово, по доброй воле я бы туда не пошел.

Они снова спустились по винтовому трапу, прошли каким-то светлым и пустынным коридором и остановились перед массивной дверью со штурвалом, которые обычно устраивают в атомных газоубежищах. Шиз повернул штурвал и потянул дверь на себя. Она тяжело отошла. Честер хотел шагнуть первым, но Таратура остановил его, тронув за плечо.

— Погоди, Фред,— сказал инспектор.— Эта штука просится туда первой.— Он кивнул на пистолет в своей руке, и Честер посторонился, хотя Шиз ни словами, ни выражением лица не выдал собственного отношения к сказанному Таратурой.

За дверью был небольшой бункер и вторая дверь — точь-в-точь как первая. Теперь уже Таратура, легонько звякая о штурвал пистолетом, повернул его и потянул дверь. Полоска сине-сиреневого сумрака за дверью раздвигалась все шире и шире. После яркого света кори-

доров пространство за дверью показалось им поначалу совсем темным, хотя темноты вовсе не было. Ровный, мягкий, мертвый сине-сиреневый свет заливал открывшуюся перед ними картину.

И еще до того, как мозг сказал Фреду Честеру, что он видит, еще до этого жуткого мгновения синий свет сжал его сердце, и все существо Фреда наполнилось неосознанной и нестерпимой тоской...

Они стояли у подножия гигантского прозрачного купола. Трудно сказать, каковы были его истинные размеры. Круг в основании имел, очевидно, диаметр около ста пятидесяти метров, находился внутри огромной залы, как они догадались, внутри кратера потухшего вулкана. Вокруг на разной высоте шли три кольцевых балкона. Они стояли как раз на нижнем из них. В стены и потолок зала, окружающего купол, были вмонтированы синие светильники, создающие гнетущий полумрак. Неподалеку от них нижний балкон расширялся, и там приглушенным светом светились какие-то маленькие лампочки, не сразу можно было понять, что там пульт. Вся полусфера купола — серебристо-синяя, прозрачная — была гладкой, без следов какого-либо монтажа.

Честер слегка отстранил рукой Таратуру и шагнул вперед, чтобы лучше рассмотреть, что же находится внутри купола. Впрочем, видно все было отлично и так.

Там двигались синие люди.

В их облике не было ничего страшного, в чертах лиц — ничего уродливого, просто они были синими. Главное было не в цвете их кожи, а в том, как они двигались, как смотрели и общались друг с другом.

Бывают такие кошмарные сны, когда ты медленно идешь или летишь, всем существом ожидая впереди какую-то смертельную опасность, понимая, что каждое движение твое гибельно, и все-таки не можешь остановиться. В эти секунды беззвучный крик отчаяния переполняет тебя, но и крикнуть ты не в состоянии. Подчиняясь незримой воле, ты уже не властен над собой,

своим телом, своей жизнью, из-за этого и бьет тебя мелкая дрожь, и капли холодного пота разом выступают на теле.

Так вот, эти синие люди двигались как привидения, они были, словно призраки, бестелесны, и казалось, надо крикнуть, ударить в звенящий гонг, чтобы они вдруг встрепенулись, сбросили с себя вязкий дурман и взглянули друг на друга, как смотрят люди.

Честер поймал взгляд девушки, стоящей за прозрачной преградой ближе других к нему, и увидел в ее глазах долгий, привычный и одновременно удивленный ужас. Это не был взгляд затравленного животного, запуганного или лишенного рассудка человека, она не боялась сейчас чего-то конкретного, не страшилась никакой реальной опасности, взгляд ее был человечен и разумен, и это было самое страшное!

Все обширное пространство под куполом, совершенно ровное, было покрыто не то крупным сиреневым песком, не то опилками и напоминало цирковую арену. В этой пустыне не видно было ни зданий, ни хижин, ни каких-либо признаков жилья, как не видно было никаких следов человеческой утвари: мебели, посуды, одежды. Синие люди были прикрыты серебристыми то ли плащами, то ли комбинезонами. Многие из них просто стояли молча и одиноко, другие медленно передвигались с места на место без видимой цели. Можно было заметить несколько темнеющих групп. Ближайшая такая группа вдруг распалась, расплылась — они ходили так, что слово «плавание» подходило здесь больше, чем слово «ходьба», и Честер увидел, что они окружили аккуратную компактную машину величиной с бочонок, довольно замысловатую, похожую одновременно и на автоматическую межпланетную станцию, и на кассовый аппарат. Потом он заметил еще несколько таких штук вдалеке. Все отошедшие от машины держали в руках длинные, тонкие белые полосы, с виду очень похожие на бумажные ленты, и медленно их ели, глядя куда-то в простран-

ство. Честер подумал вдруг, что все эти синие больше всего похожи на оживших покойников.

— Боже мой, боже мой!

Он услышал тихий шепот и обернулся. Сюзи, не отрываясь, во все глаза смотрела на обитателей купола.

— Пойдемте отсюда,— предложил Шиз.

— Сколько их здесь? — спросил Таратура.

— Может, сто. А может, и двести,— нехотя ответил Шиз.

Честер окинул взглядом все пространство под куполом. Да, тут было, наверное, человек двести молодых мужчин и женщин. Странным казалось и то, что, живя на ограниченном пространстве, они принимали такие позы, что создавали зримую иллюзию совершенного одиночества: одного синего человека отделяли от другого многие и многие мили. Разглядывая дальние фигуры, Честер заметил вдруг, что некоторые из них двигаются чуть живее, энергичнее, как бы преодолевая в себе этот кошмар медлительности. Честер всмотрелся пристальнее и увидел, что эти более быстрые существа вроде бы меньше других,— перспектива сферы искажала масштаб расстояний? Просто они дальше от Честера?

И вдруг, как молния, ударила в голову страшная мысль: это дети! И, поняв это, Честер, словно сорвавшись с привязи ужаса, метнулся по кольцевому балкону вокруг сферы к противоположному краю купола.

— Куда?! — крикнул Таратура, но Фред не слышал его, он несся что было сил, и под сводом огромного зала громко билась дробь его бега.

Таратура бросился следом. Он не поспевал за журналистом, хотя был неплохим бегуном. Честер обогнал его метров на пятьдесят, потом вдруг остановился, рванулся вперед. И, распластав руки, упал на синий прозрачный купол, и все они — подбегающий с пистолетом в руке Таратура, оцепеневшие на месте Сюзи и Шиз — услышали страшный, душераздирающий вопль:

— Майкл!!!

Зал загудел, и со всех сторон понеслось каркающее эхо:

— Айкл! Айкл! Айкл!

И тут Таратура увидел Майкла. На нем был такой же серебристый комбинезончик или плащ, а сам мальчик стоял один, неподалеку от края сферы. Синева кожи не исказила и не изуродовала его черты, это был тот же Майкл, только синий, вернее, густо-голубой. Он просто стоял, опустив ручонки, ничего не видя и не слыша, и смотрел куда-то поверх купола, поверх фигуры отца с тем выражением привычного и спокойного ужаса во взгляде, который и был здесь до боли невыносим.

Когда подошли Сюзи и Шиз, Честер все еще лежал на куполе, мертво распластавшись, как будто он упал на этот синий шар с какой-то неоглядной высоты. Таратура тронул его за плечо:

— Встань, Фреди. Надо идти. Здесь мы не сделаем ничего.

— Дай мне пистолет,— глухо сказал Честер, поднимаясь.— Я расколочу этот колпак.

— Ни черта не сделаешь пистолетом,— тихо проворчал Шиз.— Пули его не возьмут. А потом, этого делать нельзя, вы их убьете... Всех... К чертовой матери...

Он двинулся по кольцевому балкону, Сюзи за ним, Таратура, взяв под руку Честера, пошел следом. Честер продолжал оглядываться на Майкла, но ребенок стоял, не двигаясь, не меняя выражения ужаса на лице.

— Вот,— сказал Шиз, когда они подошли к нише с огоньками, которую Честер вначале принял за пульт.— Смотрите сами.

Это был демонстрационный щит с множеством приборов. Под каждым из них были аккуратные таблички, но они ничего не объясняли Честеру.

Плавными волнами катилась на зеленом экране светящаяся кривая: «Уровень радиации в поясах». Прибор с надписью: «Время суток»,— и цифры, составленные из светящихся точек: «24 часа 18 минут». «Что за чепуха,—

подумал Таратура.— Как это может быть! Наверное, 0 часов 18 минут?»

И вдруг Честер увидел: «Давление под куполом — 6 миллибар», «Температура под куполом — минус 94°С»! Он не мог вымолвить ни слова, не мог даже перевести дух. Если эти стрелки не врут, там, под куполом, была ледяная пустота. Как они могли жить там?!

— Пошли,— сказал Шиз.

— Я останусь здесь,— сказал Честер.

— Это бессмысленно,— тихо произнес Таратура.— Ты ничего не добьешься, Фреди. По крайней мере здесь. Мы еще вернемся сюда...

Глава 16

СМЕНА ВЛАСТИ

— Надеюсь, мне не придется долго ждать? — сказал Гард после того, как Дина Динст признала его право разговаривать с шефом.— Времени у меня, да и у вас тоже, в обрез.

— Возможно,— неопределенно ответила Динст.— Теперь все зависит от шефа. Наберитесь терпения.

Ну что ж, ждать так ждать, решил Гард, хотя, собственно говоря, ничего другого ему не оставалось.

Они уселись в разных концах комнаты на почтительном расстоянии друг от друга и замолчали. Прошло пять минут, затем десять.

— Скажите, мадам,— прервал Гард молчание,— почему вы не доверяете меня своим людям и сами исполняете роль охранника? Вам больше нечего делать?

— Вы слишком хитры и опасны,— коротко ответила Динст.

Да, в нелегкую ситуацию попал комиссар полиции, пожалуй, такого в его практике еще не было: пленник собственных пленников! Хотя, конечно, профессия сыщи-

ка только тем и хороша, что, в какое бы отвратительное положение он ни попадал, всегда можно утешить себя представлением о еще более худшем.

Гард снова взглянул на Дину. Ее рука уже не сжимала судорожно браунинг в кармане, а спокойно лежала на подлокотнике кресла. Но взгляд был прикован к комиссару.

Быть может, именно в этом и заключается в настоящий момент его единственный козырь? Он может расслабиться, до конца сбросить с себя напряжение, освободить свой мозг от каких бы то ни было раздумий, тревог и предчувствий, стряхнуть с себя мучительность ожидания и просто существовать, даже уснуть — вот взять сейчас и уснуть! — чтобы сохранить силы для самой решительной минуты, от которой будет зависеть его жизнь или смерть. Динст не сойдет с места — комиссар был в этом уверен,— а его странное поведение еще больше насторожит ее. Гард невольно улыбнулся этим мыслям, тут же отметив про себя, что даже улыбка играет не последнюю роль в психической атаке на Дину Динст. Затем он поудобней устроился в кресле и мгновенно уснул.

Когда он открыл глаза, все было так же, словно он проспал две минуты. Динст сидела на том же месте, в той же позе, и только глаза ее несколько потускнели.

Тогда Гард решительно и бодро встал — сама логика продиктовала ему, хорошо отдохнувшему, такое действие — и, машинально глянув на запястье левой руки, где когда-то были его часы, словно желая этим сказать, что время истекло, произнес:

— Извините, мадам, я вынужден принять свои меры, если...

— Что «если»? — сказала Дина Динст, и в ее голосе Гард уловил совершеннейшую опустошенность.

— Если вы немедленно не проинформируете меня о том, что здесь происходит.

Она устала. Или пришло к ней безразличие? Или она

поняла, что теперь, когда до появления шефа остались считанные часы или минуты, можно позволить себе слабость перед этим сильным и решительным человеком? Посмотрев на часы, Дина Динст что-то взвесила про себя и сказала:

— Хорошо. Для разговора с шефом вам, пожалуй, даже будет полезно знать, чем мы занимаемся.

— Почему же раньше?..— начал было Гард, но Динст его перебила:

— Шеф на подлете, у нас есть около тридцати минут. Господа! — сказала она в крохотный микрофончик, торчащий на письменном столе.— Прошу вас, господа!

Открылась дверь, и в комнату вошли два человека в белых халатах, которые, очевидно, ожидали приглашения не одну минуту, зная при этом, для чего их вызвали. Увы, пока комиссар спал, Дина Динст, как говорится, не дремала.

Вошедшие сдержанно поклонились Гарду, один — совершенно лысой головой, хотя был явно моложе своего коллеги, другой — иссиня-черной шевелюрой, неприятно контрастирующей со старым, сморщенным лицом.

— Профессор Янш,— представила лысого Дина.— Профессор Биратончелли.

Они еще раз поклонились.

«Какие церемонии!» — подумал Гард.

— Надеюсь, мне нет нужды вам представляться. Приступим к делу,— сказал он сухо.— Меня интересуют дети, которые здесь находятся.

Профессор Янш слегка наклонил лысую голову к Дине Динст, что-то шепнул ей, она кивнула в ответ. Тогда он подошел к стенному стеллажу, отпер его, вынул кассету и привычно заправил ее в приставку стоящего в углу телевизора. Биратончелли сложил руки на груди, а Дина Динст показала Гарду рукой на кресло.

Кино? Этого Гард не ожидал. Он думал, что сейчас последует долгое или, возможно, короткое, но обязательно словесное объяснение, они освободятся от груза тай-

ны, Гард примет на себя этот груз, затем начнет задавать вопросы, они будут уклоняться от ответов, пока не явится шеф и не скажет, что комиссару полиции теперь все известно, чего, мол, он еще хочет? И Гард скажет, что готов поверить словам, если увидит все собственными глазами, и вот тогда начнутся настоящие сложности — уходы и зигзаги, проволочка времени и увертки, и не будет этому ни конца, ни края. И вдруг на́ тебе, смотри, получай, как говорится, товар лицом!

Потрясающая, даже пугающая своей необъяснимостью откровенность.

Впрочем, что они хотят показать Гарду? Быть может, какой-нибудь видовой фильм братьев Ступак или последнюю комедию с участием Юм-Рожери? А потом скажут, что это было необходимо для психологической подготовки комиссара к серьезному разговору?

Засветился экран.

Гард сел, взяв сигарету.

И после первых же кадров, в отличном цвете показавших ему обитателей купола, сделалось комиссару как-то нехорошо от этих плавающих походок, от бумажных лент, которые они медленно и безучастно поглощали, от их застывших в привычном ужасе взглядов, от синевы их тел, сиреневости песка, безысходности поз, от всего кошмарного видения, смысл которого был непонятен Гарду, но античеловеческая противоестественность которого была явной, жутко и страшно поражающей мозг нормального человека.

— Хватит! — Гард больше не мог сдержать себя.

Экран погас. Комиссар сидел в кресле, закрыв лицо руками. Профессора молча смотрели на него с леденящей душу безразличностью. Дина Динст ждала дальнейшей реакции Гарда.

— Смысл? — с трудом выдавил он из себя.

Они молчали.

— Я спрашиваю: смысл?! — почти вскричал комиссар.— Вы показали мне детей?! Это то, чем вы за-

нимаетесь? Почему они синие? Зачем так едят? И так ходят? Зачем?! Что все это значит?

— Прежде всего,— с достоинством начал профессор Янш,— не получив ответа на эти вопросы, не торопитесь считать нас преступниками. Мы ученые, и...

— Не могу! — прервал его Гард, вскакивая с кресла.— Не могу потому, что похищение детей само по себе преступно и свидетельствует о преступности замысла! И не торгуйтесь, господа! Даже если вы крали детей для...

— Господин Гард,— вмешалась Дина,— не стоит произносить обличительные речи. Оцените реальность обстановки: мы здесь не подсудимые, а вы не комиссар полиции.

— Кто же я?

— Наш пленник,— с циничной откровенностью сказала Дина Динст.— Вы можете вновь стать комиссаром полиции лишь при одном условии: если поймете нас и примете нашу позицию. В противном случае...

Она вдруг умолкла, словно поперхнулась, и Гард, глядя на нее, понял, что за его спиной произошло нечто такое, что заставило Дину Динст обескураженно замолчать. Профессор Янш тихо попятился назад, а Биратончелли, подчиняясь какой-то силе, стал медленно поднимать руки кверху. Шестым чувством оценив ситуацию, Гард не обернулся, а, наоборот, приблизился к Дине Динст и сухо сказал:

— Положите руки на стол. Не двигайтесь. Вот так.

Потом он нагнулся, вынул из ее кармана браунинг и лишь тогда позволил себе обернуться.

В распахнутых дверях стояли почти голые Честер, Таратура и девушка, которую Гард где-то видел, но не мог сейчас припомнить, где именно.

— Очень кстати,— только и произнес комиссар деловым тоном, как будто появление его друзей было заранее запланировано и вот наконец осуществилось.

— Мы видели Майкла! — сказал Честер.— Он там, под куполом.

— Спокойно, Фреди, спокойно,— тихо произнес Гард.— Еще не все потеряно.

Таратура, одной рукой держа пистолет, другой быстро ощупал карманы профессоров.

— Прошу сесть, господа! — сказал Гард.— Инспектор, внимательно следите за этой особой и пресекайте каждое ее движение. Не позволяйте ей ни до чего дотрагиваться! Здесь полно микрофонов, кнопок, клавиш и бог знает чего еще.

— Шиз! — позвал Таратура, и только сейчас в комнату как-то боком вошел электрик, стараясь не глядеть в глаза Дины Динст, словно боясь гипноза.— Будьте любезны, обеспечьте нам одиночество.

— У, дьявол! — пробурчал Шиз, явно адресуясь к Дине, но по-прежнему не глядя на нее.— К чертовой матери!

С этими словами, не скрывая удовольствия, он аккуратно, с большим знанием дела, перекусил кусачками провода под столом у Дины Динст, в торшере, где-то в углу комнаты и около дверей, а затем, сказав: «Да, чуть не забыл!» — в подлокотнике кресла, в котором уже сидела Сюзи.

Гард, ничего не понимая, следил за действиями Шиза, но Таратура глазами показал комиссару: не волнуйтесь, мол, так надо, это наш человек. Динст тоже наблюдала за электриком, поджав тонкие губы, и ничего, кроме брезгливости, ее лицо не выражало.

— Садитесь, садитесь, господа! — повторил Гард, поскольку Янш и Биратончелли все еще продолжали стоять.— Теперь, как мне кажется, и вам будет легче говорить, и нам будет проще вас понять. Мадам,— перевел он взгляд на Дину Динст,— шеф явится один или с сопровождающими? — Динст молчала.— Вы потеряли дар речи? Таратура, что вы предлагаете?

— А проще простого,— сказал вдруг Шиз.— Давай-

те посадим их всех в аккумуляторную! К чертовой матери!

— Эта дверь запирается? — спросил Таратура.

— Эта? — сказал Шиз.— А черт ее знает! Можно, наверное, и запереть.

Он стал возиться с дверью.

— Итак, господа, я готов выслушать вас,— произнес Гард.— Прежде всего, что вы делали с детьми и в каких целях?

Вероятно, профессора все еще оценивали обстановку. Биратончелли, правда, уже открыл было рот, чтобы ответить Гарду, но Янш остановил его коротким жестом.

— Мадам,— сказал он, обращаясь к Дине Динст,— вы позволите нам говорить?

— Я позволяю! — резко произнес Гард.— И не просто позволяю, а приказываю! Отныне вы исполняете только мои указания, пора бы это понять, господа!

Динст вновь промолчала. Биратончелли осторожно кашлянул:

— Простите, комиссар, но мы только ученые, перед нами была поставлена научная задача, и мы решали ее...

— Какая?

— Сначала, господин комиссар, мы пытались с помощью генной хирургии искусственным образом изменить структуру генов, но проблема оказалась чрезвычайно сложной, я могу объяснить почему...— Он сделал паузу, ожидая санкции комиссара на объяснение, но она не последовала, и тогда профессор продолжил: — Короче говоря, профессором Яншем, моим коллегой, была выдвинута идея работать с уже сформировавшимся человеческим организмом, и прежде всего с молодым.

— С детьми?

— Да, главным образом.

— Вивисекция? — спокойно сказал Гард, но у каж-

дого из его друзей при этом резко участилось сердцебиение.

— Не совсем так,— вмешался профессор Янш.— Перед нами вообще не ставилась задача создания «недочеловеков», мы не руководствовались расовыми теориями. Мы...

— Мы занимались скорее селекцией, господин комиссар,— добавил Биратончелли.— Генетическими манипуляциями.

— Цель?

— Цель? — переспросил Янш.— Но мы только ученые, мы не касались практических целей эксперимента.

— А научная цель? — спросил Гард.— Что вы жуете резину? Вам не хватает слов? Вы забыли родной язык? Вы можете сказать коротко и ясно: чего вы добивались?

— Хорошо,— решился Биратончелли.— Я скажу. Перед нами была поставлена задача вывести особую породу людей.

— Для чего?

— Вот дьяволы! — сказал Шиз.— Перестрелять бы их всех к чертовой матери!

Профессор Янш недоуменно пожал плечами и посмотрел на Гарда, как бы ища у него, интеллигентного и умного человека, сочувствия и понимания, на которое не мог рассчитывать, имея дело с таким тупицей, как Шиз. Но Гард не ответил «пониманием» Яншу, чем откровенно его смутил.

— Мы в сложном положении, комиссар,— извинительным тоном начал Янш.— Мы всего лишь ученые, и когда нам говорят: сделайте так, чтобы люди могли жить при температуре минус сто градусов по Цельсию, обходиться без кислорода и выдерживать давление в шесть миллибар, для нас это чисто научная проблема! Нам совершенно безразлично, в каких практических целях ставится эксперимент. Научный интерес поглощает

нас до такой степени, что, право же, мы перестали бы называться учеными, если бы думали о политике! В чем виноваты мы, господин комиссар? В том, что определили оптимальный вариант человеческого организма для производства опытов? Что провели несколько пробных экспериментов, давших блестящие результаты? Ни один экземпляр, господин комиссар, у нас не погиб! Разве это не наша заслуга?..

Он что-то еще говорил, что-то доказывал и объяснял, приводил резоны, но ни Гард, ни его товарищи не могли постигнуть значения слов, хотя все произносимые слова были им знакомы. Они сидели с расширенными зрачками, как будто всем им одновременно вкапали в глаза атропин, и каждый чувствовал, что окружающие предметы постепенно видоизменяются, теряют свои границы и очертания, а откуда-то изнутри подступает к горлу тошнота.

— Экспериментальный период мы завершили полтора года назад и тогда же перешли на поточное производство, создав совершенно идеальные условия для операций как на детском, так и на юношеском организме! — на возвышенной ноте закончил профессор Янш.

Гард с трудом сбросил с себя оцепенение.

Динст улыбалась. Эта ведьма, конечно, все понимала: и то, какое жуткое впечатление производили слова профессора на Гарда и его друзей, и как эта нормальная человеческая жуть не понимается гениями — гангстерами от науки. Затем она бросила короткий взгляд на свои часы — взгляд, который, как правило, редко ускользает от внимания окружающих. Не пропустил его и Гард. «Так,— решил он,— надо действовать». И отозвал в сторону Фреда Честера.

— Фреди, с минуту на минуту здесь будет шеф,— сказал комиссар тихо, чтобы никто, кроме Честера, не мог услышать его слов.— Один он будет или со свитой, я не знаю, как не знаю и того, что станет с нами в сле-

дующее мгновение. Кто-то из нас должен немедленно уйти отсюда, выбраться на волю и оповестить мир о случившемся.

— А Майкл?

— Доверь его мне, Фреди. И уходи. Немедленно. Сейчас же! Ты знаешь, как выйти отсюда?

— Он поможет,— сказал Фред, кивнув на Шиза.

— Секунду,— сказал Гард и повернулся к профессору Яншу.— Профессор, дайте мне кассету! Да-да, вон ту!

Профессор Янш безропотно подчинился, и кассета с фильмом перешла в руки Честера.

— Здесь все,— сказал Гард.— Теперь иди. Эта ведьма, кажется, догадывается о нашем разговоре.

Прежде чем расстаться, Честер и Гард обменялись долгими взглядами, в которых были и надежда, и страх друг за друга, и уверенность в правильности того, что каждый из них делал и еще должен сделать.

И Честер, сопровождаемый Шизом, ушел.

— Мадам,— сказал Гард Дине Динст, так и не сумевшей сохранить спокойствие на лице в связи с уходом Честера да еще с кассетой.— Хочу вас предупредить, и вполне серьезно: если вы вздумаете сообщить вашему шефу, что здесь, кроме нас, были еще два человека, которые только что нас покинули, вам удастся произнести только первый слог первого слова, содержащего это сообщение. О том, чтобы не было продолжения, позаботится мой коллега. Посмотрите на него, чтобы убедиться, что ему совершенно не свойственна рефлексия, когда он выполняет приказ начальника.

Динст действительно посмотрела на Таратуру и еле заметно улыбнулась кончиками губ. Таратура в плавках, да еще в обществе Сюзи и с пистолетом в руке, воистину выглядел так же «страшно», как актер в спектакле, играющий убийцу.

— Не верите, мадам,— произнес Гард, констатируя

факт.— Хорошо. Тот случай, когда поверить вы не успеете, поскольку отправитесь на тот свет прежде, чем ваш мозг сформулирует происшедшее. Больше того, предупреждаю: даже намек шефу глазами, жестом или попытка написать ему на бумаге какое-то слово, будут мгновенно наказаны пулей, дорогая Дина Динст. Инспектор Таратура, выполняя приказ, полностью освобожден от необходимости сомневаться.

— И тем не менее я не могу гарантировать вам, Гард, что буду молчать в присутствии ше...

Закончить слово ей не удалось: инспектор просто шмальнул из пистолета в ее сторону, и пуля, пройдя в сантиметре над головой Дины Динст, вошла в портрет жены президента, почему-то висящий над креслом, в котором сидела Динст, причем так точно в переносицу, что президентша в мгновение стала похожа на индианку. Пистолет был бесшумным, он издавал только короткий змеиный шип, но в сочетании с пулей и дыркой на портрете произвел достаточно убедительное впечатление. Дина Динст стала белой как полотно, улыбка тихо сползла с ее лица и более не возвращалась.

Профессора подавленно втянули головы в плечи.

— Кстати, господа,— сказал им Гард,— все, что мною обещано вашей руководительнице, распространяется и на вас. Так что прошу хранить на тему об ушедших отсюда людях гробовое — повторяю: гробовое! — молчание.

Оба профессора, будучи «солдатами науки», определенно не годились не только в «синеберетники», но даже в тыловые кашевары.

Сюзи, перестав смеяться, одарила инспектора восхищенным взглядом, вновь его смутив.

Гард успел закурить сигарету, и в то же мгновение книжный шкаф, находящийся в углу комнаты, мягко поехал в сторону.

В образовавшемся проеме стоял генерал Дорон.

Глава 17

ФИЛОСОФИЯ ТУПИКА

Дорон стоял, засунув руки в карманы пиджака, и, чуть покачиваясь, медленно обводил присутствующих глазами. На его лице не было ни страха, ни выражения агрессии, ни удивления, оно было спокойным и немного усталым. По всему чувствовалось, что пришел Хозяин. Недосягаемость его ощущалась во всем облике, уверенной позе, в нахмуренных бровях и мудром взоре, полном озабоченности. Казалось, он откроет сейчас рот и скажет: «Ну, что вы тут без меня натворили, щенки шкодливые, отлупить вас некому?»

Люди в комнате пребывали в состоянии потрясения. Гард и Таратура — от неожиданности, профессора и Дина Динст — от привычного подобострастия перед шефом, которого они видели, вероятно, так же часто, как затмение Солнца, а Сюзи — просто за компанию, глядя на остальных и подтверждая существование небезызвестного «феномена толпы».

Выждав несколько мгновений, Дорон вошел в комнату, и книжный шкаф без звука встал на прежнее место. Но этот шаг генерала в комнату был как бы шагом с пьедестала в общество равных ему людей, и Гард пришел в чувство.

— Господин генерал,— сказал он севшим от волнения голосом, но достаточно четко,— я не скрою удивления вашим появлением, но, если вы действительно шеф этой организации, я... вынужден вас арестовать?

Последние слова Гарда прозвучали почему-то не утвердительно, а вопросом, будто он просил у генерала совета. Пистолет в руке Таратуры дрогнул, чуть приподнялся и замер, нацелившись в грудь Дорона.

— Вижу,— спокойно сказал Дорон.— Я тоже не думал, что, поручая вам безобидный розыск младенца, приготовлю себе столь приятную встречу. Поздравляю,

комиссар. Что касается ареста, то я, как член Тайного совета, пользуюсь неприкосновенностью, и это должно быть вам известно. Так, комиссар?

— Нет, не так,— окрепшим голосом сказал Гард.— Статья 274-я, пункт 7-й «Уложения о задержании» дает мне право арестовать любого человека, независимо от его чина и должности, даже президента, если он застигнут на месте совершения преступления.

— Во-первых,— с улыбкой возразил Дорон,— не вы меня здесь застигли, а я сам сюда явился. Во-вторых, почему вы считаете преступным то, что здесь происходит?

— По крайней мере, для меня это бесспорно, генерал.

— Вы никогда не отличались торопливостью, не изменяйте себе и на этот раз. Дорогая,— Дорон повернулся к Дине Динст,— вы как-то странно выглядите. Приведите себя и нервы в порядок и дайте нам бутылочку стерфорда. Вам, господа,— Дорон посмотрел на профессоров,— тоже досталось от комиссара? Я с удовольствием отпустил бы вас из этой комнаты, но комиссар Гард, вероятно, будет против, а потому пока присядьте в кресла, вот сюда, и ждите своей очереди. Вы инспектор Таратура? — Генерал внимательно оглядел Таратуру.— Так я и понял, хотя ваш мундир выглядит несколько современней, чем следует. Надеюсь, вы понимаете шутки. Пожалуйста, будьте осторожны с пистолетом, и поскольку вы обладаете, насколько я осведомлен, весьма решительным характером, шутить с этой штучкой как раз не стоит. А с вами, милочка, мы не знакомы...

— Сюзи,— словно загипнотизированная, произнесла девушка и даже сделала книксен.

— Дочь Эдмонта Бейла?! — воскликнул Дорон, обнаруживая феноменальную память на лица, имена и фамилии.— Очень приятно! Вы, конечно, не помните, но лет примерно восемь назад, прошу прощения, вы сидели у меня на коленях...— Он бархатно рассмеялся.— Вот

не ожидал, что вы служите в полиции! Или просто работаете на нее? С вашим отцом у меня связаны кое-какие милые воспоминания...

Он чуть вздернул подбородок и посмотрел на потолок, как бы прокручивая в своей памяти и то блаженное время, когда Сюзи девочкой сидела на его коленях, и то «милое», что было связано с ее отцом. «Ну, актер! — подумал Гард.— Талантище!» Комиссар уже окончательно взял себя в руки, раскурил погасшую сигарету и взглядом показал Таратуре, чтобы тот отошел к дверям и держал в своем поле зрения всю компанию.

— Ну что же, комиссар,— произнес Дорон, покончив с воспоминаниями.— Не пора ли нам сесть и поговорить откровенно, тем более что обстановка вполне благоприятная и мы оба никуда не спешим?

При этих словах Дина Динст сделала какое-то едва заметное движение, которое одновременно увидели и по-своему истолковали и Дорон, и Гард, и Таратура, но первым открыл рот все же генерал, проницательности которого мог позавидовать сам Гард.

— Не тщитесь напрасно, дорогая Дина, и не рискуйте зря. Комиссар сам знает, что и когда мне следует узнать, не так ли, Гард? Ведь мы действительно с вами не торопимся? Тогда прошу.

Он первым сел, нет, не развалился, а именно сел, строго и аккуратно, как полагается военному, в кресло, рукой указав комиссару на другое, напротив себя. Рядом, на низком столике, уже освобожденном от газет и журналов, появилась бутылка стерфорда и несколько бокалов — Дина Динст действовала быстро и бесшумно, как хорошо вышколенная прислуга.

«Или он колдун, или просто актерствует, делая вид, что ничего о Честере не знает, в то время как за Фредом уже организована погоня...» — решил Гард, испытывая противное состояние, которое всегда посещало его, если он имел дело с чем-то нераспознанным, загадочным, не поддающимся логике и расчету.

— Я не хочу, комиссар, чтобы разговор велся в форме допроса, меня устраивает беседа, и потому позвольте мне начать первым.— Дорон налил в бокалы вино, сделал маленький глоток и жестом пригласил Сюзи, Гарда и Таратуру последовать его примеру.— Прежде всего, если вам не успели сказать, я коротко изложу суть дела. Вы видели наших пациентов?

— Да,— сказал Гард.

— Вам объяснили смысл нашей работы?

— Нет,— сказал Гард.

— Напрасно. Это бы вас успокоило. Дело в том, что мы готовим покорителей Марса.

— Не понял,— сказал Гард.

— Но я еще не все объяснил,— улыбнулся Дорон, делая очередной глоток стерфорда.— Что же вы, господа? Сюзи Бейл? Вы не любите стерфорд?!

— Не будем отвлекаться, генерал,— сухо сказал комиссар.

— Хорошо. Итак, мы пришли к выводу, что проще изменить структуру человеческого организма, чем изменять структуру планеты. Люди, прооперированные нами, способны жить в марсианских условиях без охранительной аппаратуры и скафандров, а свободно, как на Земле. Собственно говоря, они уже сейчас так живут, ведь купол — это точная копия Марса...

— Минуту, генерал,— произнес Гард, вставая.— Есть одно внеочередное дело, решив которое мы сможем продолжить нашу беседу. Я прошу вас, если слово «прошу» вам приятнее слышать, чем «требую»...

— Ну, видите,— улыбнулся Дорон в адрес Дины Динст,— комиссар Гард сам говорит мне то, что чуть не сорвалось с вашего языка раньше времени!

«Не такой уж он провидец, как хочет им казаться,— подумал про себя комиссар.— Ладно, пусть продолжает актерствовать».

— Повторяю, генерал, я прошу немедленно вернуть мне Майкла Честера, сына журналиста Честера!

— Да, я еще раньше знал о главной причине вашего появления в зоне,— спокойно заметил Дорон.— Охотно выполню вашу просьбу, если это возможно,— добавил он через паузу.— Дорогая, в какой стадии ребенок?

— В стадии...— Дина Динст подняла глаза на Гарда, как бы спрашивая: мне можно говорить? Гард кивнул, и она продолжила.— В стадии «С».

— Н-да...— Дорон почмокал губами.— Профессор Янш, возможно что-нибудь сделать?

— Из стадии «С», господин генерал, никто не возвращается,— донесся из угла бесстрастный голос.

У Гарда упало сердце.

— То есть как это,— сказал он,— не возвращается?!

Дорон отодвинул недопитый бокал стерфорда, взял сигарету из гардовской пачки и закурил. Динст бросила на него тревожный и удивленный взгляд, потому что никогда не видела генерала курящим.

— Я бы вернул ребенка,— со вздохом произнес Дорон,— но, видит бог, есть вещи, которые сильнее нас. Такие процессы, как смерть или распад личности, необратимы. Производимые у нас операции относятся к их числу. Вы чуть-чуть опоздали, комиссар. Ребенок уже в работе... и на такой стадии, когда... увы!

Возникла напряженная пауза, в течение которой Гард пытался осмыслить услышанное.

— Значит, люди,— сказал он,— находящиеся под Куполом, не могут из-под него выйти?

— Не могут, комиссар,— снова вздохнув, произнес Дорон.

— Никогда?!

— Они уже не люди.— Голос Дорона звучал тихо и мягко, можно даже сказать, сочувственно.— Они не дышат земным воздухом, не едят нашу пищу и не пьют нашу воду. Единственное место, пригодное для их жизни — купол. Такова реальность, комиссар, с которой и вы и я вынуждены считаться.

— Их нельзя освободить?!

— Освобождение этих существ в том смысле, в каком это понимаете вы, приведет их к неминуемой гибели.

— Но ведь это чудовищно! — воскликнул Гард.— То, что вы сделали, хуже убийства! Вы оторвали их от семей, подвергли калечащей операции, обрекли на вечное заточение! Вы лишили их Земли! Какой нормальный рассудок способен это понять и оправдать?!

— Успокойтесь, комиссар, и выслушайте меня! — Дорон тоже повысил голос.— Давайте разберемся по порядку. Во-первых, у нас есть и взрослые люди, которые дали добровольное согласие на операцию...

— Не верю! — перебил Гард.— Вы их принудили, или обманули, или...

— Мы их купили, комиссар,— с обезоруживающей откровенностью сказал Дорон.— Ну и что из того? Мы заплатили их семьям большие деньги, получив взамен не просто глаза, сердца и почки, которые, как вы знаете, сегодня продаются и покупаются во всем мире, как обыкновенный товар, а людей целиком. Это просто дороже ценится...

— Но дети?! Вы же их крали!

— Да, крали. В тех случаях, когда были уж очень подходящие экземпляры, а контакта с родителями нам установить не удавалось. Но большинство детей мы покупали, поймите это, комиссар! Они были проданы нам под прикрытием рэкетирства!

— Боже мой! — сказала вдруг Сюзи, и генерал резко повернулся в ее сторону.

— Вы еще ребенок, моя крошка, чтобы разбираться в жизни,— сказал Дорон.— Спросите у комиссара, сколько тысяч родителей оставляют своих младенцев на пороге родильных домов и благотворительных учреждений!

— Их вынуждают обстоятельства,— сухо сказал Гард.

— Меня тоже. Или вы считаете, комиссар, государ-

ственную необходимость менее уважительной, чем семейную?

— Мораль не оправдывает таких родителей.

— Но относится к ним с пониманием. Уже хорошо! — парировал генерал.— А что вы скажете по поводу тех случаев, когда родители сдают детей в круглогодичные интернаты? По пять, по десять лет дети живут в эдакой казарме, в глаза не видя папаш и мамаш, но госпожа мораль и даже господин закон не осуждают таких родителей! Скажите, крошка, у вас повернется язык назвать их выродками?

— В ваших словах звучит желание оправдаться,— сказал Гард.— Вы сами понимаете противоестественность содеянного!

— Нет, Гард, я не оправдываюсь, я просто хочу убедить вас не делать глупостей.— Дорон внимательно посмотрел на Гарда, затем поочередно ощупал взором всех присутствующих, и, когда дошел до Дины Динст, она всем телом подалась вперед, даже слегка приоткрыла рот, но в это мгновение комиссар предупреждающе произнес:

— Мадам!

Динст как бы осела назад, Дорон заметил перемену в ее состоянии, но, видно, не оценил это по достоинству, так как уже чувствовал себя на коне, ощущал некую приподнятость и не хотел выбивать себя из седла. Оставшись довольным сделанным обзором, а также расстановкой сил, генерал продолжал:

— Вы говорите, Гард, что мы калечим детей. Звучит страшно, но так ли обстоит дело в действительности? Совершили ли мы преступление, делая операции? Следите за моей мыслью. В свое время существовали компрачикосы, которые, кстати, находились под покровительством одного из английских королей, забыл его номер, но это не столь важно. Папы римские тоже не брезговали их услугами...

— Простите, генерал,— заметил Гард,— я уступил

вам, отказавшись от допроса, уступите и вы, отказавшись от популярной лекции.

— Я не выгадываю спасительных минут, комиссар,— спокойно произнес Дорон.— Скорее это в ваших, чем в моих, интересах...— Гард опять почувствовал холод, пробежавший по позвоночнику снизу вверх: генерал вновь мистически угадывал тактику комиссара.— Ничего не подозревающая охрана по-прежнему наверху, и ей в голову не придет спуститься сюда без вызова. Вы можете позволить себе роскошь выслушать меня? Можете или нет?

— Мадам! — был вынужден вместо ответа сказать Гард, быстро глянув на Динст, а затем на Таратуру.— И все же, генерал, прошу вас покороче.— Эту фразу комиссар добавил скорее не для того, чтобы выгадывать или не выгадывать минуты, а из соображений престижных: Дорона надо было, высаживая из седла, «ставить на место».

Генерал сощурил глаза. Инициатива, которую он почти держал в руках, ускользала. Комиссар дерзил, а дерзость Дорон привык считать признаком силы, пусть даже временной, но силы. С каким бы удовольствием генерал распорядился сейчас заткнуть глотку «этому комиссаришке»! Увы, блаженный для Дорона момент еще не наступил, не говоря уже о том, что Таратура с каменной и совершенно непроницаемой физиономией стоял в дверях с пистолетом в руке, а пуля этого «кретина», как мысленно назвал инспектора Дорон, была еще сильнее и убедительнее дерзких слов Гарда.

— Хорошо,— сказал генерал,— я постараюсь. Я хотел лишь заметить, что компрачикосы самим фактом своего существования должны побудить вас, комиссар, задуматься над двумя вещами: законы не всегда осуждали их, а что касается морали, то и эта штука весьма и весьма относительная.

— Вот именно,— подтвердил Гард,— и я могу напомнить вам, что мы живем в двадцатом веке и что

суд в Нюрнберге покарал фашистов за опыты над людьми.

— Ах, комиссар,— воскликнул Дорон,— разве обвинительный приговор преступникам вернул к жизни хоть одного погибшего? Терпимость по отношению к компрачикосам в принципе кажется мне более справедливой, тем более что никакая кара в прошлом не дает обществу опыта вести себя в будущем иначе. Уроки истории вообще не учат! Не зря говорят, что каждая общественная формация переживает собственное «средневековье», а каждое поколение людей неизбежно проходит через собственные ошибки и заблуждения...

— Не могу согласиться с вами, генерал. Ваша философия делает Закон и Мораль вообще лишними категориями в жизни людей...

— Увы, потому вам, комиссар, никогда не быть политиком и, стало быть, президентом или даже министром внутренних дел. Ваша вечная забота — гоняться по крышам за конкретными преступниками, а не освобождать общество от социальных причин преступности. Вы не умеете принимать пусть беспощадных, но реалистических решений, вы постоянно витаете там...— Дорон поднял глаза вверх, имея в виду то ли облака, то ли крыши, по которым бегает Гард за своими преступниками.

— Полагаю это своим достоинством, а не недостатком.

— Как знать! Но ладно,— сказал Дорон,— оставим наши историко-политические изыскания. В конце концов, я не фашист и тем более не представитель компрачикосов. Я просто взял максимум, чтобы вам было легче оценить минимум. Ведь дети, находящиеся у нас, отнюдь не жертвы! Они физически и психически здоровы, не уроды и даже не неврастеники, как многие дети в метрополии. Синий цвет кожи? Ну и что? Есть люди с белой, желтой, красной, чёрной кожей — никого это не пугает. Видите, я далеко не расист. Так о каком калечении

вы говорите, Гард? Что преступного в самом факте операции, которая не более болезненна, чем удаление аппендицита.

— И вновь не верю, генерал,— жестко произнес Гард.— У этих детей психика не может быть нормальной.

— С чьей, простите, точки зрения? С вашей? Но, с точки зрения этих детей, ваша психика тоже кажется изуродованной! А кто прав? Вопрос чрезвычайно сложен. Оба мы, вероятно, сойдемся на том, что у здешних охранников души цепных собак, так?

— Что верно, то верно,— согласился комиссар.

— А ведь никакой операции они не подвергались! Это жизнь, обыкновенная жизнь нас всех «оперирует». Согласитесь, Гард, с тем, что главное — синхронизировать человеческую психику с конкретными условиями жизни, чтобы, не дай бог, не было патологического рассогласования. Так?

— Пожалуй.

— Утверждаю: у наших прооперированных детей психика полностью соответствует условиям, в которых они сейчас живут. И, смею вас заверить, что эти условия ничуть не хуже, а даже лучше тех, в которых живут десятки и сотни тысяч детей за пределами нашей зоны. Подождите, комиссар, возражать, не торопитесь,— остановил Гарда генерал, уловив его желание.— Я сам скажу, что вы думаете. Вы думаете, что они заключены в тюрьму и не могут покинуть купол? Для наших обитателей «тюрьма» скоро раздвинется до размеров целой планеты... Вы хотите сказать: они несчастны? Лишены земных благ? Не знают любви, не хотят бегать и не играют в азартные детские игры? Дорогая Дина, достаньте любую кассету из цикла Ф-15! Посмотрите, Гард, пятиминутный фильм из жизни «затворников». Эти ролики не проходят отбора, потому что они не предназначены для посторонних глаз. Вы можете им верить. С вашей проницательностью вы и без моей подсказки легко

определите, инсценировка это или документ. Смотрите, комиссар, и вы, дорогая Сюзи Бейл, как чувствуют себя ваши подзащитные!

Дорон, выключив свое красноречие, театральным жестом показал на уже светящийся экран телевизора. Пошли кадры хроники. Знакомые комиссару синие дети. Вот они учатся, вот читают, купаются в бассейне, обедают, показывают друг другу языки, ссорятся, проказничают, упражняются в гимнастическом отсеке. То и дело среди них появляются взрослые люди в скафандрах,— к ним дети относятся спокойно и привычно, как к воспитателям или учителям. Мелькнула лысина профессора Янша в прозрачном стеклянном колпаке. Съемки дотошно, с академической протокольной точностью фиксировали происходящее, и важное и десятистепенное. Автоматический оператор с такой же скрупулезностью, добросовестностью и бездушием мог бы снимать поведение бактерий на предметном стеклышке микроскопа или рост кристаллов в автоклаве.

Гард оторвал взгляд от телевизора и огляделся. Сон не сон, явь не явь, но абсурдность ситуации поколебала на мгновение реальность происходящего. Неужели это сидит Дорон и на столе перед ним бокал со стерфордом? А это Дина Динст, целиком поглощенная действием на экране? И девушка в купальном костюме, на коленях у которой почему-то лежит полотенце,— Сюзи? А там, у дверей, Таратура с пистолетом в руке? Это он, не мигая смотрит фильм? И эти два профессора, одновременно находящиеся и на экране, и здесь, в комнате,— приосанившиеся, гордые, словно только что совершившие подвиг, они тоже реальность? Как и сам Гард?

А экран демонстрирует чужую жизнь, неправдоподобную и между тем потрясающе нормальную жизнь тех, кто уже не может называться людьми, кто вырван из этого реального мира. И тихо вокруг, ни звука, кроме детских голосов, идущих с экрана, каких-то пискливо-квакающих, нелепых, инопланетных, вероятно, «синхро-

низированных с новыми условиями жизни», как сказал бы Дорон...

Чушь какая-то! Абракадабра! В которую его, Гарда, человека нормального и умного, насильно заставляют верить и... принимать!

— Убедились? — спросил Дорон, словно подслушав гардовские мысли, когда Дина по его жесту выключила телевизор.

— Я уже видел один фильм,— сказал Гард.— У тех детей было выражение ужаса на лице и плавающие походки, они ели какие-то ленты.

Дорон поднял глаза на Дину:

— Вы показали, вероятно, фильм из цикла Ф-8? Не все так просто, комиссар. Те дети находились еще в первых трех стадиях, от «А» до «С», а это уже «Д», так что в конечном итоге... Есть еще стадия «Е», совсем замечательная! Разве они выглядят несчастными?

— Нет. И это, пожалуй, страшнее всего.

— Что именно? — не понял генерал.— Что люди ко всему привыкают? Что смиряются с самыми невероятными условиями жизни? Но, повторяю, критерий счастья — в человеке, а не вне его! Если им хорошо, почему вы за них должны называть это «плохо»?

— Простите, не могу и тут с вами согласиться. Это же дети, несмышленыши! Мы, взрослые, определяем для них меру счастья и несчастья. И то, что над ними совершено насилие, что их человеческую жизнь заменили искусственной — преступно!

— Вы слабый философ, Гард,— со вздохом сожаления произнес Дорон.— И, как мне кажется, неважный педагог. Какой ребенок сам себя формирует как личность? Разве мы, воспитывая детей, не насилуем их волю, разве спрашиваем, какими они хотят быть? Конечно, психофизические задатки у всех людей более или менее разные, ну так и марок стали сколько угодно! Важно то, что общество заинтересовано в стандарте, и оно добивается этого с помощью семьи, школы, казар-

мы, церкви... Мы штампуем психологию детей, как рамы автомобилей. Я, как и вы, тоже продукт общественной технологии, но мы же с вами не кричим на весь мир «караул!», не жалуемся, что наши личности изуродованы, что мы, когда были детьми, подверглись насилию! Почему же, комиссар, наше оригинальное вмешательство в формирование личности вы считаете преступным, а старомодную и далеко не совершенную методологию общественного воспитания — правомерной? Уж будьте логичны, Гард!

— Да, я могу согласиться с вами, что мир плохо устроен. Но из этого вовсе не следует, что, пользуясь его несовершенством, можно творить вообще черт знает что! Эдак мы оправдаем и убийства, и кражи, и вивисекцию, и... даже то, что позволили себе вы и ваши профессора.

Дорон был потрясающе терпелив.

— Скажите, комиссар, вы никогда не задумывались над тем, почему вас, собственно, держат в полиции?

Гард удивленно посмотрел на генерала.

— Нет, не задумывались,— констатировал Дорон.— А ведь вы при всей своей ортодоксальности, казалось бы, противоречите естественному ходу вещей, но вас терпят...

— Какому ходу и чем именно противоречу?

— Ну, своей старомодной рыцарской честностью, жаждой справедливости, желанием покарать зло... Кому все это нужно? Вы нам мешаете, Гард, но мы не даем вам, извините, под зад коленкой! Почему, спрашивается? Да потому, что, когда нет справедливости в большом, должна быть справедливость в малом, чтобы создавалась общая видимость справедливости. Должен быть клапан, дорогой комиссар, чтобы этот несовершенный мир не взорвался! И вы, карая маленькое зло, покрываете зло большое. Вот ваша истинная роль, как бы горько вам ни было это слышать. Поэтому вас и держат в полиции, а не гонят вон, хотя вы по несносности своего

характера уже не раз наступали нам на больные мозоли...

— Кому «нам»?

— Вы думаете, что стоите на страже закона? — оставляя вопрос Гарда без ответа, сказал Дорон.— Что без вашего участия общество превратится в джунгли? Наивный вы человек! В своем мундире порядочности вы стоите в самом центре джунглей, уверенный в том, что ваш мундир облагораживает все общество! А он только обманывает его, создает иллюзию порядка и справедливости. Вы задумывались когда-нибудь о том, для кого законы издаются? И стоят ли они того, чтобы их охраняли? От кого охраняли? Нет, дорогой мой Гард, обращайтесь со своими законами как вам угодно, но нас... Вы спрашиваете: кто это «мы»? Так вот, нас, эти законы издавших, лучше не трогайте. Мы живем по другим правилам, если угодно, по правилам джентльменской игры. Мы издали законы для других, а сами в них просто играем, вы это понимаете? — Гард подавленно молчал.— Вы наше оружие, комиссар, а не оружие против нас! А то, что я сейчас вынужден делать вид, что вас боюсь, так это только вид, и объясняется моя вынужденность вовсе не тем, что вы комиссар полиции и олицетворяете закон, а тем, что вы угрожаете мне силой! — Дорон бросил взгляд на Таратуру и продолжил: — Через минуту пистолет окажется в руках моего помощника, и тогда уже я заткну вам глотку, комиссар! При чем тут закон, который вы так ревниво охраняете? Давайте исходить не из того, что преступно в этом мире и что не преступно, а из того, кто из нас в данный момент сильнее. Вы? Вот мне и приходится вас убеждать... Как видите, я откровенен с вами, Гард, надеясь на то, что, как человек умный, вы поймете наивысшую справедливость, заложенную в моих словах. В конечном итоге тягаться со мной вам будет трудно, это вам тоже следовало бы понять. А теперь — к делу. Уж больно заговорились.

Дорон уже был полным хозяином положения, это чувствовали все, и Гард в первую очередь. Пистолет в руках Таратуры выглядел пережитком прошлого.

— Что я хочу от вас? — сказал Дорон, словно Гард был его машинисткой, а он собирался продиктовать ему некий текст.— Я хочу из врага превратить вас не просто в постороннего человека, а в своего единомышленника.

— Это уже слишком! — сказал Гард и мрачно добавил: — Скорее в соучастника?

— Об этом уж я не мечтаю! — улыбнулся Дорон.— Во всяком случае, я хочу, чтобы вы прониклись той целью, ради которой затеян весь эксперимент. Думаете, у меня не было сомнений — запускать его или не запускать? Были. Но если бы не я начал это дело, начал бы кто-то другой... и вовсе не в Ньюкомбе, комиссар! Дело в том, что существует несколько аспектов решаемой нами проблемы. Прежде всего национальный. О нем я говорить долго не буду, вам и так ясно, что нация, первой колонизировавшая другую планету, получает огромные преимущества. Другой аспект — чисто человеческий: расширение сферы жизни, овладение энергетическими источниками,— в понятие «человеческий» аспект я вкладываю весь комплекс, состоящий из социального, экономического, культурного и прочих аспектов, словом, все то, что демагогами и журналистами называется «победой разума»...

— Победой во имя чего? — спросил Гард, продолжая оказывать Дорону хоть слабое, но все же сопротивление.

— Во имя прогресса! — торжественно ответил генерал, прекрасно понимая, что этот ответ тоже содержит изрядную долю демагогии, но его, можно сказать, уже «несло».— Разумеется, есть и сугубо личный аспект, который я не намерен скрывать от вас, комиссар: мой собственный! Человек, осуществивший такую программу,— надеюсь, вы это понимаете,— становится полновластным хозяином по крайней мере колонизированной планеты!

Что же касается будущих марсиан, то, не попади эти люди к нам, они были бы простыми клерками, рабочими, рядовыми интеллигентами, вели бы рутинную жизнь, имели бы рутинные радости и огорчения, а в конечном итоге к ним пришло бы полное забвение. Теперь же их ждет судьба первых колонистов — суровая, трудная, но прекрасная и героическая, полная романтики. Их имена будут золотом вписаны в историю!

— Почему бы вам, генерал, не быть среди них? — сказал Гард.

— А что? Если бы не земные заботы...— Дорон без особого труда изобразил на лице всю сумму этих забот, помешавших ему влезть под купол.— Кстати сказать,— продолжил он через паузу, совершенно ошарашив Гарда,— наша дорогая Дина отдала своего единственного ребенка профессору Яншу...

Комиссар вскинул на Дину глаза и увидел не лицо, а белую маску.

— Хорошо,— сказал Гард,— тогда объясните мне, генерал, почему, располагая таким количеством доводов в пользу вашей программы колонизации Марса, вы так страстно желаете сделать меня единомышленником, а не...

Дорон понял с полуслова.

— Вы хотите спросить, чего я боюсь? — произнес он все с той же нестерпимой откровенностью, которую можно позволить себе лишь с человеком, неотвратимо приговоренным к смерти, или с самым близким другом, при этом глухонемым.— Извольте. Я боюсь разглашения моей тайны, но вовсе не среди широких масс народа. Тут я все рассчитал: народ мне не помешает, я знаю его психологию раба, скорее он мне поможет! Я боюсь равных себе, комиссар. Узнав об этом деле, они начнут меня бояться и сорвут эксперимент.

— Что же тогда будет? — спросил Гард.

— Плохо будет,— с необычайной простотой ответил генерал.— Они приведут в действие тот самый формаль-

ный закон, который вы олицетворяете, и посадят меня в тюрьму, благо кое-какие формальные основания для этого могут быть найдены. «Зону» они прикарманят, поделят между собой, у нее будет не один шеф, как сейчас, а десяток или полтора. Или просто ее уничтожат, если не смогут договориться, это очень легко сделать — нажатием одной кнопки. И все это со всеми обитателями, как синими, так и белыми, взлетит на воздух.. — Дина Динст вздрогнула при этих словах и сжала пальцами виски.— Но как бы там ни было,— продолжил Дорон, не обратив внимания на Динст,— сорвется эксперимент или осуществится, моим пациентам нет дороги на Землю: либо на Марс, либо на тот свет, либо вечное заточение в этом инкубаторе под куполом.

— Н-да,— сказал Гард.— Ну а я тут при чем?

— От вас зависит решение вопроса. Уничтожить вас я сейчас не могу, простите за циничное признание. Я ведь понимаю, что вы проникли сюда, сохранив где-то гарантию своей неприкосновенности. Но если вы, комиссар, мне пока не по зубам, я хотел бы иметь вас в виде единомышленника.— Дорон улыбнулся.— У вас безвыходное положение, Гард!

— Тупик.

— Да, тупик. И у меня тоже.

Они умолкли и некоторое время молчали.

— Мне действительно трудно, как никогда,— признался Гард.— Увы, генерал, единомышленник из меня все же не получится, хотя ситуация обрисована вами достаточно верно и в логике вам тоже не откажешь. Я плохо спорил с вами, но не потому, что был согласен с вашими доводами, а потому, что общество, в котором мы живем, не подсказывает мне убедительные аргументы против. Больше того, оно скорее аргументирует ваше мракобесие,— стало быть, стоит того, чтобы вы существовали и делали свое черное дело. Это обстоятельство ставит меня в настоящий тупик, генерал! Я ничего не могу поделать ни с моим обществом, ни с вами, я спо-

собен лишь на маленькое конкретное добро, а оно заключается в том, чтобы спасти жизнь несчастным обитателям купола. Сто пятьдесят детей, в числе которых сын моего друга и ребенок Дины Динст — ваши заложники. И не только ваши! Они как бы заложники пороков нашего общества — я давно это понял, генерал, но я на что-то надеялся, искал лазейку, позволял вам выговориться до конца...— Гард подошел к столику, взял бокал и одним махом опрокинул в себя его содержимое. Затем произнес, слегка поморщившись: — Ладно, давайте исходить из того, что мир все же будет оповещен о случившемся.

— Как вас понимать? — резко спросил Дорон, изменившись в лице.

— Мадам,— сказал Гард, повернувшись к Дине Динст,— теперь вы можете, я позволяю вам безнаказанно объявить своему шефу то, что сидит на кончике вашего языка, но не срывается из-за боязни получить пулю в переносицу.

— Дина! — нетерпеливо воскликнул Дорон.— Что все это значит?

— Здесь был журналист Честер,— устало произнесла Динст.

— А сейчас,— добавил Гард,— как видите, его нет.

Генерал, еще не веря своим ушам, остервенело огляделся вокруг, словно хотел убедиться, что Честера действительно нет, и вдруг сделал ладонями ровно три тихих хлопка, означающих «бурные аплодисменты» в адрес комиссара Гарда. Затем сделал паузу и, дав волю своим истинным чувствам, с силой ударил кулаком по столику. Бутылка стерфорда, подпрыгнув, перевернулась. И в следующее мгновение Дорон уже смеялся, из него воистину мог бы получиться блестящий актер.

— Какой замечательный, но чрезвычайно глупый ход! — проговорил он сквозь приступ смеха.— Ну и концовка! Надеюсь, вы понимаете это, комиссар? Или вы все еще не согласны с тем, что в интересах того же

маленького Честера старшему Честеру следует молчать?

Гард стоял, склонив голову, словно ему на затылок тяжело давила чья-то рука.

Немного успокоившись, Дорон сказал:

— Да, это резко меняет ситуацию. Давно ушел Честер?

— Что вы хотите предложить? — спросил Гард.

— Догнать его. Вернуть.

— И что дальше?

— Уговорить молчать! Да опустите свой пистолет! — заорал Дорон инспектору Таратуре.— Скажите ему, комиссар! Я гарантирую вам безопасность! Всем! Вы мне нужны живые и невредимые! Остановите Честера, и я сделаю его и вашу жизнь безбедной, я...

— Честер уже покинул «зону»,— перебил Гард.— Кроме того, я уверен, что он не пойдет на наши уговоры, даже если бы попытались его уговорить.

— Так...— Дорон хрустнул пальцами рук.— Очень глупо. Это же глупо, комиссар Гард. Вам все равно следует попытаться...— Затем генерал произнес тихо, как бы говоря сам с собой: — Разгром типографий левых газет не поможет, есть печать других стран... Но дело даже не в этом. Члены Тайного совета все равно узнают... Так. Вы можете сказать мне, где будет находиться Честер, я сам попытаюсь его урезонить?

— Он мой друг,— коротко ответил комиссар.

— Как вы старомодны!

— Я хорошо знаю ваши «резоны», генерал.

— Ладно,— поморщился Дорон,— позвольте мне отдать наверх кое-какие распоряжения.

— Какие именно?

— Я хочу помочь вам и вашим спутникам как можно быстрее оказаться на материке. Надеюсь на ваше благоразумие, комиссар. Здесь вы мне совершенно бесполезны. А там... Только вы способны остановить Честера, потому что вы, надеюсь, понимаете, как это необходимо

ему же, и только вы знаете, где его можно найти. Выходите сами из тупика, Гард! Если вы действительно хотите сохранить жизнь детей...

Глава 18

А ЖИЗНЬ НЕ СТОИТ И ЛЕММА...

— Линда? Это Дэвид.
— Слышу.
— Новости есть?
— Увы.
— Знаете, я сбился с ног.
— Ах, Дэвид!
— Тот звонил?
— И опять не назвался.
— О Фреде никому не слова. Вы слышите, Линда?
— Слышу. Скажите мне правду о Майкле.
— Нужно держаться, дорогая.
— Я не ребенок, Дэвид.
— Могу повторить: он жив. Остальное потом.
— За что вы меня мучаете?
— Я позвоню позже.
— Ах, Дэвид!

Честер как в воду канул. Он мог вернуться в Нью одновременно или чуть раньше Гарда, но розыски, организованные комиссаром, дали пока нулевой результат. В конце концов Фред должен был явиться домой или хотя бы позвонить жене, и Гард уже в пятый раз беспокоил Линду.

Конечно, Честер молодчина, он прекрасно законспирировался, понимая, что имеет дело с опасным противником. Но если он знает, что Гард уже в городе, скрываться от комиссара глупо, а если он думает, что Гард еще

в «зоне», давно пора поднимать тревогу. Впрочем, не исключено, что Фред еще сам не выбрался с острова. А вдруг он застрял в трубе, сидит там со своим Шизом и ждет помощи? Или, что еще хуже, и помощи уже не ждет?!

Комиссар не на шутку волновался.

Возле квартиры Честера, перед входом во все без исключения редакции левых газет, на аэродромах и у дворца президента — всюду были расставлены посты, держащие прямую связь с дежурным по управлению. Сам комиссар объездил на машине любимые и наиболее посещаемые Честером кабаки, побывав даже в «Указующем персте», с которым Фред разругался больше года назад.

Таратура был оставлен на острове: вдруг Честер еще там и ему понадобится какая-нибудь помощь! Сюзи находилась с инспектором, и Гард был спокоен хотя бы за то, что сведения о «зоне» никуда не просочатся, пока он сам не даст соответствующей команды.

В четыре дня позвонил Дорон, тоже вернувшийся в Нью. Словно отчитываясь перед Гардом, он сообщил, что его люди проверили списки лиц, покинувших за последние сутки остров Холостяков, но фамилии Честера не обнаружили.

— Вы сами понимаете,— сказал генерал,— это еще ни о чем не говорит.

— Проверьте трубу, через которую «зона» сбрасывает воду в море,— посоветовал Гард после некоторого раздумья.

— Вот как? — сказал Дорон.— Очень интересно. Хорошо, проверим.

— С участием Таратуры,— добавил Гард.— Я дам ему необходимые указания.

Еще через час Дорон сообщил — через минуту это

же подтвердил Таратура,— что в трубе чисто. «Слава богу!» — подумал Гард.

— Он не мог покинуть «зону» еще каким-нибудь путем? — спросил генерал.

— Вам лучше знать эти пути,— ответил Гард.

В четверть шестого раздался звонок из канцелярии президента.

— Говорит Джекобс. Вы, Гард?

— Точно.

— Так я и думал. Будьте здоровы.

И трубка дала отбой.

Гард немедленно соединился с Джекобсом и спросил старика, чем вызван его странный звонок.

— Обычная история,— ответил секретарь президента.— Какой-то сумасшедший или подвыпивший весельчак сообщил мне по телефону, что вы попали на острове Холостяков в трудное положение и что вас нужно выручать. Как вы понимаете, комиссар, я благодарен вам за то, что вы в Нью, а я избавлен от лишних хлопот.

«Это, конечно, Честер... Но боже мой,— подумал Гард,— как он неумело действует!»

— Любопытно,— переходя на шутливый тон, сказал комиссар,— что бы вы делали, не окажись я на месте?

— Раскошелился бы на свечку,— мгновенно ответил Джекобс.

— А серьезно?

— На две свечки!

Да, старину Джекобса голыми руками не возьмешь...

— Дэвид? Линда.

— Да-да, я слушаю.

— Не помешала?

— Напротив. Что-нибудь случилось?

— Этот опять звонил.

— Не обращайте внимания.
— Мне надоело. Ничего, если я скажу, что Фред приехал?
— Линда, он действительно приехал?
— Я так скажу, чтобы он отстал.
— Лучше не обращайте внимания.
— Дэвид, я увижу Майкла?
— Он жив, и это все, что я могу вам сказать, Линда.

Вскоре позвонил Дорон:
— У вас есть новости?
— Есть просьба, генерал,— сказал Гард.— Оставьте в покое жену Честера. Она уже на пределе. Ваши люди ее замучили.
— Хорошо, я подумаю,— сказал генерал,— а...
— Новостей нет,— перебил Гард.
— Никаких?
— Абсолютно.
— Договоримся о главном,— произнес Дорон металлическим голосом.— Или я могу вам доверять, или не могу. Ситуация не терпит неясностей в этом вопросе.
— Я к вашим услугам, генерал.
— Почему вы не сообщаете мне о звонке из канцелярии президента?
Гард не сразу нашелся, что ответить.
— Но вы и так знаете об этом,— сказал он через паузу.
— Разумеется! Ведь анонимный звонок Джекобсу мною организован!
Гарду пришлось сделать еще одну паузу.
— Вы проверяли меня, генерал?
— Отдаю долг вашей удивительной проницательности.
— Благодарю за комплимент,— сказал Гард.— Откровенно говоря, я сам хочу иметь дело с Фредом Честером, а уж потом доложить вам о результате.
Дорон не ответил.

Ночью Гард был в управлении, поддерживая связь со всеми постами. Уже не в первый раз, работая как бы заодно с Дороном, он одновременно действовал против него, оберегая от генерала предмет их общих забот. Это создавало дополнительные трудности, поскольку комиссар «простреливался» с двух сторон, занимая все ту же «круговую оборону»: там, где были его люди, непременно находились люди Дорона.

Черт возьми, как не хватало комиссару Мердока!

Таратуре больше не было смысла торчать на острове, и Гард отдал ему распоряжение возвращаться домой.

— Одному? — спросил инспектор.

— Вместе,— сказал Гард, подумав о том, что Сюзи Бейл с бóльшим успехом сохранит тайну, если будет при Таратуре.

В семь утра в полицейское управление приехал Дорон. Без предупреждения. Даже без выяснения того, на месте ли комиссар. Невероятно, но это так: член Тайного совета лично посетил комиссара Гарда! Он вошел в кабинет, даже не взглянув на оторопевшего сержанта, и бросил на стол Гарда утренний выпуск «Все начистоту» — левой газеты, издающейся на средства подписчиков.

— Первый ход сделан,— резко произнес Дорон,— важно не пропустить второй!

Гард увидел громадный заголовок, шапкой стоящий на полосе: «Верните моего Майкла!» Быстро пробежав глазами статью, комиссар понял, что это, собственно, даже не статья, а анонс к ней, сделанный второпях, на одном дыхании. Честер, по всей вероятности, не имел времени на тщательное обдумывание материала, он просто кричал! Кричал о том, что его маленький Майкл живет на острове Холостяков в таинственной «зоне», возглавляемой таинственным «шефом», что у бедного мальчика синяя кожа и синяя кровь, что ему и многим

другим детям, находящимся под зловещим куполом, сделана операция и что он, Фред Честер, собственными глазами видел леденящую душу картину и теперь свидетельствует перед читателями ее достоверность. О том, как был украден Майкл, как нашел его Честер и с чьей помощью, что представляет собой купол, что за профессора, орудующие в «зоне», и прочие подробности газета обещала рассказать читателям в следующих номерах. Тут же следовал призыв: «Оформляйте годовую подписку на нашу газету!» А под призывом была опубликована фотография ребенка с синим лицом: ребенок жевал бумажную ленту и смотрел на читателя взором, полным ужаса. Это был, конечно, увеличенный и матрицированный кадр из фильма, унесенного Фредом из «зоны».

— Мне удалось блокировать часть тиража,— сказал Дорон,— но дело теперь не в этом. Люди уже знают. Со слухами даже я бессилен бороться. Впрочем, положение пока не столь катастрофическое...

— Минуту, генерал.

Гард взглянул на схему постов, вызвал по селектору «девятого» и спросил его, как получилось, что Честер вошел в здание редакции незамеченным.

— Не входил, комиссар,— ответил «девятый»,— если он не сделал себе пластической операции!

— Хорошо,— сказал Гард.— Удвойте внимание. Скоро наверняка войдет... Я слушаю вас, генерал.

— У меня есть возможность,— энергично начал Дорон,— превратить сообщение Честера либо в розыгрыш, либо в бред сумасшедшего, либо в анонс научно-фантастического рассказа. Но дальнейшие разоблачения вашего друга, его следующие публикации...

«Какие разоблачения? — подумал Гард.— Фреду ничего же не известно... Правда, с ним Шиз, но много ли знает рядовой электрик? Быт «синих» людей, образ жизни, какие-то случаи, истории, способ их охраны, фамилии профессоров, некоторые подробности о Дине Динст — что еще? Впрочем, и это немало...»

— Джинн выпущен из бутылки,— сказал Гард, словно бы подводя черту под своими размышлениями.

— Чепуха! — воскликнул Дорон.— Я все улажу. Мне важно, чтобы Тайный совет не узнал истинных целей эксперимента и чтобы мое имя нигде не фигурировало. Кстати, ваше имя тоже пока не задето.— Генерал посмотрел в глаза Гарда.— Скажите, комиссар, что знает и чего не знает Честер? Я задаю глупый вопрос? Возможно...

— Он не один, генерал,— сказал Гард.

— Да, я знаю, с ним ушел сотрудник «зоны» Вальтер Шиз. Электрик. Что он может знать, если есть сведения, которые недоступны даже Дине Динст! Буду откровенен с вами, комиссар. Если бы я мог убрать вас всех — всех! — одновременно, я бы так и сделал. И кончен бал! Увы, я понимаю, что Честер — гарантия вашей безопасности, как вы — его. И еще этот ваш Таратура с девчонкой. И мой Шиз... («Ни при каких обстоятельствах,— подумал Гард,— нам нельзя оказываться всем вместе!») Короче говоря,— продолжал Дорон,— я вновь протягиваю вам руку, комиссар. Действуйте! Теперь все зависит от вас. Уговорите Честера замолчать! Вы-то, надеюсь, понимаете, что его болтовня приведет к неминуемой гибели двухсот с лишним человек и собственного сына? Мне их не жалко, они уже не люди, но вы...

— Я сделаю все, что в моих силах,— сказал Гард, вставая.— Но именно я сделаю, генерал. Не вы!

Через два часа у входа в редакцию «Все начистоту» группа, возглавляемая Таратурой, спокойно и аккуратно взяла Вальтера Шиза. При задержании электрик произнес только одну фразу, и то лишь тогда, когда увидел за рулем автомашины инспектора Таратуру: «Хорошо, что это ты, черт возьми!» Его привезли в управление и ввели в кабинет Гарда. Он был совершенно невозмутим.

— Сначала я думал,— сказал Шиз,— что ребята от шефа, к чертовой матери! Даже испугался.

— А вам известно, кто ваш шеф? — улыбаясь, спросил Гард.

— Черт его знает! — ответил Шиз.— Не Дорон?

Комиссар опешил:

— Откуда у вас такие сведения?!

— Фредик сказал. Он парень головастый.

— Линда?

— Дэвид! Боже мой, куда вы запропастились! Я с ума схожу, а вам...

— Линда...

— Как будто меня не существует! После этой ужасной статьи, после фотографии — как вы могли, Дэвид! Но это не Майкл! Неужели это мой сын?!

— Линда...

— Что они сделали с Майклом? Я не узнаю его! Куда мне идти? Где этот купол? На острове Холостяков? Я немедленно...

— Линда!

— Но что я могу сделать одна? Бедная, несчастная женщина... Где Фред? Если он печатает статьи, то почему...

— Линда, дайте хоть слово вымолвить!

— Что толку от ваших слов! До каких пор вы будете морочить мне голову?!

— Успокойтесь, Линда! А Фред — вот он, рядом. Можете с ним говорить!

Дитрих кошачьей походкой вошел в кабинет Дорона.

— Ну? — коротко спросил Дорон.

— Сожалею, но... Гард исчез.

Дорон молча посмотрел на Дитриха.

— В четырнадцать двадцать семь он выехал с Та-

ратурой из управления,— продолжал секретарь,— и мы его потеряли.

— Прекрасно,— съязвил генерал.— Честера еще не нашли, а Гарда уже упустили. Представить всех к орденам?

Дитрих не пошевелился, выражение его лица не изменилось. Казалось, никакие чувства не были ведомы этому человеку: ни страх, ни сострадание, ни ненависть, ни любовь. Автомат, вся сила которого — в безропотном автоматизме. Но Дорон, вероятно, все же отлично знал своего секретаря, если по каким-то совершенно неуловимым признакам понял, что тот сказал еще не все.

— Ну? — снова произнес генерал.

— В шестнадцать ноль четыре Гард звонил жене Честера. Сначала он сам говорил с Линдой, затем трубка была передана Фреду Честеру.

Дорон всем телом подался вперед.

— К сожалению, генерал,— спокойно произнес Дитрих,— они звонили из машины комиссара.

— Содержание разговора?

— Общие слова.— Дитрих протянул Дорону маленькую кассету с магнитофонной пленкой.— Если угодно, запись здесь.

Генерал раздраженно махнул рукой, и кассета легла в бездонный карман Дитриха. Дорон с минуту отбивал указательным пальцем барабанную дробь по столу.

— Плохо, Дитрих,— вдруг просто сказал генерал.— Ох, как плохо!

Дитрих закрыл глаза и не открывал их до тех пор, пока Дорон не отдал распоряжение:

— Холла и Рейдинга! И сами побудьте здесь. Вы мне потом понадобитесь.

Ближайшие помощники генерала уже битых два часа томились в приемной...

— Фреди, давай еще раз обдумаем все сначала. Я не могу тебе запрещать, не могу от тебя требовать, поэтому прошу.

— Если бы я не знал тебя, Дэвид, то решил бы, что ты подослан Дороном.

— Это близко к истине, но не меняет существа дела. Есть логика, есть здравый смысл...

— Хорошо, давай обдумаем.

Они сидели в небольшой комнате, обставленной вещами, давно вышедшими из моды. Как по линиям на пне, по этим вещам можно было определить, сколько десятков лет минуло с той поры, когда кончилось благополучие этого дома. Впрочем, делать специальных изысканий не было нужды, так как Вальтер Шиз, которому принадлежала квартира, находился тут же. Он сидел в высоком «тронном» кресле, по-королевски уронив голову на грудь, и задумчиво разглядывал торшер из массивного литого серебра, не только не принимая участия в общем разговоре, но даже не прислушиваясь к нему. Немногословность Шиза, как полагал Гард, могла свидетельствовать в равной степени либо об ограниченности его ума, либо, наоборот, о его мудрости. Шиз все еще оставался загадкой для комиссара, который так и не понял и не видел смысла в том, чтобы это выяснять, почему Вальтеру Шизу, человеку весьма странному, пришлось когда-то бросить насиженное гнездо, заколотить маленькую квартиру, закрыть вполне приличное и доходное дело и податься на остров Холостяков, чтобы приобщиться там к мрачной и таинственной «зоне», а затем так же необъяснимо порвать с ней, то есть со своим будущим, и вернуться к прошлому. Массивный торшер вызывал, вероятно, у Шиза какие-то воспоминания, но какие именно, Гард не понимал, поскольку Шиз обронил вслух лишь несколько слов, дающих возможность предполагать все, что угодно. Он сказал: «Наследство жены, черт бы ее побрал!» — и вновь умолк.

К «черту» Шиза Гард уже успел привыкнуть.

Конспираторы! Это же смех: перебраться с острова на материк и, не путая следов, почти на виду у всех прямым ходом направиться в пустовавшую квартиру Шиза! Только абсолютная нелепость такого «хода» помешала Гарду (и, вероятно, Дорону) предположить его возможность.

Однако Дорон еще может хватиться, надо поторапливаться... Тем более что все они, кроме Сюзи, которую инспектор, пользуясь какими-то старыми своими отношениями и связями, пристроил инкогнито в заведение «Милости просим на два часа!», оказались вместе, как безмозглые мухи, сползшиеся, казалось бы, специально для того, чтобы быть прихлопнутыми одним ловким ударом мухобойки.

— Таратура, там все в порядке? — спросил Гард.

Инспектор, который был рядом, оторвался от окна, через которое он наблюдал узкий дворик и аллею, ведущую к подъезду дома, и ответил:

— Как у Христа за пазухой, шеф!

— Отлично. Итак, Фреди, предположим, ты продолжишь свои разоблачения, назовешь все фамилии, адреса, даты. Беру невероятный с точки зрения логики вариант: тебе верят, общественность возмущается, правительство вынуждено принять меры, Дорона подвергают аресту. Что будет с Майклом и остальными детьми?

— Что? — сказал Честер.

— Они погибнут, как только их «освободят». Значит, чтобы сохранить им жизнь, надо навечно оставить их в Куполе!

— Это немыслимо, но... твое предложение?

Гард тяжело вздохнул.

— Увы, Фред, изменить что-либо в судьбе детей мы бессильны. Только жажда возмездия руководит нашими поступками! Что же касается Майкла и всех остальных... не лучше ли предоставить событиям течь своим чередом? Марс — тоже планета, им будет там лучше, чем в куполе, и по крайней мере не хуже, чем на Земле.

— Ты способен сказать все это Линде? — почти шепотом спросил Честер.

Гард не ответил.

— И зло, я считаю, должно быть наказано! — продолжал Фред.— Если завтра Дорону понадобятся новые «покорители» Марса, мы не позволим ему покупать или красть новые человеческие жизни!

— Полагаю,— сказал Гард,— нам удастся получить у него в обмен на молчание гарантию прекращения дальнейшей деятельности «зоны».

— Черта с два! — сказал вдруг Шиз.— Его гарантия — пуля!

— Нет, Дэвид,— воскликнул Честер,— не могу с тобой согласиться! У любого яда есть противоядие. Если срочно дать ученым государственной важности задание, если привлечь к делу такие умы, как Чойз, они решат проблему! Я не могу не надеяться на то, что детям вернут Землю! Не могу!

Честер нервно заходил по комнате.

— Реальность твоих надежд минимальна,— жестоко произнес Гард.

— Пусть! Но даже самый ничтожный шанс я обязан использовать. Ну как ты меня не понимаешь?!

Гард тоже встал с кресла, тоже заходил из угла в угол, но, встречаясь на середине комнаты, они старались не задевать друг друга. Не только физически, даже словом, но Гард скоро не выдержал.

— Убивать всегда было легче, чем спасать от смерти,— сказал он.— Те же Биратончелли и Янш занимались перестройкой человеческого организма более десятка лет. Сколько десятилетий должно уйти на то, чтобы исправить зло?

— Согласен,— мрачно сказал Честер,— но что из этого следует? Необходимость смирения? Или все же сделать попытку поискать шанс спасти детей?

— Мне трудно с тобой говорить, ты слишком заинтересованное лицо,— ответил Гард.

— Знаешь, Дэвид! — Честер сжал кулаки, но, быстро совладав с собой, только приблизился к комиссару и продолжил срывающимся от волнения голосом: — А ты, выходит, человек, менее заинтересованный? Ты хочешь сказать, что у меня там сын, а у тебя там сына нет? И поэтому я так отчаянно хочу вернуть детей к нормальной земной жизни? И это говоришь ты, поборник справедливости? Но можно ли в принципе защищать «чужую» справедливость, если стать на твою точку зрения? И «чужую» жизнь, «чужое» здоровье, «чужую» честь — ты подумал об этом? Можно ли вообще бороться против зла, если исходить только из личной заинтересованности?

Таратура, забыв об окне, внимательно смотрел на Гарда, и даже Шиз прервал свое мрачное созерцание серебряного торшера.

Гард с жадностью закурил. Да, он имел дело с двумя правдами, одна из которых принадлежала Честеру, другая — Дорону. Как это ни парадоксально, но теперь, когда зло уже свершилось, в позиции Дорона тоже была логика, был резон, была тупая правда безвыходности. Кому же из них отдать предпочтение? — думал комиссар и вдруг понял, что решить этот вопрос «извне», со стороны, стоя между Честером и Дороном, нельзя. Никакая «объективность» не может быть судьей в битве добра и зла, надо занять позицию, определить свое место: либо рядом с Честером, либо не рядом с ним — и тогда не будет сомнений и противоречий...

— Так,— сказал наконец Гард.— Таратура, вам следует немедленно и с соблюдением предельной осторожности переправить сначала Линду Честер, а затем Сюзи Бейл ко мне в управление. Мы едем туда не теряя времени!

Совещание у Дорона кончилось через двадцать минут после того, как началось. От Холла и Рейдинга у

генерала не было секретов — так, по крайней мере, считалось,— и оба помощника испытали состояние, близкое к панике, когда Дорон ввел их в курс дела. Да, они читали публикацию журналиста Честера, да, они знали, что комиссар полиции Гард самым невероятным образом проник в «зону» и открыл их тайну, но при всем при этом они не лишали себя надежд на то, что генерал обладает достаточными силами, чтобы пресечь действия нежданно-негаданных противников. Когда же Дорон откровенно признался своим приближенным, что события стали выходить из-под его контроля, что дальнейший их ход зависит от того, какую позицию займут Гард и Честер, а их следы в настоящий момент утеряны, Рейдинг и Холл, не колеблясь, оценили ситуацию как предельно опасную.

План действий был разработан ими достаточно четко, он исходил из трех возможных вариантов.

Первый: Гард и Честер, объявившись в ближайшие десять часов — именно столько времени оставалось до выхода очередного номера «Все начистоту»,— принимают сторону генерала Дорона. И тогда:

отбой по всем каналам;

принятие мер, ликвидирующих последствия единственной честеровской публикации (вплоть до объявления журналиста сумасшедшим или официального и публичного признания его в том, что статья опубликована в коммерческих целях);

установление постоянного наблюдения за лицами, так или иначе оказавшимися в курсе дороновских дел (то есть за Гардом, Честером, его женой Линдой, инспектором Таратурой, Сюзи Бейл и, разумеется, Вальтером Шизом), с тем чтобы через некоторое время, в наиболее подходящий момент, аккуратно и без следов всех уничтожить, по возможности одновременно;

тему «Космос» форсировать, хотя и сузить круг непосредственных исполнителей вдвое, увеличив во столько же раз охрану «зоны».

Второй вариант: Гард и Честер в течение ближайших десяти часов не дают о себе никаких вестей или, объявившись, открыто заявляют о непринятии стороны генерала Дорона. Тогда:

немедленный разгром типографии и редакции «Все начистоту» (во всяком случае, за час до выхода тиража очередного номера) с поручением этого дела бригаде «Молния-1»;

немедленная ликвидация группы Гарда по ее первому обнаружению — любыми способами и любой ценой, дабы пресечь дальнейшие разоблачения, с поручением этого дела бригаде «Фильтр-А»;

уничтожение бригады «Молния-1» с поручением этого дела бригаде «Фильтр-А»;

уничтожение бригады «Фильтр-А» с поручением этого дела бригаде «Фильтр-Б»;

уничтожение бригады «Фильтр-Б» с поручением этого задания бригаде «Молния-2»;

немедленное установление контакта с членами Тайного совета, которые, надо полагать, во имя спасения общества и государства благосклонно отнесутся к генералу Дорону, его приближенным и его делам, за что генерал уступит членам Тайного совета часть своих интересов по программе «Космос».

Третий вариант: Тайный совет не принимает предложения Дорона и в силу каких-то непредвиденных причин занимает позицию Гарда и Честера. Тогда:

срочный перевод капитала за границу;

ликвидация «зоны»;

взрыв купола;

перевод в резерв сотрудников Института перспективных проблем по списку № 1 с последующей работой на нелегальном положении и одновременная ликвидация остальных, не вошедших в список, с поручением этого дела бригаде «Молния-2»;

организация отъезда Рейдинга, Холла, Янша, Бира-

тончелли и, разумеется, генерала Дорона с Дитрихом за пределы страны.

— Как видите, господа,— сказал улыбаясь Дорон,— у нас с вами нет безвыходных ситуаций. Желаю успеха. Дитрих, останьтесь.

Когда ближайшие помощники генерала вышли, Дорон открыл сейф, покопался в бумагах и, повернувшись к Дитриху, протянул ему чек.

— Дитрих,— сказал генерал,— если получится третий вариант, вам следует позаботиться о двух профессорах и о себе. И все, Дитрих.— Дорон кивнул в сторону только что ушедших помощников.— Больше того, они, возможно, нам помешают, как и «Молния-2». Вопросы есть?

По секретному статусу Комитета Дитрих, кроме секретарских обязанностей, исполнял обязанности руководителя бригады «Молния-3», хотя не мог головой поручиться за то, что не существует еще «Молния-4». На чек Дитрих тем не менее даже не взглянул, зная, что генерал хорошо платит, когда нужно хорошо платить. Он стоял каменной статуей, невидящими глазами глядя перед собой. Он все понимал, он все чувствовал, все мог предсказать, все мог исполнить.

Одного не ведал Дитрих: когда Дорону понадобится избавиться от самого Дитриха, кому он поручит это дело. Неужели какой-нибудь Дине Динст?! Кстати, почему бы ей не возглавлять «Молнию-4», если такая бригада в самом деле существует?

— Они осадили нас, как медведя в берлоге,— сказал Таратура.— Я насчитал по крайней мере человек двадцать! Ничего не боятся! Уж на что мои ребята работают грязно, эти вообще не скрываются. Пошли, наверное, ва-банк...

Линда не слушала инспектора, она лихорадочно металась по квартире, собирая какие-то зубные щетки, раз-

ноцветные скляночки, мази, пасты, потом открыла стенной шкаф и стала бросать в чемодан детские вещи.

— Зачем это? — спросил Таратура.

— Майклу,— коротко ответила Линда.

Инспектор не решился возражать, только пожал плечами.

— У вас один выход? — спросил он, когда Линда, безмерно устав от суеты, присела на краешек кресла, как бы перед дорогой.— Готовы? Нам лучше бы выйти черным ходом.

— Там хорошо кормят? — спросила вдруг Линда.

— Где? В управлении?

— В куполе.

— При чем тут купол, мадам? Мы едем в управление, так приказал комиссар.

— Он может приказывать вам. Я спрашиваю, там хорошо кормят? Майкл очень любит спаржу, я должна захватить ему немного спаржи.

Таратура промолчал. Подумал: бедняжка, совершенно потеряла ориентацию, как бы это не кончилось печально для головы...

— Только, пожалуйста, побыстрее. Нам давно пора быть на месте.

За машиной, в которую сели Таратура и Линда, сразу двинулись два «мерседеса». Инспектор нарочно выбрал самый длинный, но относительно безопасный маршрут: через центр города. «Вот они удивятся, когда я привезу их в полицейское управление!» — подумал он о «мерседесах». Линда полностью отключилась: за всю дорогу ни единого слова.

В редакцию «Все начистоту» комиссар Гард входил твердыми шагами. Он справедливо полагал, что людям Дорона никогда не придет в голову, что может лежать в правом боковом кармане его пиджака, а сам факт появления комиссара в газете будет истолкован Доро-

ном как попытка уладить дело. Что же случится потом, когда все выяснится,— о, боже, что случится потом! — лучше пока не думать...

Только одной мерой предосторожности воспользовался Гард: он посадил к себе в машину трех здоровых полицейских из числа тех, которых Честер называл «громилами»: максимум бицепсов, минимум мозгов. Всякое могло случиться, тем более что, избегая Дорона, Гард потерял на какое-то время нить его логики.

Метранпаж провел комиссара в кабинет «лорда Аута», редактора газеты, которого все звали «лордом Аутом» потому, что он всю жизнь стремился в лорды, но неизменно оказывался в ауте. На самом деле его следовало называть Беном Гарбузье, но этого, кажется, уже никто не помнил, даже он сам. Невероятно шустрый и многословный, утомительный, если принимать его в больших дозах, лорд Аут тем не менее был человеком смелым, рискованным, даже авантюрным, и этим снискал к себе всеобщее уважение. «Лучше получить пулю в лоб,— говорил он часто, добродушно улыбаясь,— чем благополучие в задний карман брюк!» До пули в лоб ему было еще далеко, но до благополучия еще дальше.

— Комиссар! — воскликнул лорд Аут, поднимаясь навстречу Гарду из-за стола.— Дорогой комиссар! Ну и дело я заварил! А? Вам снилось такое? И это всего лишь начало, я добавлю еще столько перцу, что у всех будут гореть внутренности! Садитесь, пожалуйста, будьте как дома, вы пришли чрезвычайно кстати. Надеюсь, визит ко мне не связан с какими-нибудь неприятностями?

— Как знать, дорогой лорд,— с улыбкой ответил комиссар.— Пока не придут сами неприятности, мы порой даже не знаем, кто их автор.

Лорд Аут заразительно захохотал, но тут же, словно сняв одну маску и надев другую, стал серьезен:

— Между нами: куда-то исчез автор сенсации, уже давно пора засылать в набор его вторую статью... Вы же

знаете, Гард, как я вам доверяю, вы не поможете мне? Читатели сотрут редакцию в порошок, если завтра не получат второй порции!

— Эта порция у меня в кармане,— одними губами произнес Гард.

— Что?! — не понял лорд Аут.— А какое вы имеете...

— Это несущественно, важен факт, только я хотел бы...— Гард оглядел кабинет, в котором они сидели, и редактор без слов понял этот взгляд.

— Не беспокойтесь,— сказал он,— здесь только те уши, которые не имеют языка! — И вновь захохотал.

— Тогда прочитайте при мне второй кусок, я хочу посмотреть, куда денется ваше веселье и каким станет выражение вашего лица, дорогой лорд Аут.

С этими словами комиссар протянул статью Честера. Лорд углубился в чтение, и по мере того, как ему становились известны факты и, самое главное, фамилии действующих лиц, он все больше краснел, пыхтел и покрывался потом.

— Не может быть! — воскликнул он, снимая очки и вновь надевая их на крупный, мясистый нос.— Это же... это...— Ему не хватало слов, и он потряс рукописью над головой.— Гард, вы меня просто...

— Убиваю? — мрачно подсказал комиссар.

— Что? Как вы сказали? Наоборот! — воскликнул лорд Аут.— Вы меня вернули к жизни! Я давно ждал такого материала, я с детства, если угодно вам знать, мечтал о фитиле генералу Дорону.

— Когда вы были ребенком, дорогой лорд, Дорон еще не был ни генералом, ни Дороном.

— Ах, вы не понимаете иносказаний!

— Хорошо, я рад, что вы рады. Но должен предупредить вас о возможных последствиях. С генералом шутки плохи, и если вы хотите...

— Не хочу! — перебил редактор.

— Но вы не дослушали до конца.

— Все равно не хочу! Жить? Сохранять богатство?

Обезопасить себя? Не хочу! Знаете, Гард, сколько мне лет? Сколько бы ни дали, будет мало.

— В таком случае давайте подумаем о том, что сделать, чтобы газета с этим материалом нашла читателя,— предложил Гард.— Боюсь, что, прежде чем вы наберете новый кусок, к вам явятся гости с небольшими кастетами в руках.

— Да? — в некотором замешательстве произнес лорд Аут.— Что же вы предлагаете?

— Гард, это хорошо, что вы позвонили сами, но почему с таким перерывом?

— Дела, генерал. Собственно, мне нечего было вам сказать, да и сейчас тоже, я просто демонстрирую вам свою дисциплинированность.

— Предположим, комиссар. И все же?

— Мне очень трудно с Честером, но я не теряю надежд.

— Где вы находитесь?

— В управлении.

— Он с вами?

— Да, генерал.

— Сколько времени необходимо вам, чтобы дать окончательный ответ?

— ...

— Что вы молчите, Гард?

— Думаю. Десять часов, генерал.

— Нет, дорогой мой Гард. Будет поздно. Такой срок меня совершенно не устраивает. Больше того, назначение вами именно этого срока вселяет в меня некоторые подозрения. Мне нечего вас предупреждать, комиссар, но вы понимаете, что просто ждать я тоже не умею и не могу. Я привык руководить событиями.

— Хорошо, господин генерал. Восемь часов.

— Не торгуйтесь, комиссар.

— А что хотите вы?

— ...
— Вы думаете, генерал?
— Да.
— Я жду.
— Два часа, Гард. И ни минуты больше. Через два часа я вынужден открыть действия. Вы меня поняли?
— Чего уж тут не понять, господин генерал. Мне и самому надоело это неведение. До свидания.
— Если оно состоится...

Полицейский, сидящий в машине, которая стояла у главного входа в редакцию «Все начистоту», принял телефонограмму, быстро расшифровал ее и, выйдя из машины, стремительно поднялся на четвертый этаж, в кабинет лорда Аута. «В вашем распоряжении два часа»,— прочитал лорд Аут протянутую полицейским записку.
— Мы же договаривались о пяти! — с непосредственностью, достойной младенца, воскликнул редактор, обращаясь к полицейскому. Тот, недоуменно разведя руками, наградил лорда Аута глупой улыбкой.— Метранпаж! — заорал вдруг редактор.— Метранпаж!

В шесть вечера министр внутренних дел Воннел вызвал к себе для доклада комиссара Вутса. При их разговоре присутствовал только личный секретарь министра, но и этого было достаточно, чтобы в папку Тайного совета легла стенографическая запись беседы:
Воннел. Вутс, с минуту на минуту может позвонить президент и вновь поинтересоваться сегодняшней статьей в этой паршивой газетенке.
Вутс. Вы говорите о статье Честера?
Воннел. Нет, я говорю о стряпне Честера!
Вутс. Так я же и говорю...
Воннел. Отвечайте по существу, комиссар, а то мы

еще сутки не продвинемся ни на шаг: что вам известно по делу?

Вутс. В статье говорится о какой-то «зоне», о каких-то опытах над детьми... Но ни одной фамилии и никаких адресов, кроме острова, автор не приводит.

Воннел. Благодарю вас, но я и сам умею читать. Сверх того, что опубликовано в газете, вы что-либо знаете о «зонах» и опытах?

Вутс. Как вам сказать...

Воннел. Так и скажите!

Вутс. Нет, не знаю.

Воннел. А что я должен, по-вашему, отвечать президенту?

Вутс. Что все это выдумка журналиста.

Воннел. А если не так? А если окажется, что в этой таинственной «зоне» ведется подкоп под безопасность государства? Или процветает запрещенный законом бизнес? И я сяду в лужу? И хорошо еще, если мне придется всего лишь покраснеть перед членами Тайного совета! Тогда что?

Вутс. Тогда скажете, что...

Воннел. Хватит гадать, комиссар Вутс. Лучше свяжитесь с редактором «Все начистоту» или с автором статьи, узнайте подробности и доложите мне!

Вутс. Можно исполнять?

Воннел. Вы еще здесь, комиссар? А я-то думал, что вы уже беседуете с лордом Аутом!

Линда пустыми глазами смотрела на мужа, и Фред не терзал ее словесными утешениями, понимая их бесполезность. Говорить им было, в сущности, не о чем: все, что мог на этом этапе Фред сказать Линде, он написал в статье, и теперь с тоской представлял себе, что будет с женой, когда ей станет известно содержание второго куска.

Они сидели в кабинете Гарда. Тут уже была Сюзи

Бейл, безжалостно расставшаяся с заведением «Милости просим на два часа!» — присутствие женщины, как думал Гард, смягчит положение Линды. Но напряженность не спадала, даже позы присутствующих говорили о том, что они находятся в ожидании чего-то — но чего? Что мог предложить супругам Честер комиссар Гард? Вокруг все словно замерло, как перед взрывом бомбы замедленного действия, когда уже работает часовой механизм, остановить который невозможно. Поглядывая на часы, висящие на стене его кабинета, Гард тоже ждал наступления роковых минут, знаменующих собой истечение срока, данного Дороном.

Нет, генерал не беспокоил Гарда ни своими визитами, ни даже телефонными звонками. Он тоже замер в своей резиденции, но Гард понимал: взрыв неминуем...

— Кто хочет кофе?

Линда все теми же пустыми глазами посмотрела на комиссара и ничего не ответила. «Не обойдется без врача,— подумал Гард.— Как бы не пришлось пользоваться услугами психиатра...»

И вдруг взгляд Линды наполнился содержанием — какой-то разумной мыслью, уже выстраданной, отшлифованной мозгом, рожденной не сейчас.

— Что ты хочешь сказать? — встрепенулся Фред.

— Я хочу к Майклу,— четко произнесла несчастная женщина.— Я хочу к нему в купол.

— Линда, там нет Земли...

— Но там Майкл.

— И нет жизни...

— Но там Майкл.

— Я не могу лишиться еще и тебя...

— Пойдем вместе. Ведь там Майкл.

П р е з и д е н т. Что сие означает, дорогой Воннел?

В о н н е л. У меня еще нет официальных данных...

Президент. К чему формальности, когда речь идет о детях и о судьбе государства?

Воннел. Судьба нашей страны, господин президент, в надежных руках — в ваших! Я спокоен, пока вы...

Президент. Не будем отвлекаться, дорогой Воннел.

Воннел. Видите ли, господин президент, публикация журналиста Честера — вымысел, как доложили мне мои помощники. И именно по этой причине в ней нет фамилий и адресов, кроме какого-то острова...

Президент. Вы что-то путаете, Воннел. Есть и точный адрес: остров Холостяков, есть и фамилии: генерал Дорон, профессора Янш и Биратончелли, какая-то Дина Динст... Даже цель указана: покорение Марса!

Воннел. Где? Когда?! Впервые слышу!..

Президент. Надо читать газеты, Воннел, тем более вам, уж коли вы отвечаете за охрану государства. Разве перед вами не лежит вечерний выпуск «Все начистоту»?

Воннел. Чего?! Простите, господин президент, но газетенка не имеет вечернего выпуска!

Президент. Что ж, по-вашему, ее специально для меня выпустили в единственном экземпляре? Или я вас разыгрываю? Вроде бы нам не по возрасту, я уж не говорю — не по чинам... Через два часа состоится внеплановое заседание Тайного совета. Подготовьтесь к нему, Воннел, и позаботьтесь, чтобы на заседании присутствовал генерал Дорон.

— Дитрих! Гарда! Из-под земли!

Впрочем, война объявлена, и объяснение с комиссаром уже ничего не даст. Что ему скажет Дорон? Что он считал Гарда порядочным человеком? — как странно оперировать этим термином в данной ситуации, но что поделаешь, если порядочность Гарда, нигде, никогда

и ничем не запятнанная, позволила генералу так дешево обмануться! — да, он считал Гарда порядочным человеком, а теперь с удовлетворением констатирует, что Гард такой же мерзавец, как... Как кто? Как все остальные, с кем ходит в одной пристяжке генерал Дорон? Как он сам?

Увы, разговор с комиссаром был бы бессмысленным.

Итак, ему удалось усыпить бдительность генерала. Всего на два часа. Как не понял этого Дорон, торгуясь с комиссаром по поводу часов! А ведь подозревал подвох, ну и чутье у Дорона! Но ста двадцати минут оказалось достаточно, чтобы выскочила вторая публикация!

Тираж вышел. Бригада «Молния-1» безнадежно опоздала. Счеты генерал будет сводить потом, сейчас надо думать, как поступать дальше.

Уже был звонок от президента.

Уже последовал вызов на заседание Тайного совета.

Уже объявился этот кретин Воннел.

Уже дежурят возле особняка Дорона люди комиссара Вутса, идиоты!

— Генерал, у телефона Гард,— бесстрастно объявил Дитрих.

— Вы его нашли или он сам?

— Он сам,— сказал Дитрих.

Помешкав, Дорон взял трубку:

— Что скажете, комиссар?

— Я обеспокоен только одним обстоятельством, генерал. Прошу выслушать меня, так как, по-видимому, нам не скоро удастся встретиться и поговорить.

— Вы пишете этот разговор на пленку?

— Да, генерал.

— Продолжайте, я слушаю.

— Я понимаю, генерал, что перед вами несколько возможностей, которые будут зависеть от хода событий. Не исключено, что вы предусмотрели вариант с уничтожением купола и «зоны», а затем — бегством.

— Предположим.

— Вы хорошо знаете меня, генерал...
— Не уверен.
— Так вот я обещаю...
— Вы уже обещали. Опять?
— То было другое дело, сейчас вы поймете. Я обещаю, что выйду из игры, если дети останутся живы. В противном случае...
— Ну? Продолжайте.
— В противном случае я лично найду вас, где бы вы ни были. Вы, допускаю, уйдете от президента, от Тайного совета, но от меня... Я рассчитаюсь с вами, генерал. Пусть это тоже будет записано на вашей пленке, мне все равно. Я сказал!
— Угроза?
— Да. Предупреждение.
— А что значит «выйду из игры»?
— Вы обратили внимание на то, что и во втором материале Честера не упомянута моя фамилия? Это я настоял. Будут живы дети — и меня нет. Понимаете, генерал? Я не был в «зоне», я ничего не видел, ни с кем не знакомился, ничего не знаю. Всегда вы меня покупали, сегодня я хочу купить вас своим обещанием молчать. Я выведу из игры своих людей — Таратуру, девушку, даже вашего Шиза. Перед лицом общественности у вас останется один противник: Честер. Я буду всеми силами оберегать его жизнь, но, как вы понимаете, я все же облегчаю вашу задачу. В обмен на жизнь детей!
— Вы сказали — перед лицом общественности? А вы знаете, как она себя поведет, ваша общественность?
— Могу представить.
— Ваши гарантии?
— Когда получу гарантии от вас.
— Так... Я подумаю.
— Через тридцать минут, генерал, я вновь позвоню вам.
— Нет, через час, если не возражаете.
И обе трубки одновременно легли на рычаг.

«Какое решение он примет? — думал Гард, закончив разговор с генералом.— Что предпримут президент и правительство? Как отнесутся к происшедшему члены Тайного совета, которые, вероятно, уже назначили час для совещания? Но самое главное, какова будет реакция общественности, сколь сильным окажется возмущение народа? И почему у Дорона проскользнули какие-то сомнения и странные намеки на этот счет? На что он надеется? Что сильные мира сего испугаются не столько человеконенавистнической затеи Дорона, сколько взрыва всеобщего возмущения, а потому возьмут генерала под защиту?»

Сплошные вопросы, и ни одного достоверного ответа!

Самое печальное заключалось в том, что комиссар полиции Гард, находясь в центре событий, имея под рукой верных помощников, формальные полномочия, оружие, в конце концов, до болезненности был бессилен! Нет, он не мог сейчас арестовать преступников. Не мог своей властью переправить на остров штурмовой отряд полицейских и предотвратить уничтожение «зоны». Не мог явиться к президенту со своими предложениями, потому что глава государства сам был зависим от Тайного совета. Не мог, наконец, потребовать вызова на заседание высшего органа власти, чтобы изложить перед ней свои соображения об опасной затее генерала Дорона, о преступности его замыслов и деяний, поскольку власть эта не зря называлась «тайной»: она фактически была, а увидеть ее, предстать перед нею, говорить с ней невозможно! Члены Тайного совета, самые богатые и сильные люди Ньюкомба, правили страной, вершили человеческими судьбами, судили и миловали, разрешали и запрещали, но — невидимо и негласно, как боги с Олимпа, недоступного простым смертным...

Гард ждал, а чего ждал — неизвестно. Он не мог даже предугадать, куда и как повернутся события через минуту...

На заседании Тайного совета генерал Дорон держался уверенно, внешне непринужденно, но те, кто знал его, не могли не заметить, что он тратит массу усилий, сдерживая волнение.

Да, он положил на весы этого самого могущественного в Ньюкомбе органа свою яркую речь, убедительность которой могла бы подействовать на кого угодно, но только не на членов Тайного совета, и теперь ждал, какая чаша перевесит.

Он сказал, что идея покорения Марса плодотворна, поскольку усиливает мощь государства, даст потом бурные всходы, возвысит народ страны в глазах всего мира и своих собственных; и с этой мыслью члены Тайного совета, кажется, согласились, хотя и задали генералу вопрос о том, как, он полагает, будут распределяться обещанные доходы.

Он сказал, что был вынужден окутать тайной свою деятельность в интересах общей национальной безопасности, и члены совета опять не возразили, хотя всем было ясно, к чему это могло привести. Но и Дорон, и все присутствующие, и даже Воннел с президентом понимали, что давний замысел генерала не имеет теперь никакого значения, что отсчет нужно вести с той минуты, когда он вновь сравнялся в своих возможностях с остальными, равными себе, и что опасность каждого здесь присутствующего определяется не его неосуществленными замыслами, а его реальными делами.

Генерал сказал далее, что идея перестройки человеческого организма и ее реализация — пример, свидетельствующий о потрясающих возможностях науки, перспективы которой воистину необозримы, и намекнул при этом, что в недалеком будущем можно будет создавать киборгов, то есть кибернетически организованных людей, способных решать разные — он особо подчеркнул: разные! — задачи, причем последние события показывают, что с человеческим материалом проблем не будет,— и члены Тайного совета его отлично поняли,

хотя и поморщились, когда Дорон дал им понять, что ученые, решающие эти научные вопросы, находятся в его ведении и «даже сейчас продолжают свою деятельность, результаты которой мы вынуждены сохранить в тайне все в тех же высших интересах».

Наконец, Дорон сказал, что реакция народа на статьи журналиста Честера, опубликованные в газете «Все начистоту», дает отличную возможность, с одной стороны, сгладить на время классовую борьбу, поскольку позволяет, открыв клапан народного возмущения, сбросить в нужном направлении избыток его энергии и воли, а с другой, воспользовавшись той же реакцией народа, или, говоря проще, толпы, представить ее результатом воздействия левых сил и решительно подавить сопротивление оппозиции, разделавшись с зачинщиками и главарями одним ударом, пока внимание общественности отвлечено,— и члены Тайного совета с видимым одобрением встретили эти слова Дорона.

Провозгласив все это, генерал сел, весьма довольный собой, и нельзя сказать, что он был так уж не уверен в окончательном решении совета. Он понимал, что каждый из присутствующих взвешивает сейчас возможность либо ограничить генерала в дальнейшей работе над проектом «Космос», либо отстранить его вовсе,— но нет, на это они не пойдут! — либо дать ему карт-бланш, правда, под неусыпным контролем Тайного совета.

Высший орган власти никогда никому не позволял возвыситься над остальными хоть на мгновение и хотя бы на один миллиметр, но он, как правило, не допускал и понижений...

«Гард! — вдруг выстрелило из глубины дороновского сознания, но генерал тут же себя успокоил.— А что, собственно, Гард? Условия соблюдены: купол цел, «синие» живы... Подумаешь, Гард! Пусть теперь он живет в напряжении, ожидая, когда и как я с ним рассчитаюсь!..»

ОТ АВТОРА

— Дэвид,— сказал я Гарду,— как ты относишься к тому, что я опубликовал эту рукопись? Правда, дело уже сделано...

Он пожал плечами.

— Ответь мне прямо,— настаивал я.

— Хорошо,— сказал он, подумав,— отвечу тебе прямо. Меня, как ты знаешь, меньше всего беспокоит моя собственная персона, хотя у тебя и получилось, что в этой печальной истории я проявил свою полную профессиональную несостоятельность.

— Отнюдь!..— начал было я, но он перебил:

— Не возражай. Я знаю, что говорю. Но меня волнует другое: что ты хотел сказать своей книгой?

— Я хотел сказать,— ответил я, как прилежный ученик отвечает урок учителю,— что народ не имеет права отказываться добровольно от решительных действий. Что изменять нашу жизнь надо здесь, на Земле, а не искать свое счастье на Марсе. И что в нашем обществе, где власть принадлежит горстке миллионеров, надо быть бдительными: достижения науки могут быть использованы в самых уродливых формах...

— И по всему этому,— прервал меня Гард,— ты решил наступить читателю на ногу и еще извиниться за это?

Я промолчал.

— Ну ладно,— сказал он, чуть успокоившись.— Разбередил ты старые раны, потревожил память добрых людей...

Он закурил, надолго задумался, я не мешал ему. Потом он неожиданно произнес:

— Прошло время, дорогой мой друг, и еще пройдет, а время не только лечит, оно, как известно, крадет годы даже у бога.

— Бога нет,— сказал я.— И надо рассчитывать на себя. Только на себя! Ты понимаешь это, Дэвид?

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИБ № 4867

Павел Багряк

СИНИЕ ЛЮДИ

Редактор **В. Родиков**
Художник **В. Овчининский**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректоры **В. Авдеева, Н. Самойлова**

Сдано в набор 12.08.85. Подписано в печать 24.02.86. А 01454. Формат 70×108 1/32 Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,85. Усл. кр.-отт. 11,2. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 100 000 экз. Цена 75 коп. Изд. № 1548. Заказ 5—300.

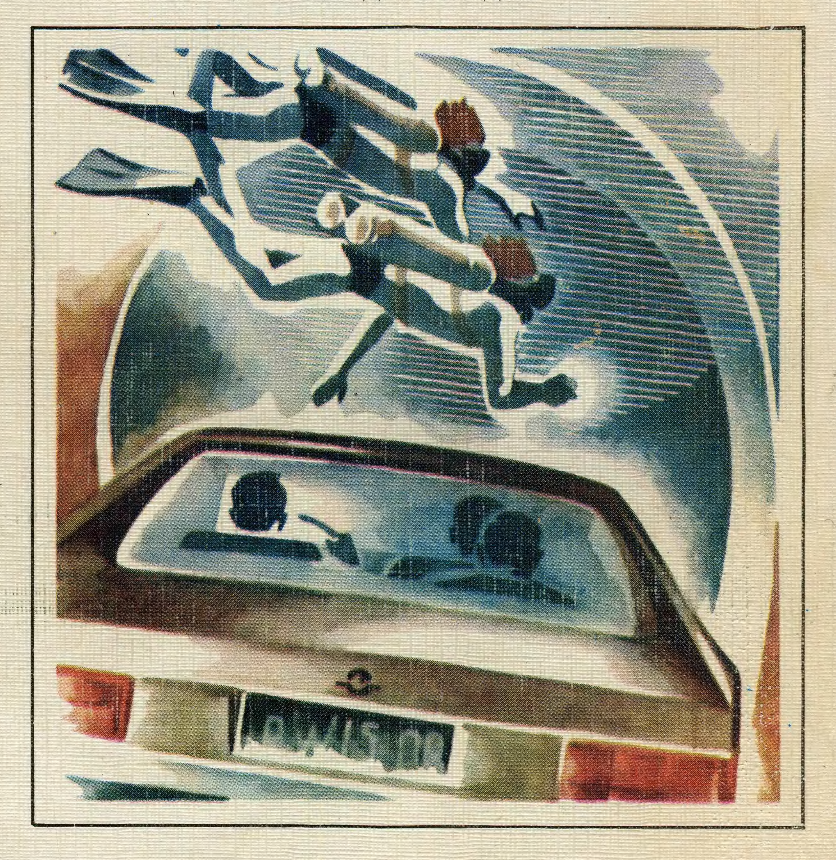
Ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». 252119, Пархоменко, 38—42.

библиотека
Беспалова
СССР

75 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ПАВЕЛ БАГРЯК

СИНИЕ ЛЮДИ

ПАВЕЛ БАГРЯК СИНИЕ ЛЮДИ